

8-4

Kolmē

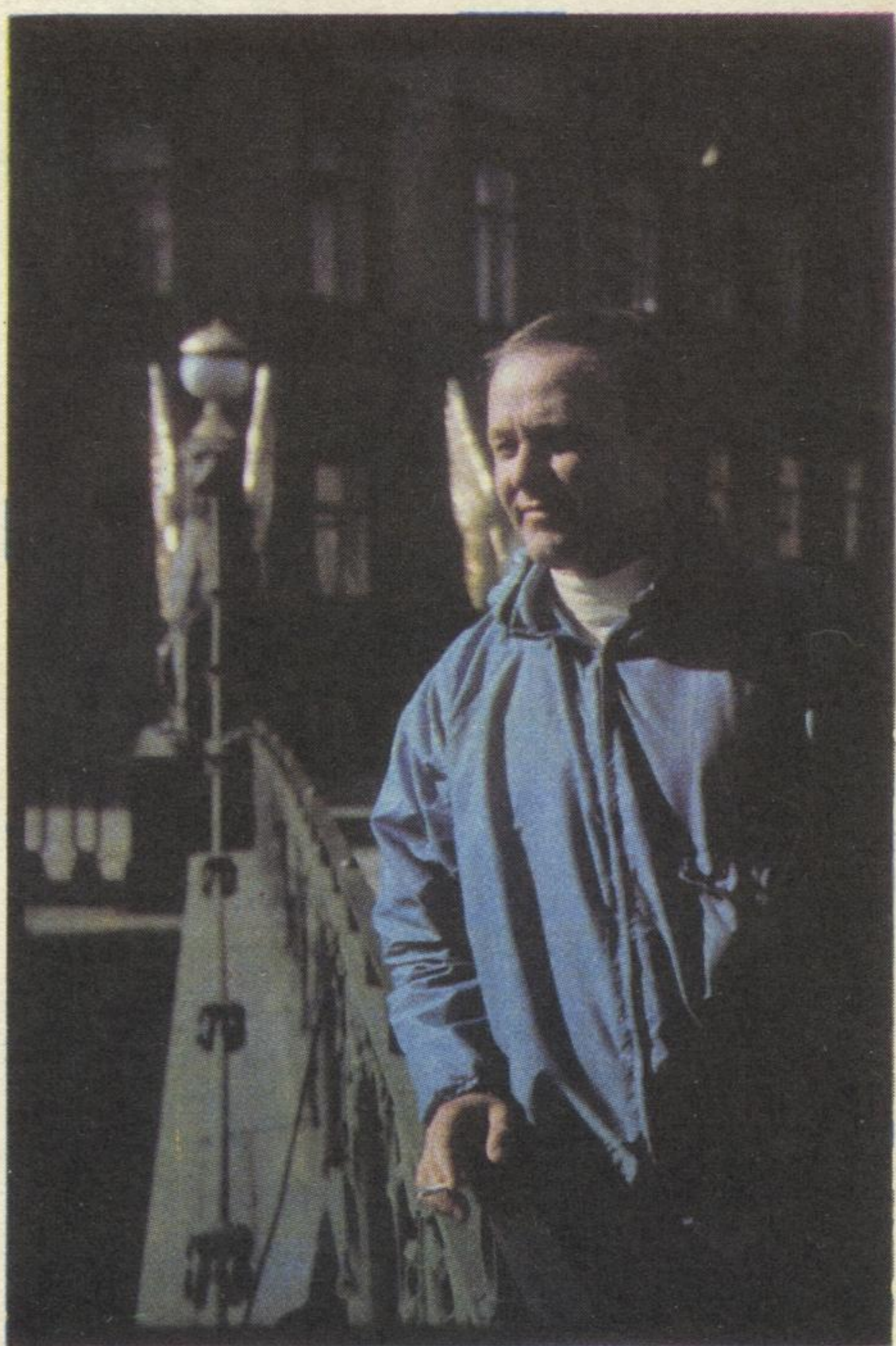
8
АВГУСТ
1969

В праздничный майский день, крепко держа за руку дочь, гулял по Ленинграду человек. Замедлял шаг на горбатых мостиках, подолгу смотрел на лица прохожих, дома, улицы, как это делают обычно перед долгой разлукой с родными местами.

Последние льды плыли по Неве к океану . . .

ОЧЕРКОМ ОБ ОТВАЖНОМ СОВЕТСКОМ МОРЕПЛАВАТЕЛЕ ЮРИИ СЕНКЕВИЧЕ МЫ НАЧИНАЕМ ЭТОТ НОМЕР „КОСТРА“.

Фото Л. Полякова

Костёр
8
АВГУСТ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Ладья в океане

рассказывает Ю. СЕНКЕВИЧ 2

Совет друзей 5

Наша почта 7

Дружба 8

Арфа и бокс

главы из романа В. ГОЛЯВКИНА 9

Страна Поэзия 29

Здесь жил и работал В. И. Ленин

репортаж Г. УСЫСКИНА 30

В старом сундуке

сказка С. ВОРОНИНА 34

Такой большой ветер

очерк И. ВОЙТЕНКО 36

На волосок от смерти

рассказ Р. ПАРВЕ 40

Стихи

Н. Карповой и Г. Семенова 47

Рыцаренок на матче чемпионов

впечатления болельщика 48

Как я стала кукольницей

из воспоминаний И. ЛЕПКО 50

Воронко

бывальщина К. КОНИЧЕВА 53

Что? Где? Когда? Почему? 55

Морская газета 56

Хозяин сказок

заметка Н. СЛЕПАКОВОЙ 57

„Я ем блины“

Л. УСПЕНСКИЙ 58

Без экрана и темноты

заметка Г. ГРИЦАЕНКО 60

Уголёк

журнал для малышей 61

Уголок веселого архивариуса 63

Бьют барабаны Арчебека 64

БЕРЕЗЫ

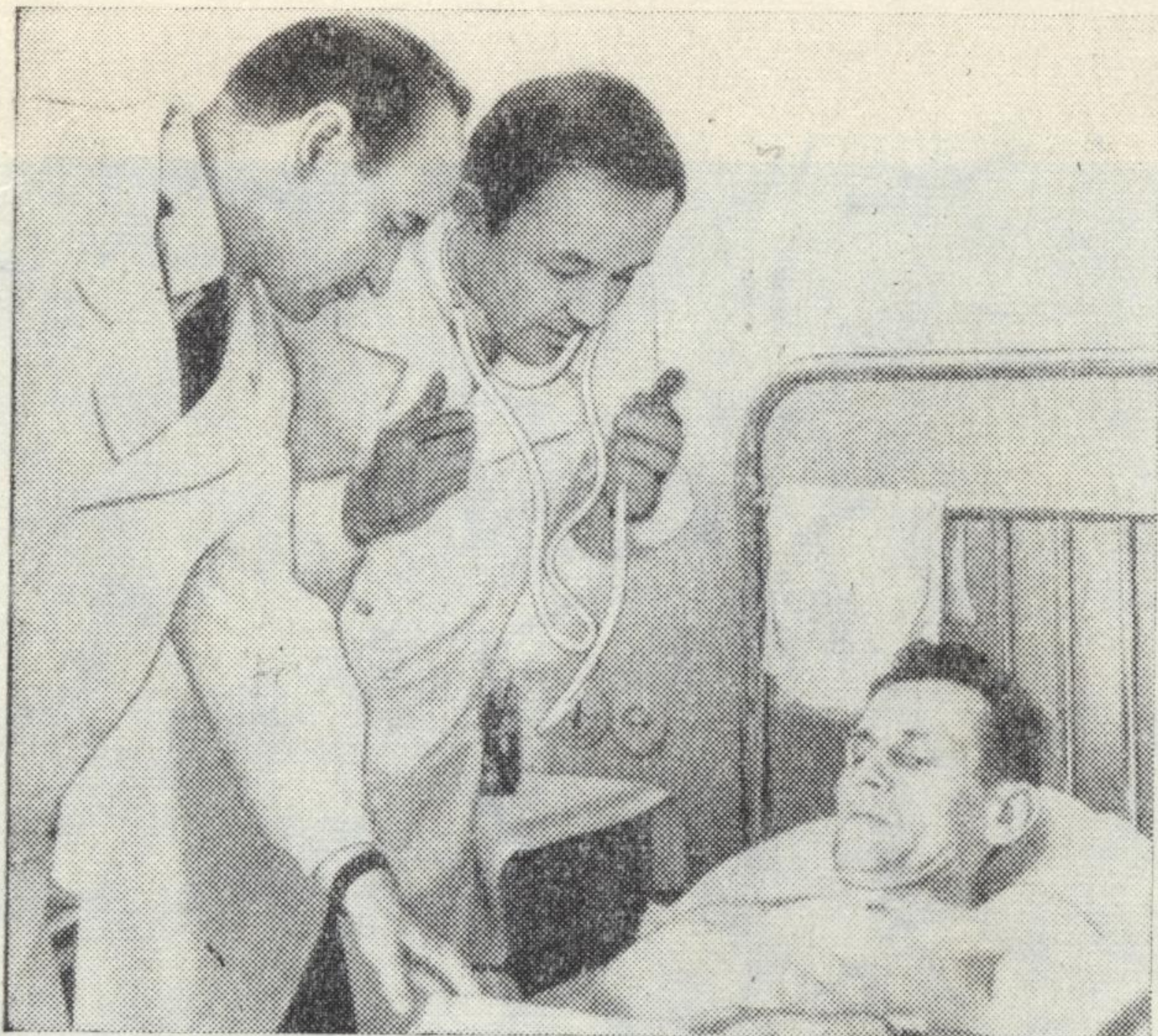
Тушь. 1959 год

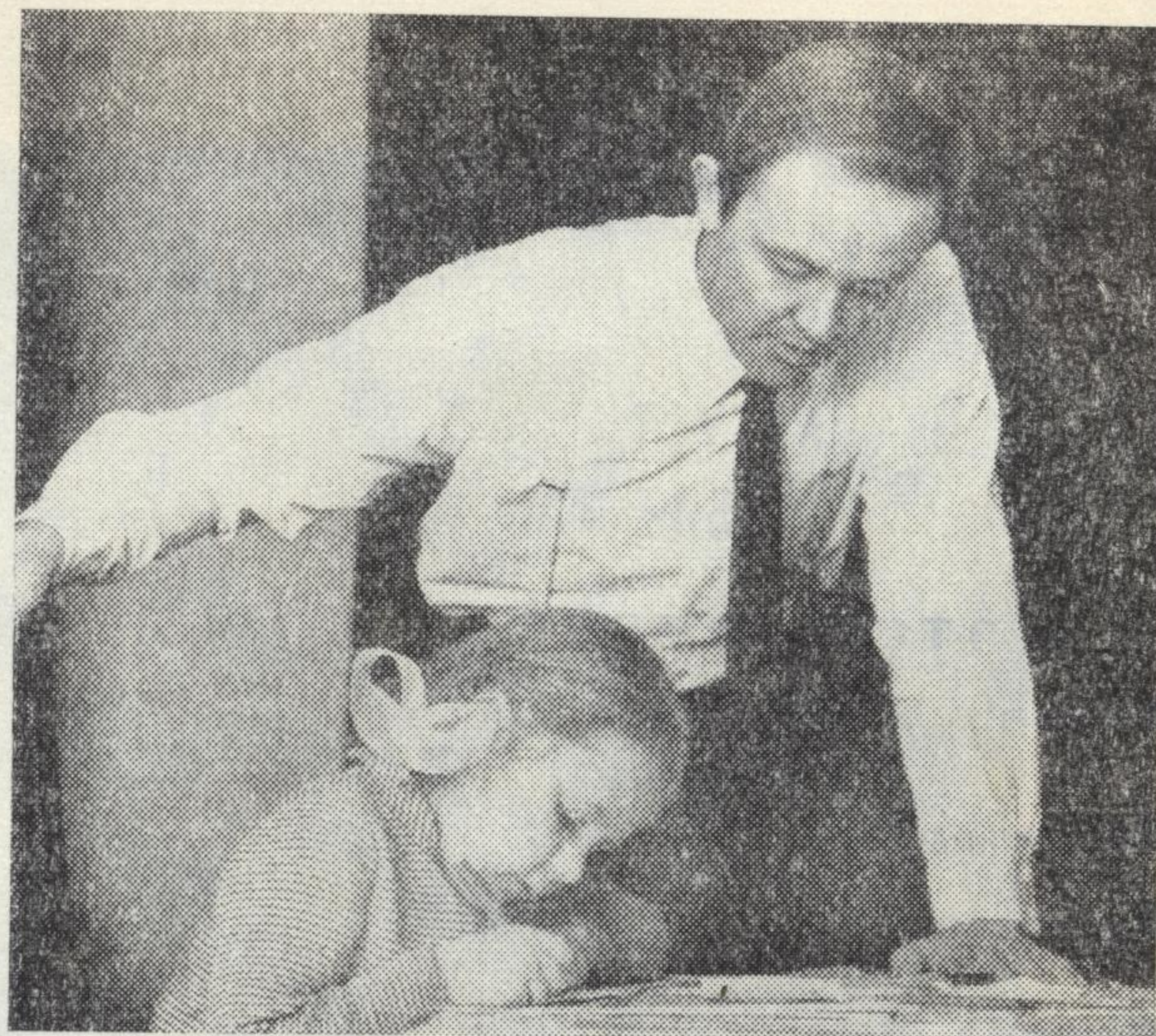
ПАВЛОВСКИЙ ПАРК

Автолитография. 1922 год

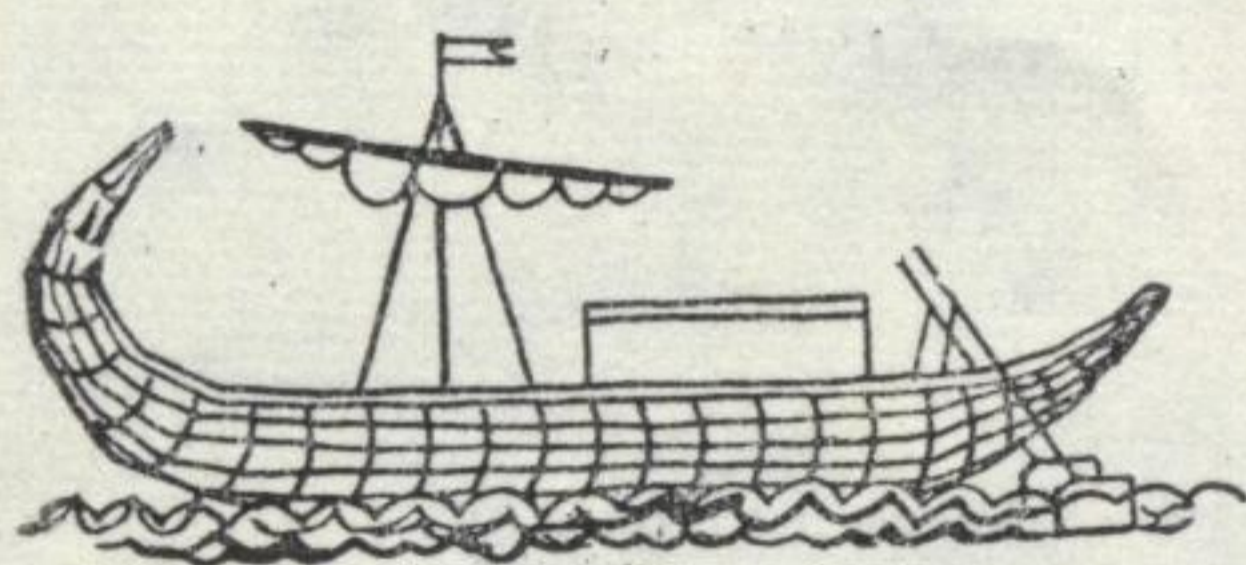
О рисунках Владимира Михайловича Конашевича
читайте на странице 57

„Я вырос и учился в Ленинграде.
Там получил диплом врача...“

„Моя дочь Даша решила написать письмо
капитану Туру...“

ЛАДЬЯ В ОКЕАНЕ

Юрий Сенкевич рассказывает:

— В старину у португальских моряков была пословица: «Кто дойдет до мыса Нет, тот вернется или нет». А мы отправляемся в плавание из марокканского порта Сафи, это недалеко от мыса Нет, и в благополучном возвращении никто из экипажа «Ра» ничуть не сомневается...

Еще школьником я полюбил походы: лыжные и пешеходные, с рыбалкой и ночевкой у костра. И верил, что меня ждут большие путешествия. А как же быть с профессией врача, которую я выбрал очень рано? Что ж, герои любимых мною в те годы книг отлично совмещали страсть к медицине со страстью к путешествиям. Взять, к примеру, доктора Ливси из «Острова сокровищ»! А наш прославленный путешественник Миклухо-Маклай!

Мои интересы школьных лет прямыми путями привели меня к лучшей на свете профессии — врача-исследователя! Естествозна-

„Первое большое морское плавание—путь в Антарктиду“

ние, спорт, иностранные языки стали моей работой, а теперь превратили меня в мореплавателя.

„...какими видами спорта занимался с детства: футбол, плавание, легкая атлетика, бокс, лыжи. Теперь полюбил подводное плавание, слалом“

„Пришел проводить меня Борис Егоров. Вот уж кому дозволено побывать в „экстра-экстремальных“ условиях“

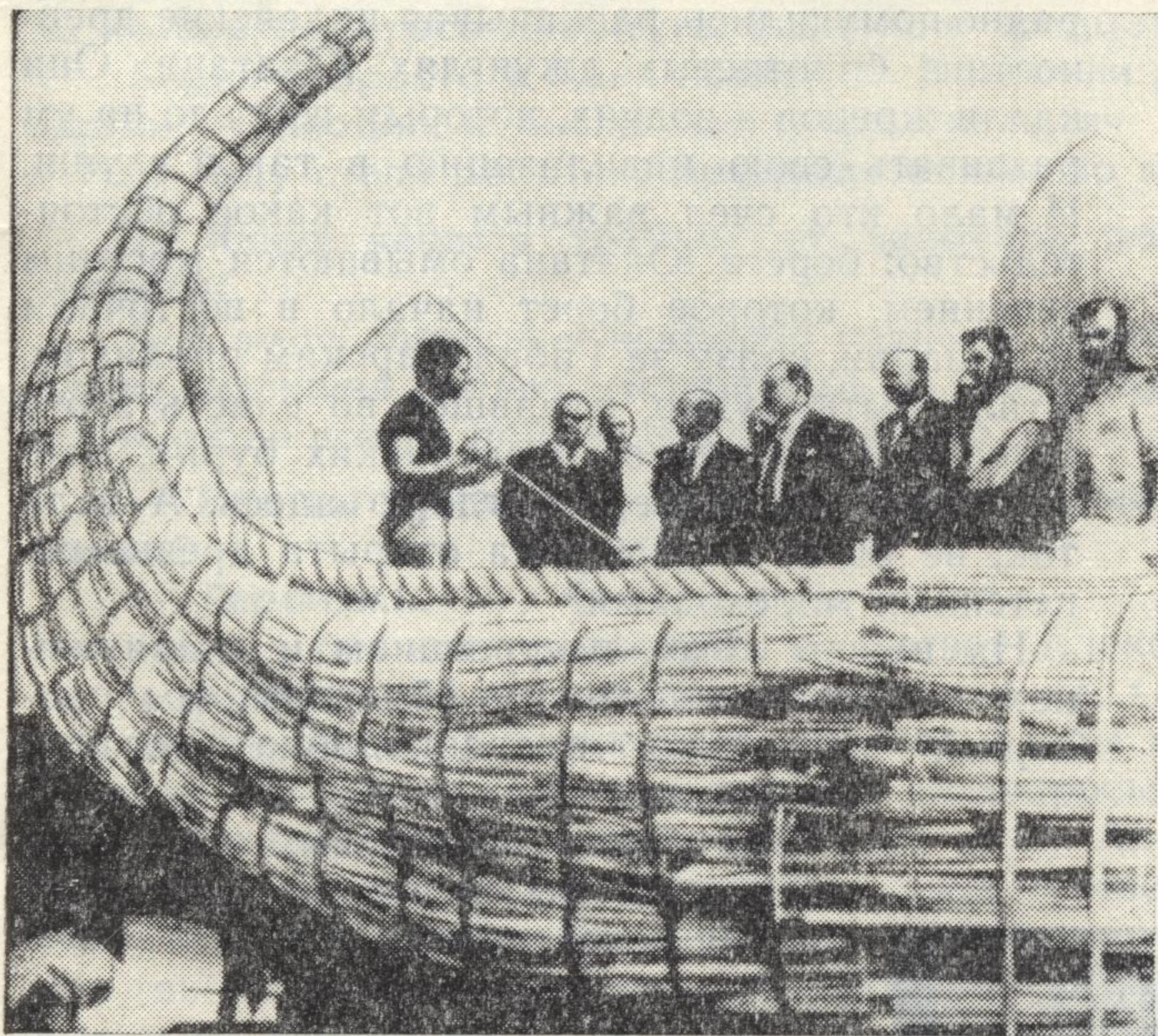
Казалось бы, куда как удобно жить в двадцатом веке — среди автомобилей, телевизоров, холодильников. Но если люди прежних веков торопливо пересекали пустыни, едва подняв-

шись на ледяные вершины, тут же спешили вниз, то людям двадцатого века подолгу приходится жить и работать в этих негостеприимных областях. Человек спокоен и весел, когда ему хорошо, но кому не знакомы приступы страха и уныния. Я как врач и физиолог изучаю поведение человека в особо трудных, по-научному «экстремальных» условиях.

Самые что ни на есть «экстремальные» условия я нашел на станции «Восток» в Антарктиде, где работал весь 1967 год.

О своей работе я рассказал капитану «Ра» Туру Хейердалу (тому самому Хейердалу, чьи книжки мы зачитывали до дыр в юности!), и объявил, что рассматриваю товарищей по путешествию не только как своих возможных пациентов, но, прежде всего, как объекты психофизиологического исследования. В самом деле, такие «экстремальные» условия, какие ожидают нас на борту «Ра», не часто удается создать. Ален Бомбар, который пересек Атлантику на надувной лодке, доказал, что человек не беспомощен наедине с океаном. Мы продолжим его исследования.

Занимает меня и другое. Представьте себе недалекое возможное будущее — интернациональный экипаж космического корабля. Как поведут себя в пути люди, привыкшие говорить, думать и чувствовать по-разному?

„Связан из охапок папируса. Длина „Ра“ — 15 метров, ширина — 5 метров. Капитан Т. Хейердал (Норвегия), навигатор Н. Бейкер (США), боцман Д. Абдулла (Чад), фотограф К. Маури (Италия), члены команды — Рамон Браво (Мексика) и Ж. Сориал (Египет), судовой врач — Ю. Сенкевич (СССР)“

Хейердал сказал, что включает мои исследования в план экспедиции.

При первой же встрече Хейердал спросил меня: «Какое у вас хобби?» В ответ я рассказал ему анекдот о чудаке, который спутал хобби с хоботом. Хейердал расхохотался и сказал: «Вы веселый человек. Эта черта характера пригодится вам не меньше, чем ваши познания в медицине».

Капитан снял для меня в каирской гостинице номер окнами на пирамиды...

...Как вы думаете, откуда это и о чем?

*Когда умирали правители,
их здесь же и хоронили.
Затем строили над ними пирамиды,
которые стоят и сейчас.
Каждая пирамида напоминает небольшую
гору,
только сделанную руками человека.*

Не спешите с ответом! Речь идет не о Древнем Египте. Это из предания, сложенного мексиканскими индейцами. А пирамиды — их в

Центральной Америке не меньше, чем на берегах Нила.

Еще совпадение. На каменной плите высечена фигура царя, наносящего врагу смертельный удар. В правой руке — дротик или булава, левая цепко держит пленника за волосы. Так было в Египте, так велось и в Мексике. Но, быть может, древних владык повсюду изображали сходно? В том-то и дело, что нет. Вихор в кулаке — к этому запрещенному приему прибегали, если верить древним памятникам, только фараоны Египта и... цари индейских племен: майя, ацтеков.

Предания индейцев полны сведений о бородатых мореходах, приплывавших в их землю с Востока. И вот, совсем недавно, один мексиканский археолог извлек из земных глубин глиняную фигурку бородатого человека. Об ее происхождении долго гадать не пришлось: статуэтку вылепили в Риме. Другое дело — как она попала в Америку? А с ней и римские монеты, найденные в Венесуэле?

Догадки о том, что между народами Средиземноморья и племенами Центральной Америки могли еще в глубокой древности завязаться культурные связи, появились давно и получили в науке название «диких теорий». Мы собираемся проверить, так ли они дики, эти теории.

В конце прошлого столетия археологи изрядно помучились, раскапывая индейские древности в болотистых джунглях Юкатана. Они кляли жрецов и зодчих, которым взбрело на ум развивать свою цивилизацию в такой глуши. И мало кто считал важным вот какое обстоятельство: берега Юкатана омываются могучим течением, которое берет начало в восточном полушарии, сразу за Гибралтарским проливом. Стало быть, судно, попавшее во власть этого течения и уцелевшее в океанских бурях, должно пристать к берегу где-то здесь. А если так, не была ли Америка открыта древнеегипетскими мореходами?

На нашем «Ра», построенном и снаряженном по древнеегипетским образцам, мы проверим, насколько правдоподобна догадка Хейердала.

Мы будем счастливы, если наш опыт хотя бы ненамного увеличит знания человечества.

ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ БУДЕТ В ПЛАВАНИИ НЕ ТОЛЬКО СУДОВЫМ ВРАЧОМ, НО И СПЕЦИАЛЬНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ НАШЕГО ЖУРНАЛА. ЕГО РАССКАЗ О ПУТЕШЕСТВИИ ВЫ ПРОЧТЕТЕ В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ «КОСТРА» 1970 ГОДА

Фото Л. Полякова и М. Фукса

*Дорогие ребята
"Костра"!
Сегодня я улетаю
из Москвы в Маракако,
а через неделю "Ра" обира-
вится в плавание
Косца Вернувшись, обязательно
расскажу вам
о нашем путешествии*

Врач экспедиции "Ра"

Ю. Сенкевич

5.692.

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

До недавнего времени, вы знаете, не было некоторых профессий. Например, профессии космонавта, оператора атомного реактора. Должность председателя колхоза появилась на свет лишь с советской властью, с колхозами.

Наш корреспондент А. Шейкин встретился в деревне Перёдки Новгородской области с председателем колхоза «Россия» Александром Ивановичем Зиминовым.

— Тысячи писем приходят в редакцию. И ни одного нет о том, что кто-нибудь из ребят мечтает стать председателем колхоза. Почему так получается, Александр Иванович?

— Должность председателя своеобразна. Ведь председателя не назначают. Его выбирают на общем собрании. И, значит, такой человек еще до выборов должен иметь в глазах колхозников какие-то заслуги, хорошо проявить себя, свой характер. Ребята, видимо, понимают это. Планировать: «Я буду председателем» — кажется им нескромностью.

— Ну, а вот как вы проявили себя до того, как стали председателем?

— Семнадцать лет, в сорок втором, был призван в армию. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. После войны служил на пограничной заставе. В армии закончил вечернюю среднюю школу, поступил в Ленинградский сельскохозяйственный институт, на заочное. В 1950 году демобилизовался, вернулся в родную деревню, был рядовым колхозником, заведовал клубом. «Рассмотреть» меня можно было основательно... Коммунисты колхоза выбрали меня секретарем партийной организации. Председателем стал в 1955 году, учился тогда на четвертом курсе института. Было мне тридцать лет.

Видимо, просто в меня поверили. Поверили рекомендации райкома партии: я входил в число тех тридцати тысяч коммунистов, которые в 1955 году стали работать председателями по призыву партии.

— Каких качеств требует от человека должность председателя колхоза?

— Самое главное — искренно служить народу. Даже если нервничаешь, излишне горячо настаиваешь на чем-нибудь, но делаешь все от души, люди всегда поймут тебя правильно.

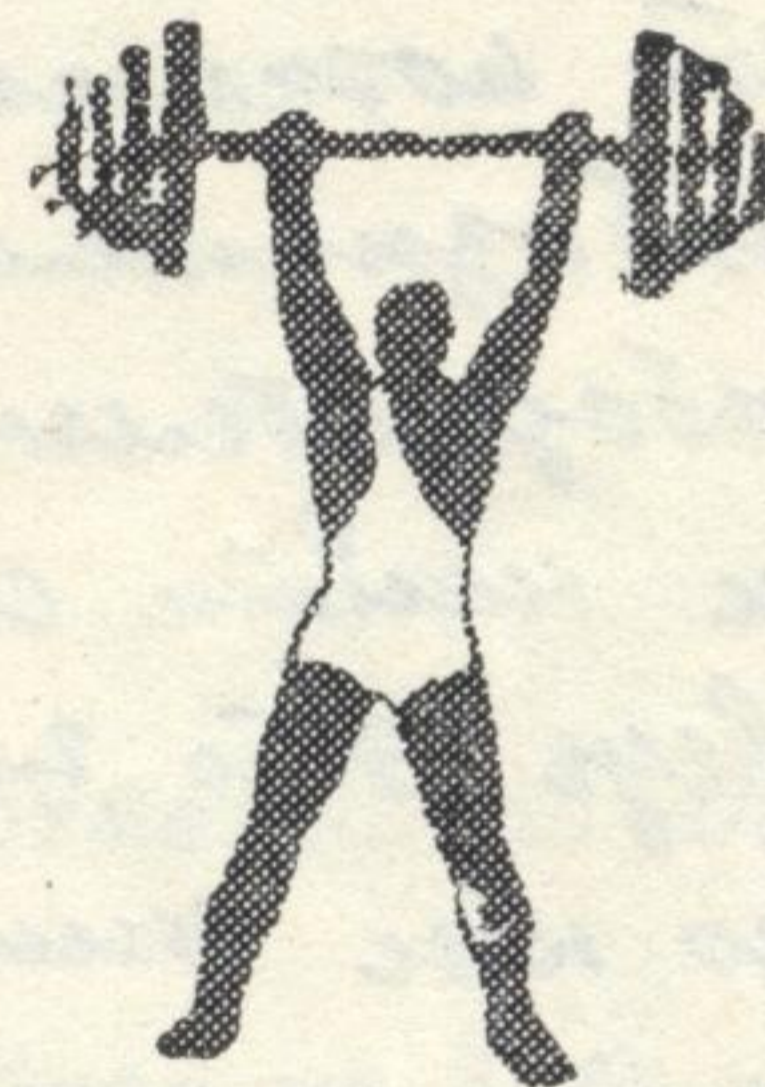
— Как вы думаете, может ли председатель колхоза проявить героизм?

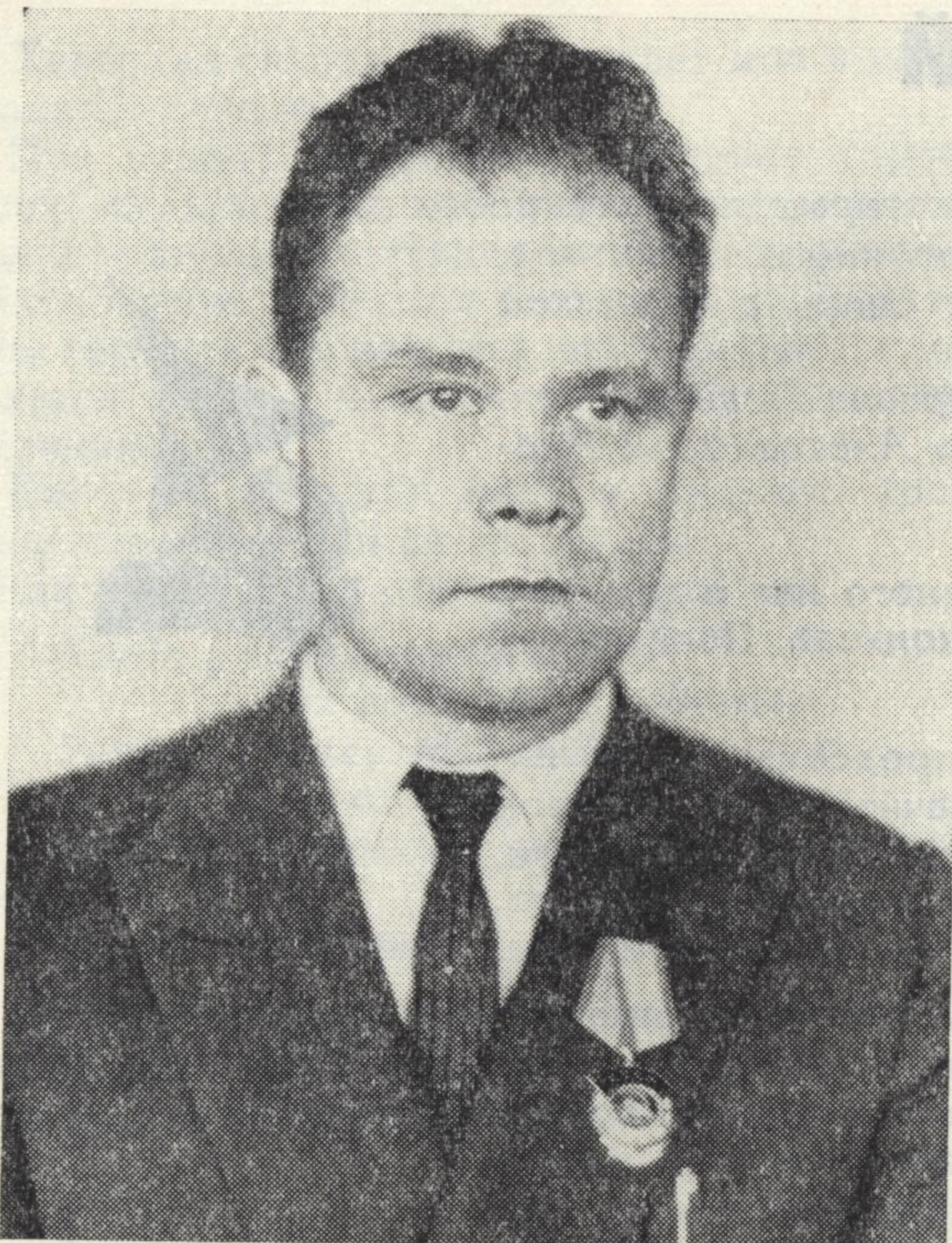
— Героизм!..

(Перед тем как предложить вам ответ Александра Ивановича, наш корреспондент делает небольшое отступление. Он знаком с Александром Ивановичем несколько лет, и хочет, чтобы вы тоже немного представили его себе не только по ответам на вопросы.)

...Колхоз, председателем которого стал Александр Иванович лет пятнадцать назад, был небольшой, из двух деревенок. Находился он, как говорится, в глубоком прорыве. Прежний председатель уже много месяцев тяжело болел, хозяйством не руководил. Люди, что называется, отвыкли от дисциплины. Два дня подряд предлагал Александр Иванович своим бригадирам назначить людей на прополку моркови. На поле не выходил никто.

На третий день в пять часов утра председатель Зиминов сам вышел на прополку. Шаг был рискованный: придет ли кто на помощь, когда увидит председателя на грядках? Что, если никому не будет дела до него? Бежать тогда из колхоза? Нельзя. Значит, одному придется выполоть

*Что пожелаю вам, ребята?
Любопытности и еще раз
любопытности. Она поможет
вам найти своё место в жизни,
и всё это главное — знать для
чего ты живешь.*

А. Зининов

целое поле, так, словно бы с самого начала он и собирался это сделать. Но как выколоть одному? Поле ж огромное! Он полон и, уходя от деревни вдоль грядки, боялся оглянуться. Полон, полон и полон.

Около семи часов в стороне деревни послышался шум, разговор, какие-то возгласы.

Он все полон и полон. Лишь в половине восьмого утра позволил себе оглянуться: полон, продвигаясь за ним, человек сорок!

Все грядки были заняты.

Александр Иванович боялся, что не удержит слез радости. Дополон до кустов и пошел в другую бригаду.

И дело, понимаете сами, было не в том, что морковь с этого поля принесла замечательный урожай, а значит, доход. В этот день произошел перелом в сознании колхозников. Уже к осени дела в колхозе наладились, а еще через год колхоз вышел в передовые по Боровичскому району области. И, пожалуй, то, что он совершил на морковном поле, было сродни героизму...

— Так как вы думаете, Александр Иванович, может ли председатель колхоза проявить героизм?

— Лично, как любой человек?

— Нет, именно как председатель колхоза.

— Не знаю, это очень трудный вопрос. В одиночку председатель может совсем немного. Поэтому самое главное для него — добиться слаженной работы колхозников. А вот тут успех приходит неохотно. Точнее сказать, он накапливается днями, часами. Годами даже. Когда успех придет, это всем видно. В газетах об этом напишут, радио скажет. А председатель задолго до этого должен видеть, что и как. Иначе

как еще узнать — правильным или неправильным путем развивается хозяйство колхоза? Радостно председателю, когда рядовые колхозники, народ, понимают его, поддерживают...

— Какие профессии считаете вы наиболее важными сейчас для деревни?

— Профессию тракториста и животновода. Причем, образование может быть не обязательно техническое среднее. Пусть будет просто среднее.

У нас все бригады тракторных бригад учатся в техникуме. Есть и такие, кто учится в институте. Яков Иванов, например. Он скоро закончит институт.

— Кем он работает в колхозе?

— Был и трактористом, и сварщиком, и шофером, и комбайнером, и доярком. Сейчас — главный инженер колхоза.

— Ну, а что дает самому трактористу среднее образование? Лично ему?

— Что за вопрос? Ведь он может технически грамотно обслужить машину, знает все ее возможности. Такой тракторист дисциплиниро-

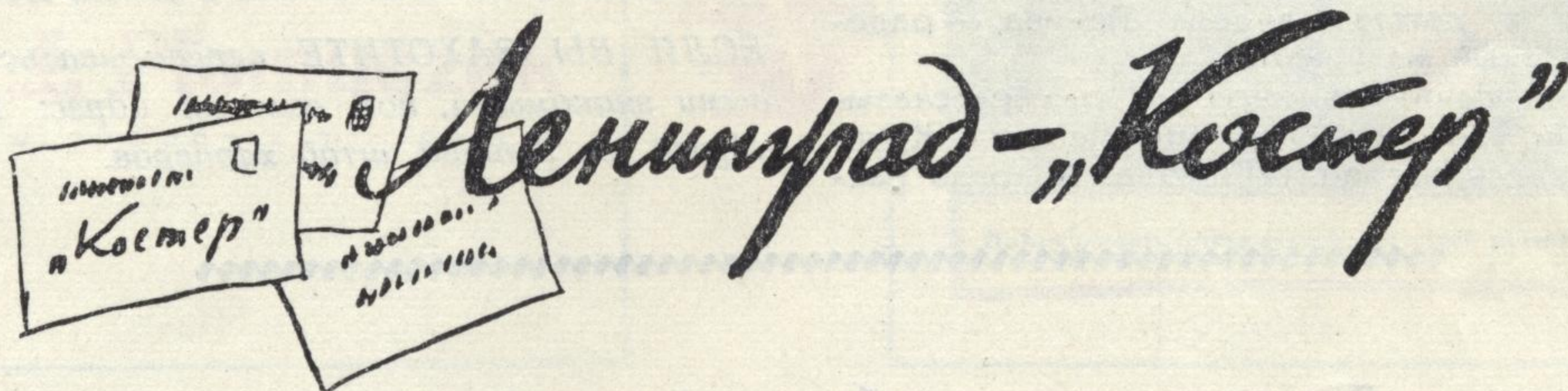
ванной работает, значит, — лучше. Кроме того, зарабатывает такой тракторист гораздо больше остальных.

— В некоторых письмах ребята спрашивают: «Можно ли жить интересно везде? У нас скучно... поселок маленький...» Некоторые даже вполне определенно считают: «Если бы я жил в городе, мне было бы интересней», а некоторые — наоборот: «Если бы я жил в деревне, я ходил бы больше на лыжах, меньше скучал...» Что вы обо всем этом скажете?

— После демобилизации я мог найти себе работу в городе, мастером телеграфной связи. Неплохая профессия. Но деревенская жизнь мне больше по душе, чем городская...

— Последний вопрос. Какие ребята — по характеру — вам всего симпатичнее?

— Любознательные! Хоть порой они приносят беспокойства больше, чем остальные. Иногда и вопросы такие задают, что не можешь ответить. Но зато как активны в поисках своего места в жизни! А ведь это главное!

НЕ „ПРОТИВ“, А — „ЗА“!

Перед новым учебным годом я вернулся к своим редакционным обязанностям. Я нашел в нашем почтовом ящике письмо из Угличского района Пермской области:

«Дорогая редакция, есть у нас ученик Слава А. У него очень много двоек. Он очень редко ходил в школу: день-два не приходит, а потом придет. Кончаются уроки — быстро берет книги и уходит. Раньше он жил в интернате. Его мама приходила в школу... Однажды, узнав, что Слава учится плохо, плакала...»

После разговора с матерью и воспитательницей Слава перестал пропускать уроки, ходит в школу каждый день.

Зато никакой управы не находится на другого «героя»: Вова Байбуз учится только на тройки, плохо сидит на уроках, за него всему

классу не раз снижали отметки по дисциплине...»

Удивляюсь: неужели ребята из 8«б» класса собираются позволить своим «героям» и в новом учебном году «портить весь класс», как пишет Зоя.

Нет у Вовы хороших качеств? А если присмотритесь повнимательнее? Вова учится в музыкальной школе. А как его любовь к музыке сказывается на организации вашего досуга, ваших вечеров отдыха?

Если бы ребята вашего класса действовали слаженно: посоветовались друг с другом, с учителями, поговорили с Вовиным отцом, который до сих пор смотрел сквозь пальцы на «шалости» Вовы, не был бы Вова таким...

Считаю, что надо бороться не «против» таких ребят, как Вова, а «за» них!

Тим Добрый

Дружба - Дружایی

Обратный адрес на посылках, бандеролях, открытках — Польская Народная Республика. И только одно заказное из Ленинграда. Но оно здесь не случайно, это путевые записки журналиста А. Цветова, который вернулся из поездки по ленинским местам Польши.

„Шалаш“ в Татрах

Горы, горы, горы... Их вершины упираются в облака и в туманной дымке кажутся еще выше. Это польские Татры. Об этих местах говорят: «Здесь по каждой тропке Ленин ходил».

По какой пойти? Одна ведет в Белый Дунаец, к домику, где жил Ильич. В двух километрах от него поронинская почта. Сюда за письмами и газетами раз, а то и два раза в день ездил на велосипеде Владимир Ильич. Теперь в Поронино музей.

Дальше тропы ведут в горы, к озеру Морское око. Чуть в стороне — шлях в Татрскую Буковину.

Когда-то, проходя мимо этого селения, Владимир Ильич думал о школе для местных ребят. Сейчас в центре поселка новая каменная школа.

— Здесь работает наша учительница Казимира Оленска, которая в детстве видела Ленина, — радостно сообщает местный мальчуган.

Об этой встрече пани Казимира не раз рассказывала ребятам. Они узнали от нее, что Ленин и Крупская поселились здесь весной 1913 года. А когда рас-

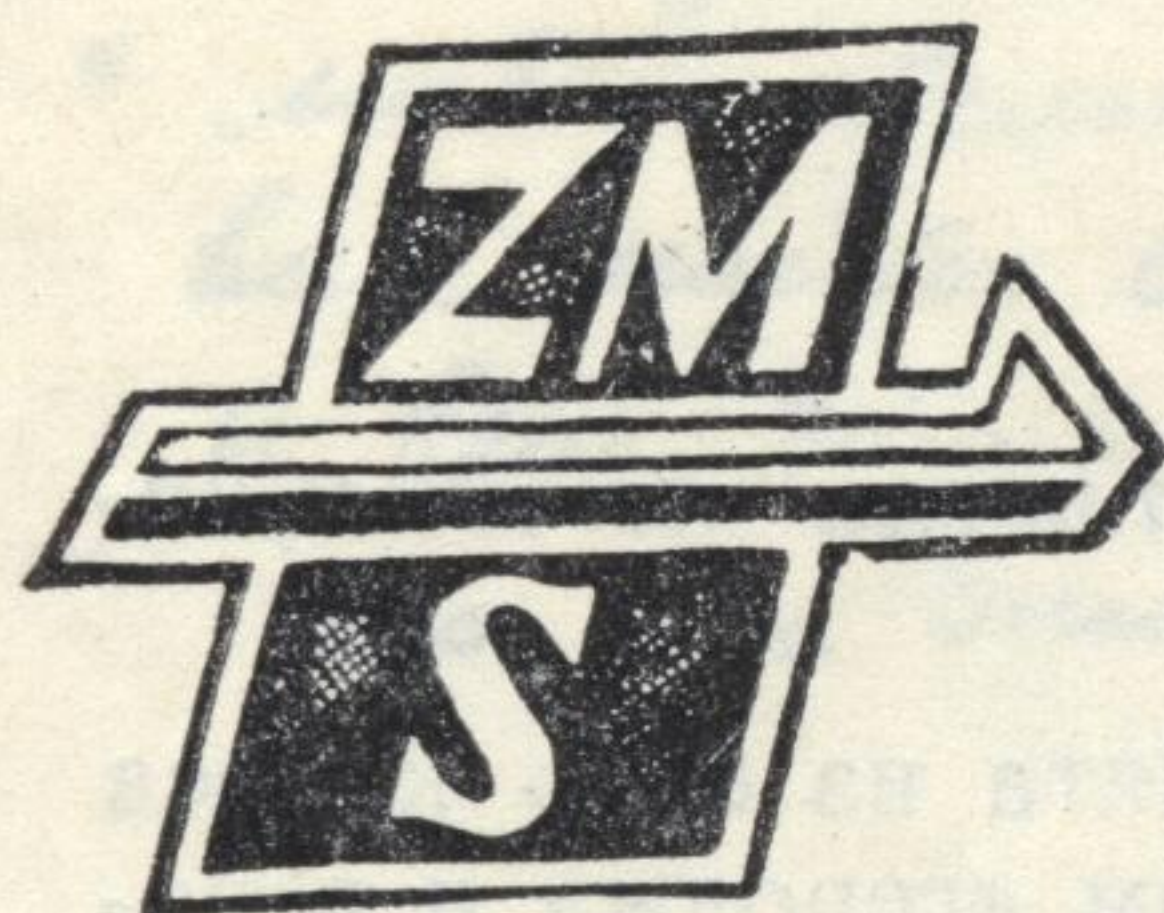
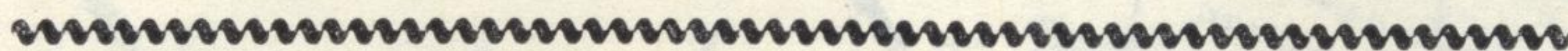
сказывали об этом кому-нибудь сами, — в их изложении возникала настоящая легенда...

...Сначала, — говорили они, — Ленин, скрываясь от жандармов, стал жить в горах, в шалаше из веток. Там его встретил пастух-горец. Они подружились. Потом Владимир Ильич переселился к горцу. А уже когда приехала Надежда Константиновна, снял домик в Белом Дунайце.

Ребятам нравится, что эта легенда говорит о дружбе гуралей (горцев) с Лениным и о том, что он бывал в их поселке и ходил там, где сейчас ходят они.

Теперь каждое лето харцеры этой школы отправляются в походы по ленинским местам, поднимаются в горы, строят там шалаша, чтобы переночевать в них, как когда-то ночевал Ленин в своем шалаше...

ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ переписываться с моими новыми знакомыми, вот вам их адрес: ПНР, Варшава. Музей им. Ленина, штаб харцеров.

При нашем почтамте работает киоск со значками, сувенирами, марками. Дежурные по киоску — Марина и Гриша. Гриша Абрамзон, ученик 6 «б» класса 517 школы Ленинграда:

— Это значок Союза молодежи Польши. Его подарил мне мой папа. Он ездил в Варшаву со своими друзьями с завода, а потом приходил к

нам в школу и рассказывал о самом интересном, что они там видели... Например, видели соляную шахту-музей, где все из кристаллов соли — стены, скульптуры, светильники. Шахта находится недалеко от Кракова, называется «Величка». Вот бы побывать там!

Марина Мнускина, ученица 6 «а» класса 190 школы Ленинграда:

— Эту эмблему прислал мне мой друг из Варшавы. Эмблема зухов означает: «Будь смелым, как орел, свети людям, как солнце, и ты будешь зухом...»

Марина недавно начала переписываться с Сашей Шушкевичем. Вот отрывок из его первого письма в Ленинград, которое нам показала Марина:

«Здравствуй, Марина!

Я учусь в шестом классе. Учусь хорошо. Плаваю в бассейне. Летом выиграл второе место на городских соревнованиях по плаванию.

Моя мама работает учительницей в нашей школе, и в школу мы ходим вместе с мамой.

Мой адрес: Варшава, 36, улица Лужицка, 2, квартира 37».

Ленинградская школьница Таня Галбузова (8 «в» класс 329 школа) — член Совета Клуба интернациональной дружбы при Дворце пионеров. Ее подруга из Польши Барбара Кис написала ей о своем родном городе: «Еленя Гура — город, который основал и построил Болеслав Кривоустый. У нас много памятников старины. К нам приезжает много туристов. В городе есть фабрики и заводы. Строится новый район «Забобже», там будут высокие дома, школа, парки».

Вот бандероль, посланная харцерами Польши.

Пишут «Медвежата». Звено очень дружное. С первых дней учебы помогают в этом звене тем, кто отстает. Не ждут, пока поможет будет поздно: стараются, чтобы в звене не было ни одной двойки.

Пишут харцеры Жешувского воеводства.

Они проводят операцию под названием «Вериния». На их счету тысячи часов, проработанных на строительстве железной дороги.

Пишет зух Генрих Мажец из Новой Гуты. «Наша школа «Тысячелетка». После дождя на нашей спортивной площадке были огромные лужи. Мы вырыли канавки, площадку посыпали песком...»

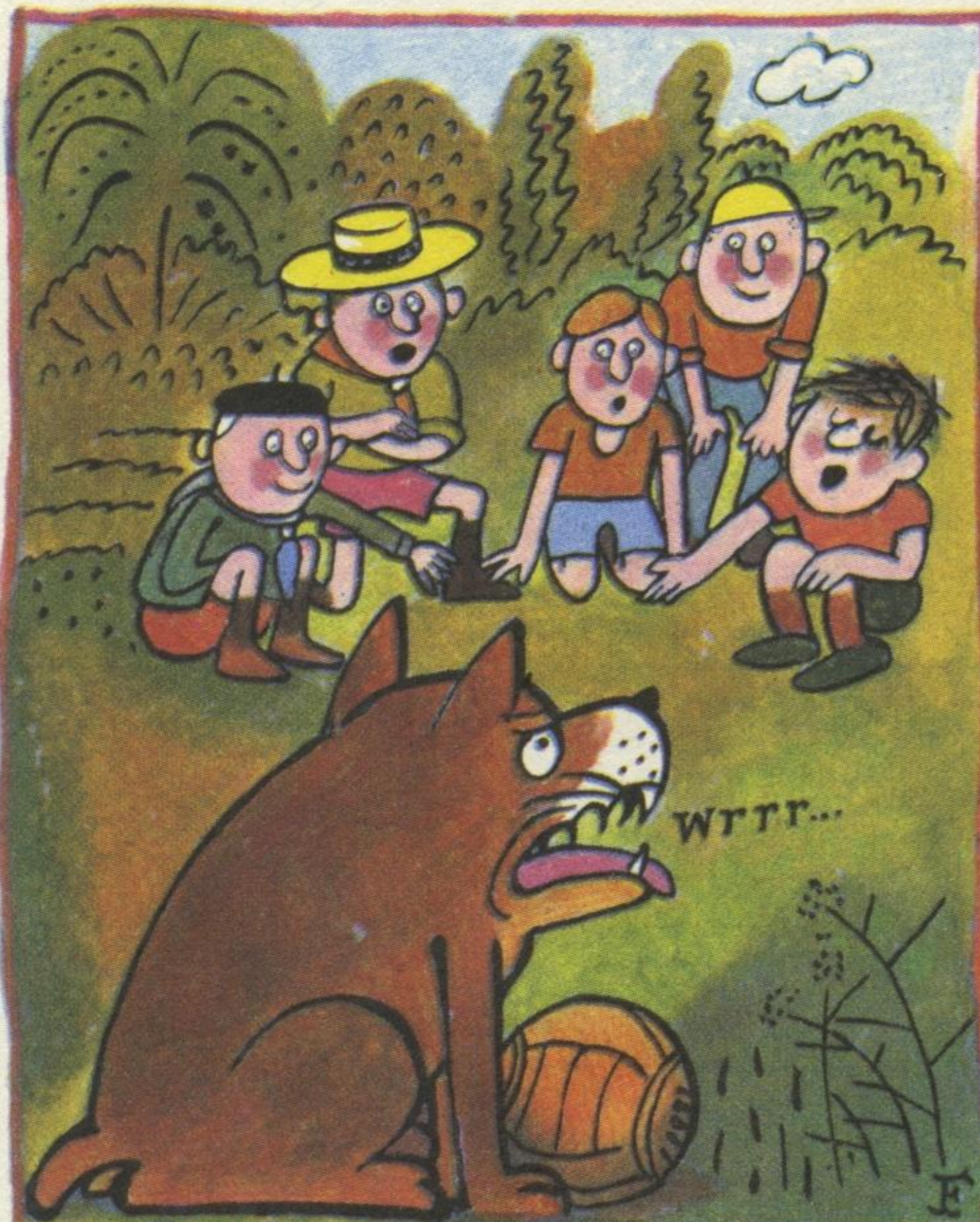
5 Płomyczek

CENA 2,70 DWUTYGODNIK DLA DZIECI

15 Płomyczek

DWUTYGODNIK DLA DZIECI

Dobry piesek, ładny piesek, ale niech piesek odda piłkę...

17 Płomyczek

DWUTYGODNIK DLA DZIECI

Посмотрите,

какие яркие,

веселые обложки

у польских

детских журналов

„Пломычек“.

Словно что-то обрушилось на меня сверху, а если я все-таки шел вперед и руками размахивал, так только потому, что каким-то чудом на ногах еще держался. Я шел в атаку, да толку от этого никакого не было. Вот тогда-то я и подумал, что скорей бы все кончилось...

Я не мог уже идти вперед, стоял на месте, посылая в пространство слабые прямые, чтобы не подходил ко мне слишком близко. Но он все равно подходил слишком близко, иначе я не нахватался бы этих коротких косых в голову. Мои слабые прямые не могли его остановить. Я весь закрылся, ушел в глухую защиту и только хотел, чтобы это кончилось.

Но это все не кончалось.

Я так устал, что не мог уже отвечать ему. Весь согнулся, закрыл лицо руками, а живот локтями, и так стоял, ждал, когда все это кончится. Он, наверное, здорово злился, что не может сбить меня, не может найти брешь между перчатками и моими локтями. И, наверное, поэтому он ударил меня по затылку запрещенным ударом, и судья остановил его и сделал замечание. Тут-то я мог раскрыться и посмотреть на того парня за столом, что сидит рядом с главным судьей, не собирается ли он ударить в гонг. Когда он собирается ударить в гонг, он смотрит на часы, и рука поднята кверху, а в руке у него молоток. Стоит ему опустить руку — и все. Все это сразу кончится. Но он сидит за столом, на часы даже не смотрит, и руки его лежат на столе. А до гонга, может быть, несколько секунд осталось...

...Я хотел уйти нырком от противника, но нырок получился плохой, я ткнулся в его бок, и не хотелось больше двигаться. Я обхватил его руку и так стоял, уткнувшись в его бок головой, и ждал, когда все это кончится.

Я его все время обхватывал, другого выхода у меня не было, судья кричал «брек!» — я должен был отпускать его, но я не отпускал, и тогда судья сам оттаскивал меня и опять все шло сначала.

Бой заканчивался отвратительно, посмотреть бы на меня со стороны!

Кричали и свистели. Шум стоял в ушах непрерывно.

...Первый раунд я начал с атаки, и он никак не мог сосредоточиться. Я и пошел на него сразу, вернее, кинулся, чтобы не давать ему

сосредоточиться. Не нужно было этого делать. И тренер мне говорил: не делать этого. Но я и слушать не хотел. Я был в себе уверен. На спине у меня мускулы ходят как сумасшедшие. И на ногах мускулы тоже ходят как сумасшедшие, а о руках и говорить нечего! Говорят, у чемпиона мира Карпантье была такая же спина в его лучшие годы. Я на свою спину всегда поглядываю в наше громадное зеркало,

что возле ринга в зале «Спартака» стоит. Развернусь этак вполоборота, руками подвигаю, а мышцы так и прыгают по всей спине как сумасшедшие...

Секундировал мне Пашка Никонов, он мне что-то на ухо шептал в перерывах между раундами, а у меня очень отвлеченное внимание, то есть очень часто не слышу, что мне говорят, совсем о другом в это время думаю. После первого раунда, когда я в свой угол сел, тренер тоже ко мне подскочил, что-то мне объяснял, объяснял, а я его совсем не слушал. Мало ли что он там болтает, мне главное справа как следует попасть. И тренер знает — если я справа свой удар точно проведу, противник наверняка у меня не встанет. На тренировке ребята часто просят: «Потише справа бей». И все-таки случайно иногда заденешь...

Прозвучал гонг, я встал, а тренер меня за плечо придержал и в самое ухо мне: «Ты понял?» Ну, я ему головой кивнул, мол, понял, а на самом деле я и не слышал, что он мне советовал.

Первый раунд я провел что надо. Весь первый раунд выиграл. Противник мой сидел напротив меня в противоположном углу ринга и смотрел на своего секунданта. Я видел, как он пожал плечами, когда секундант что-то спросил у него. Мне показалось, что он расстроен, да так оно и было, и секундант недоволен. Ему сам тренер секундировал, никому не доверял. Тренер, наверное, спросил его, почему он не может остановить меня, а он пожал плечами. Секундант тер ему виски, а он мотал головой. Я ему все-таки попал справа в начале раунда, и он сразу сел, но тут же вскочил как ненормальный, как будто ничего и не было...

...Во втором раунде я опять стал гонять его. Я все хотел еще раз попасть справа. И не мог. Потом мне показалось, он замышляет что-то. А потом я устал. Вот отсюда-то все и нача-

А Р Ф А

И

Б О К С

главы из романа

Виктор Голявкин

Рисунки автора

лось. Он, видимо, этого и ждал, когда я устану. Ему и тренер, видимо, советовал не торопиться. Только я понял поздно. Тогда он пошел на меня. Я еле на ногах стоял после второго раунда. Я смотрел на него — он сидел ровно и дышал спокойно, а тренер что-то ему настойчиво втолковывал. Мне очень бы хотелось знать, что он там ему говорит, а Пашку Никонова я не слышал, хотя он тоже что-то твердил мне все время. Напрасно я его не слушал, ему-то со стороны видней, и разряд у него есть...

В третьем раунде я опять кинулся в атаку, хотя напрасно, раз сил не осталось. Атакой это и назвать нельзя. Я шел, совсем не защищаясь, махая руками, как мельница. Никакая не атака, а чепуха одна. Но мне-то совсем другое казалось, вернее, ничего мне не казалось, а просто лез вперед и все. Вроде, нужно до конца идти вперед, если я хочу выиграть. Когда я пошел на него в третьем раунде — тут-то он и поймал меня. Вот тогда я и понял окончательно, что мне ни за что не выиграть. Я, что называется, «поплыл» от сильного удара. Свой первый бой в жизни безнадежно проигрываю, да еще как!..

...Он не успел уйти в сторону, и я опять обхватил его. Пока судья меня оттаскивал, я точку пришел в себя.

Теперь он шел вперед. Словно кто-то сплющил мне нос с двух сторон, хотя наверняка это был прямой удар. Я мало что понимал уже в состоянии «гrogги». Я все так же обхватывал его, ничего не чувствуя, не видя, не слыша и не понимая. Я до сих пор удивляюсь, как он не мог попасть в меня еще. Мне говорили потом, я стоял совершенно раскрытый и шатался, и он много раз попадал мне в голову, но не мог сбить. Скорей всего, он не мог сбить меня потому, что я все время обхватывал его. Да так оно и есть. Я мешал ему это сделать. Он не мог попасть в меня точно и сильно. Не открывали счет при состоянии «гrogги». Считалось мужественным все это переносить. Пока тебя не свалят, или пока ты сам не откажешься, или пока секундант твой не выкинет на ринг полотенце. Но я не собирался отказываться. Мне и в голову не приходило. Я ждал, когда все это кончится. А мой тренер, видимо, не считал нужным выкидывать полотенце. Полотенце выкидывали только в крайнем случае. А тут, значит, не было крайнего случая или у тренера имелись свои соображения на сей счет. В начале третьего раунда я боялся, как бы он не выкинул полотенце, а потом мелькнула мысль, хорошо бы он его выкинул, а дальше я уже ничего не думал.

Я и гонга не слышал, ничего не слышал,

будто уши мне заложили ватой, будто в цирке идеальная тишина.

Бой кончился.

Все это кончилось.

Свист и гиканье ворвались в мои уши неожиданно, как гром обвала, и я понял, что подняли руку моего противника. Только бы не зацепиться за канат, когда я буду уходить, перелезть через канат подобру-поздорову, как бы ногой не зацепиться, не грохнуться — но все благополучно обошлось.

...Сижу в раздевалке Госцирка Азербайджана. Ничего такого не было на тренировках, ничего похожего не было, там остановить бой можно в случае чего. Если «поплыл» или там выдохся. Один раз мне разбили нос на тренировке, тяжелющий был удар от спарринг-партнера, я на прямой налетел, он мне как раз в нос пришелся. В атаку кинулся, а он свою левую с силой навстречу мне выбросил, ну и наскочил, словно два паровоза столкнулись на полном ходу. Кровеносный сосуд в носу лопнул, тренер Ислам Исламович прекратил спарринг, заставил запрокинуть голову и поднять вверх руку. Некоторое время постоял посреди нашего спартаковского ринга с запрокинутой головой и поднятой вверх рукой, кровь перестала идти, и ничего... А тут черта с два оставишь! Он мог бы, конечно, выкинуть полотенце. Чего он добивался, в конце концов? Или он думал, чудо произойдет? Неприятно, ясно, выкидывать полотенце, может, и правильно, что он его не выкинул, да только мне теперь все равно, наплевать, шагу моего не будет...

Вот так я рассуждал, развязывая бинты на руках, ни на кого не глядя, неохота было мне ни с кем разговаривать, да и меня никто не спрашивал ни о чем. Гвалт в раздевалке стоял идиотский, перепутали, вроде, какой паре на ринг выходить, о чем-то, в общем, спорили. Орали: «Следующая пара! Следующая пара!» А несколько человек кричали в ответ: «Мы следующая пара! Мы следующая пара!» — полная неразбериха. Базар какой-то устроили, тьфу! Я плюнул, и плевков был с кровью, пожалуйста, прелесть! Смешно все-таки так рваться этим парам, чтобы им вот так губы в кровь разбивали... А ведь я все по-другому представлял:

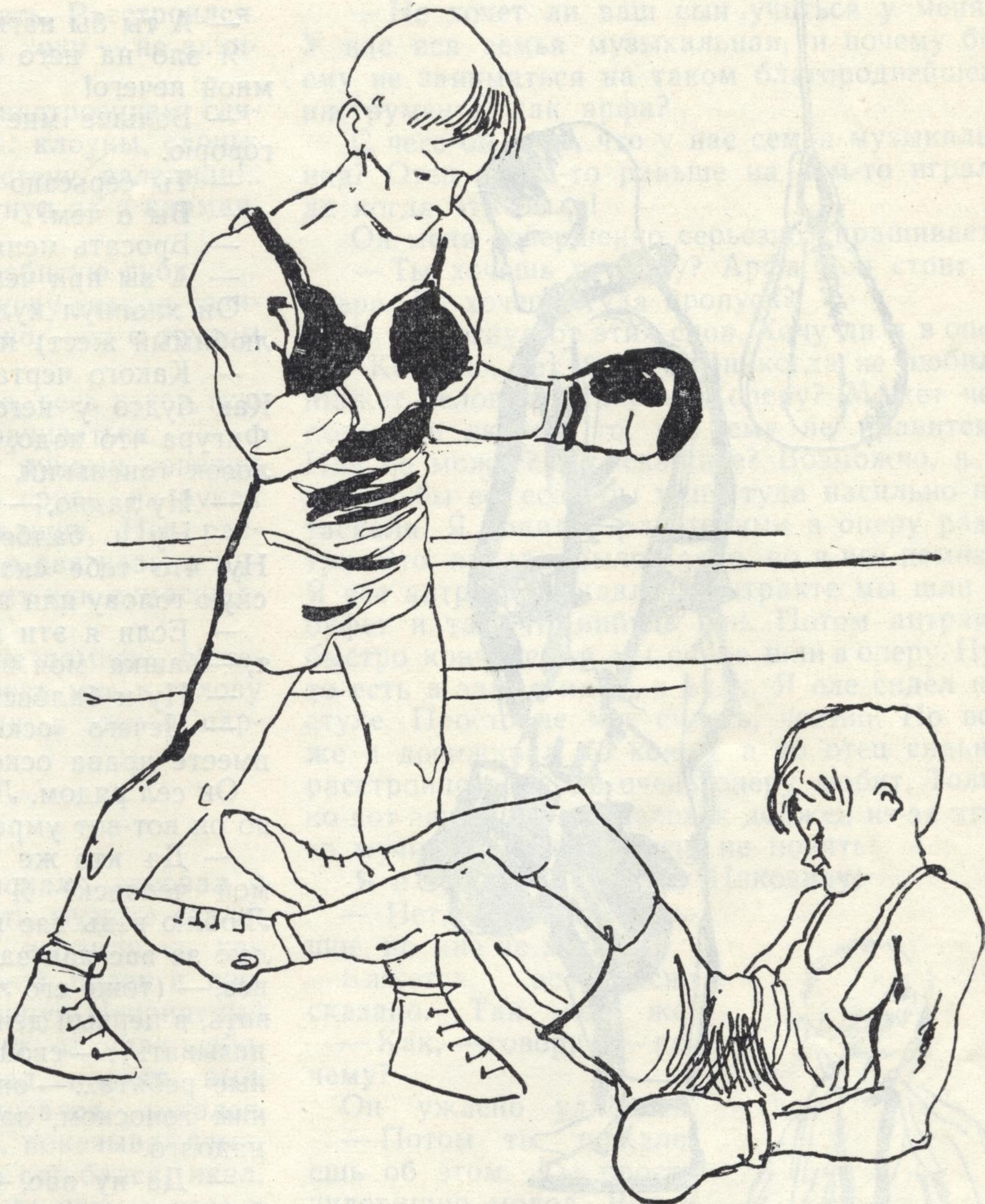
...Я выхожу на белый квадрат во всем белом с черным поясом. Весь в свету, красавец, каких мало. «Талантливые растут ребята», — слова тренера вертятся у меня в голове. Любит он повторять, что сейчас кругом растут талантливые отважные ребята. Интересно все-таки, насколько тот талантливый, который в том углу стоит? Неужто все такие талантли-

вые, как тренер считает? Талантливая молодежь... талантливая молодежь... отважная... Спортивная злость у меня есть — сто раз подмечалось. А талант разве во мне не подмечали? Талант не подмечали — способность подмечали. Смелость подмечали...

Бьет гонг! Бросаюсь, нет, кидаюсь, словно вихрь! Апперкот! Хук! Свинг! Еще косой! Косыми! Так! Короткими косыми! Провожу серию на уровне Карпантье. Небрежно сажусь в свой угол, не споласкиваю горло, пусть он там споласкивает свое горло. Я мотаю головой тренеру, мол, совершенно ни к чему мне споласкивать горло, и вообще разные советы и разные там помощники мне ни к чему. Новые растут чемпионы, талантливые ребята, отличная молодежь...

Мужественное у меня лицо. Я представляю, какое у меня мужественное лицо! В этот момент меня бы сфотографировать — отличная бы получилась фотография! Со всех сторон бы меня нащелкать, кому угодно можно будет подарить...

А дальше идет как по маслу. Еще несколько блестящих серий на уровне Карпантье. Какой способный человек! Чудовищно способный человек! Талант из него так и прет, столько таланта в одном молодом человеке! Все ахают — а как же! — «Смотрите, как он ходит! Карпантье, пружинисто, как Карпантье! Вылитый Карпантье, вы только посмотрите!» Бью справа, слева, снизу! Делаю нырок на уровне... Свист, гиканье — еще бы! Бью с нырка, бью слева, справа, слева. Как в кино, ей-богу! Я даже не смотрю, как он валится. Красиво, когда после точного удара поворачиваешься и идешь в нейтральный угол, уверенный в точном ударе. Мой противник сползает с канатов (снимать, снимать немедленно этот момент!). А я покручиваю перчаткой, подняв руку вверх,

и смотрю на всех из-под клока волос: я приветствую вас! Я приветствую!.. Судья поднимает мою руку высоко... Все позади.

Все кончилось. Но по-другому.

Я избит.

...Я сматывал бинты. Оставлю их на память. Повешу на гвоздик. Буду вспоминать. Пусть себе висят на гвоздике.

В это время входит в раздевалку Ислам Исламович своей танцующей походкой и улыбается. Не вовремя, главное.

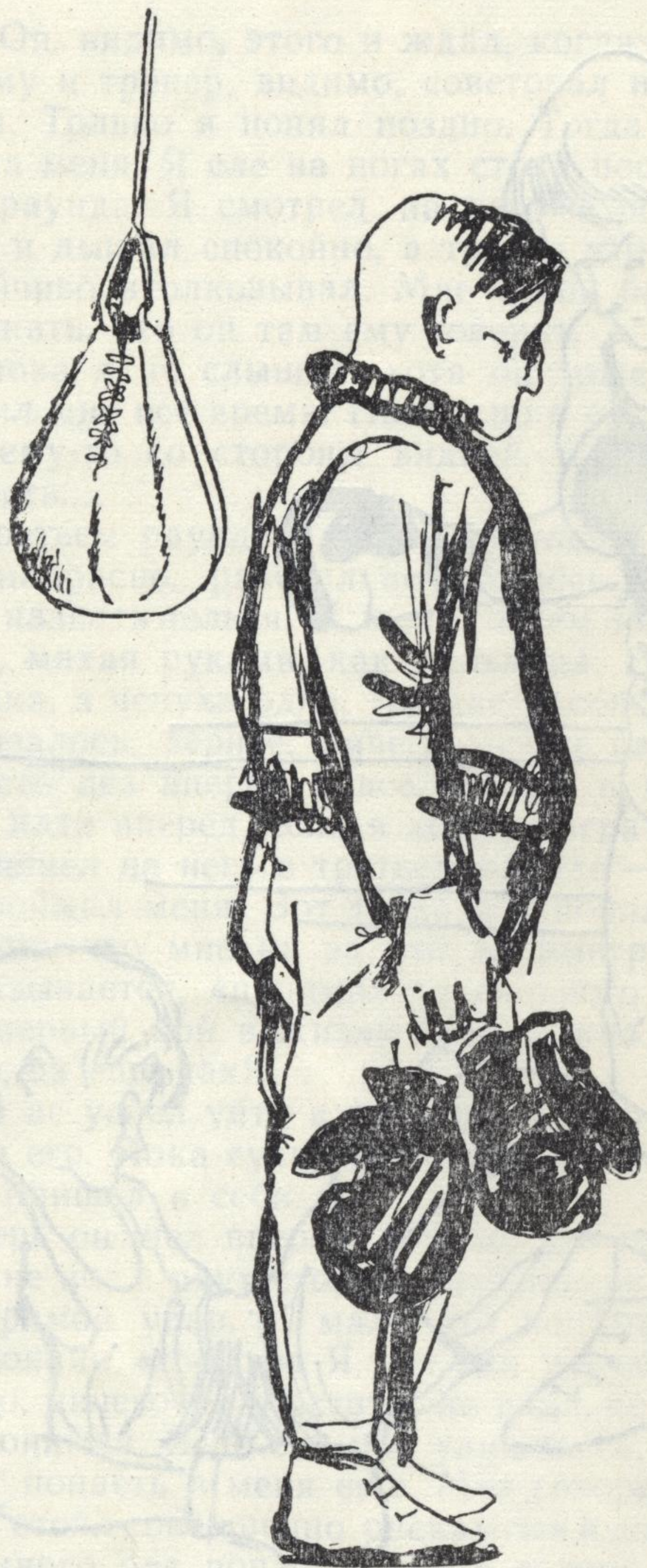
— Жарко! — говорит он. — Хорошо!

Ему жарко, что ли?

А он ко мне совсем близко подошел и говорит:

— Ну как, жарко?

— Это вы мне? — спрашиваю.

— Ну и гадость мне попадается! — говорит.
— Это вы мне? — спрашиваю.
— И откуда мне такие попадаются? — (Его любимое выражение).
— Не беспокойтесь, — говорю, — больше вы меня не увидите!
Он чуть не взвыл:
— Все время мне такие попадаются!
— Отстаньте, — говорю, — от меня, я вас не трогаю, и вы меня не трогайте...
— Нет, буду трогать! — говорит.
Я считал, он меня за проигрыш ругает, а он, значит, понял, что я сбежать собираюсь, он к таким вещам тонкое чутье имел, вот за это он меня и ругал.
— Испугался, значит? Так? Да? Испугался?
— Ничего я не испугался, просто мне не нравится, когда мне морду бьют. Меня, простите, это не устраивает.

— А ты бы нагнулся, вот чудак!
Я зло на него посмотрел, издеваться надо мной нечего!
— Больше мне нагибаться не придется, — говорю.
— Ты серьезно задумал?
— Вы о чем?
— Бросать меня задумал?
— А вы при чем?
Он хлопнул кулаком о ладонь с силой (его любимый жест) и как заорет:
— Какого черта мне такие попадаются?! — Как будто у него горе какое, странный тоже! Фигура что надо, форменный тяжеловес, а голосок тоненький, полное несоответствие.
— Ну ладно, — говорю, — вы не волнуйтесь...
— Ну и балбес! — Ругаться он любил. — Ну, что тебе сказать? Ты имеешь человеческую голову или нет?
— Если я эти занятия продолжу, — сказал я, — башка моя вряд ли будет человеческой.
— Ну и балбес! — сказал он.
— Нечего оскорблять, — сказал я. — Не имеете права оскорблять!
Он сел рядом. Лицо у него было такое, словно он вот-вот умрет.
— Да кто же тебя оскорбляет, милый ты мой человек? Я тебя оскорбляю? Ну и ну! Люблю ведь вас всех, дурья твоя голова. Болею за вас как за сыновей родных. Свои ведь все, — (тоже его любимое — всех своими называть, в первый день занятий всех своими начал называть), — свой крепкий коллектив, отважные ребята... — опять он заныл своим тоненьким голоском, заведет теперь эту шарманку надолго.
— Да ну вас, — я махнул рукой. Голова у меня здорово гудела, все тело ныло, верхнюю губу потрогал, зверски она все-таки распухла.
А он обиделся, что я рукой на него махнул.
— Ты мне не махай! — говорит. — Тоже мне, размахался! Там бы и махал...
Я снова рукой махнул, мол, отстань ты от меня, бога ради, неохота слушать.
Я думал, уйдет, а он мне в самое ухо шепотом:
— Талантливые ведь растут ребята...
— Это я талантливый?
— И правая-то у тебя от-лич-ная... — он даже зажмурился.
— Ладно, — сказал я. — Ладно. Была бы она у меня отличная, я бы не проиграл, вот что мне кажется...
— Вот так возишься, — сказал он своим плаксивым голосом, — полздоровья отдашь, а они у тебя вторую половину тоже забирают...
Он встал и вышел. Как мне показалось, на глазах даже слезы навернулись. От него впол-

не можно было такого ожидать. Расстроился. Мое дело: хочу — занимаюсь, хочу — не занимаюсь! Тоже мне!

Сижу со своим паршивым настроением, гляжу на стенку, а там плакаты: клоуны, слоны, медведи... елки-палки, всю стену залепили!..

Смотал бинты покрепче, сунул их в карман, еще раз сплюнул.

Потрогал пальцем свою разбитую губу.

Оделся, вышел, выпил на углу стакан газированной воды. Честное слово, рот с трудом раскрывался. Ну и ну!

Завалился дома под одеяло, весь вечер, всю ночь охал, трудно было поворачиваться.

Утром к зеркалу подошел, руками поводит во все стороны: на спине, на груди, на руках мускулы ходят как сумасшедшие. Нос распух — не узнать, губы толще в два раза, а мускулы так и ходят, так и ходят как сумасшедшие...

С чего все началось, я и не помню... Интересно все-таки вспомнить, когда мне в голову такая нелепая мысль пришла в этот «Спартак» завалиться?..

* * *

Я любил рисовать. Где попало рисовал с утра до вечера. А меня учить музыке стали. На фортепьяно. Я все это вспоминаю, как в тумане. Педагог хватает мой палец и яростно тычет им в одну клавишу. Неприятный лающий звук. словно гавкает злющая собачонка. Я притворялся, убежал, плакал, выл, царапался, орал, пищал, кусался, ругался, бодался, кривлялся, засыпал, показывал язык, специально кашлял, нарочно ошибался, икал, зевал, моргал, терял по дороге ноты — чего я только не делал! Меня стыдили, ловили, наказывали, били, не кормили, ставили в угол, никуда не пускали, на меня кричали, со мной не разговаривали, от меня отворачивались, мне ничего не покупали, оставляли взаперти (я вылезал через балкон), пугали, стращали, задабривали, подкупали — чего только со мной не делали!

А зачем? Непонятно.

Педагог от меня отказался. Я помню этот день: сияло солнце. Море было голубым. А воздух чист и свеж. Я шел под солнцем по бульвару, и мне хотелось плясать от счастья.

Родители добились своего. Когда где-нибудь играли или пели, для меня это звучало так, как будто бы нигде не пели и не играли.

А потом этот Рудольф Инкович появился. Отчество-то какое странное, заметили? Так вот, он пришел к нам, он старый папин приятель, пришел и говорит моим родителям:

— Не хочет ли ваш сын учиться у меня? У вас вся семья музыкальная, и почему бы ему не заниматься на таком благороднейшем инструменте, как арфа?

С чего он взял, что у нас семья музыкальная? Отец когда-то раньше на чем-то играл, да когда это было!

Он меня совершенно серьезно спрашивает:

— Ты хочешь в оперу? Арфа моя стоит в опере. Ты хочешь туда пропуск?

Я вздрогнул от этих слов. Хочу ли я в оперу? Конечно, нет. Оперу я никогда не любил. Может человек не любить оперу? Может человек не любить то, что ему не нравится? Или не может? Ну, скажите? Возможно, я и любил бы ее, если бы меня туда насильно не таскали. Я ходил с родителями в оперу раза три. Это, правда, было давно, но я все помню. Я все антрактов ждал. В антракте мы шли в буфет и там что-нибудь ели. Потом антракт быстро кончался, и мы снова шли в оперу. Ну, то есть в зал, я имею в виду. Я еле сидел на стуле. Просто не мог сидеть, честно. Но все же я досиживал до конца, а то отец сильно расстроился бы. Он очень оперу любит. Только вот зачем другой человек должен из-за этого мучиться, мне никогда не понять!

Я и говорю Рудольфу Инковичу:

— Нет, спасибо большое, но мне не хочется.

Кажется, все ясно сказано. Так нет же!

— Как, — говорит, — почему?

Он ужасно удивился.

— Потом ты пожалеешь об этом. Ты просто чудовищно молод. Вот и все. На месте отца и матери я бы тебя не слушал, молодой человек.

— Это все так, — говорю, — но на арфе придется играть мне, а не моим родителям.

Он никак представить не мог, что мне может не нравиться опера и его арфа, которая там стоит.

— Ишь ты какой шустрый! — говорит. — Куда только смотрит ваша пионерская организация, совершенно не умеют со взрослыми разговаривать!

Повернулся к моим родителям и стал им объяснять:

— Видите ли, какая ситуация... чтобы ввести вас в курс обстоятельств... Я в своем роде, как бы это поточнее выразиться, ну, единственный экземпляр в республике...

Так его даже мои родители не поняли.

— Неужели ваша арфа единственный экземпляр на всю республику? — удивились они.

Он вежливо улыбнулся, а голову склонил набок.

— Вы меня не совсем верно поняли, — сказал он, — единственный экземпляр в своем роде — это я сам, покорнейший ваш слуга... республика нуждается настоятельно в кадрах, не следует этого забывать... и... как вы сами, вероятно, смекнули... в случае моей ну, смерти, что ли, просто некому сесть за этот чудесный редкий инструмент... а у вашего сына руки... я имею в виду пальцы... вполне подходящие пальцы для подобного инструмента...

Рассматривая свои руки совсем с другой точки зрения, я подумал: быть бы мне чемпионом мира. Выдающимся боксером. Подойти к Рудольфу Инковичу, а значок чемпиона чтоб на груди висел. «Ну, как, — скажу я, — все играете на своей арфе? Только меня не трогайте, ясно?» Он посмотрит на меня, испугается и скажет: «Что вы, что вы, молодой человек! Разве я вас трогаю? Я вас совсем не трогаю, пожалуйста, что хотите делайте...» «Чтобы больше этого не было, — скажу я, — вам нравится — играйте себе на здоровье, а мне не нравится!» «Ничего и не было, — скажет он, — разве что-нибудь было, господи, безусловно, каждый человек должен заниматься своим любимым делом...»

Вот так я тогда подумал, смешно, конечно.

Я сижу за столом, а они сидят и на меня смотрят. Они смотрят на меня так, словно я сейчас встану и скажу: «Да, да, я вот сейчас поразмыслил и понял, что значит арфа, и я счастлив, что буду артистом». Но я этого не сказал, а просто сидел и смотрел на них. Я молчал. В таких случаях я всегда молчу. Пусть что хотят себе думают.

Отец стал по столу барабанить. Сидит и пальцами по столу барабанит. Барабанил, барабанил, потом говорит:

— Ну, тут все ясно. Возьмешь пропуск в оперу, слышишь? И будешь учиться делу.

Я посмотрел на отца и говорю:

— Слышу, а как же. Чего уж тут не слышать...

Мать говорит:

— Я так рада!

А Рудольф Инкович:

— Ты еще втянешься. Будешь просить. — И стал чему-то смеяться.

Я не очень-то понял, куда я втянусь и

что буду просить, мне было уже безразлично. Никуда я, конечно, не втянусь и ничего просить не буду, это уж точно.

Отец похлопал меня по плечу, и Рудольф Инкович тоже похлопал.

Они начали о чем-то беседовать, а я встал из-за стола.

Отец подошел ко мне, обнял меня и говорит:

— Ты ведь слышал, сынок, в нашем городе всего одна арфа. Рудольф Инкович самый настоящий уникум. Он сам на свои собственные деньги приобрел этот инструмент. Потом, дай бог, сынок, купишь себе собственную арфу, как Рудольф Инкович... Будешь единственный в своем роде, совершенно единственный...

Я видел, как ему хотелось, чтобы я потом купил эту арфу, чтобы я потом играл в опере на этой арфе, чтобы я был такой же уникум, как Рудольф Инкович. Но мне безразлично было, что в нашем городе всего-навсего одна арфа, лучше бы ее совсем не было. Тогда никто не стал бы впутывать меня в это дело...

Я не люблю арфу!!!

Так тоскливо, досадно, обидно!

Помешались все на этой проклятой музыке!

НЕ ХОЧУ Я УЧИТЬСЯ МУЗЫКЕ!!!

Нет, никто не хотел понять меня, никто!

Я был один-одинешенек на всем белом свете, никто, никто не хотел поддержать меня.

Меня распирало от злости, я был возмущен, но что толку!

Отец дал мне денег в кино.

Это была замечательная картина! Мелькали мощные тела во весь экран, бил гонг (вот где музыка!), мелькали, сыпались удары (классные удары!), шли в бой боксеры, падали, вставали и снова шли (вот где сила!), летели за канаты (вот где да!), но побеждал один-единственный потрясающий парень, феноменальный.

Забылись все арфистские разговоры, как утренний туман.

«Во что бы то ни стало! — думал я. — Во что бы то ни стало!...»

Зажегся свет в зале, люди стали выходить, а удары гонга звенели еще в моей голове. Трах-трах! Есть... Пять-шесть-семь-восемь-девять! Аут!.. Внутри меня прыгает и скачет какой-то маленький зверек, и кажется мне: стою я в углу ринга, держась за канаты, бьет гонг! Я иду вперед. Раз! Раз! Раз!..

Я дернулся на стуле, и кто-то надавил мне громадной ладонью на голову, и густой голос сказал:

— Не лезь на ноги, чушка!..

Я показываю свой пропуск, и меня пропускают в оперу. Я иду через служебный вход, через двор, и всех спрашиваю по пути: «Скажите, пожалуйста, где здесь сцена?» В конце концов я нахожу сцену, но мне нужно в оркестр, и я всех спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, где вход в оркестр?» А пока я стою в глубине сцены, а рядом какие-то ряженые, а там дальше поют двое, мужчина и женщина в старинных костюмах. Я вспоминаю, что видел эту оперу, но забыл ее название. Мне скучно и нудно здесь, и совсем неинтересно, а многим, наверное, было бы интересно попасть сюда за кулисы и смотреть на репетицию. Ирка, девчонка из соседнего двора, наверно, умерла бы от зависти, что вот я сейчас здесь стою. Она за этих артистов сквозь землю провалится, а девчонка так, ничего себе, даже красивая. Кому как, конечно. А та артистка, что сейчас на сцене поет, тоже ничего себе, они бывают зверски красивые.

Я стоял и глазел на эту артистку. Ко мне подходит какой-то человек в цилиндре и говорит:

— Тебе кого?

— Не беспокойтесь, — говорю, — я не запутался, а вообще-то мне нужно в оркестр. У меня занятия. Где тут, кстати, вход в оркестр?

— Какие занятия? — говорит.

— На арфе, — говорю, — занятия. Обыкновенные.

— Уходи, — говорит, — отсюда, сейчас здесь коней будут проводить.

— Каких коней? — спрашиваю.

И вправду — лошади! Идет на меня, я в сторону — откуда тут лошадь, не понимаю! А за этой лошадью еще несколько лошадей. А на лошадях всадники. Эти всадники въехали на сцену и там как заорут все хором — ну, потеха! Цирк да и только! Я стоял и смотрел, как они гарцевали по сцене и пели свои арии, пока этот, в цилиндре, опять ко мне не подошел.

— Я кому сказал? — говорит.

— А что вы мне сказали? — спрашиваю.

— Не болтайся тут, сейчас коней обратно будут уводить.

Тьфу, сдались мне эти кони! Я ушел с этого места, а тут как раз репетиция закончилась. Я спустился по лесенке в оркестр и сразу увидел арфу и Рудольфа Инковича. Он возвышался над всеми со своим золоченым инструментом. Я пошел прямо к нему, протискиваясь между оркестрантами. Рудольф Инкович как будто мне обрадовался, а я наоборот, старался делать недовольное лицо и даже слегка мор-

щился, хотел показать всем своим видом, что мне вовсе нежелательна вся эта музыка. Но он и внимания не обратил на выражение моего лица. Его, наверное, мое лицо совсем не интересовало. Его, по-моему, только арфа интересовала. Он поздоровался со мною за руку и говорит:

— Дружок, бери инструмент, вот так, и понесем его вон туда, в то отверстие, только осторожно...

— Зачем? — спрашиваю.

— А ты не спрашивай, — говорит, — когда тебе взрослые советуют. Ты уже вышел из возраста почемушки.

Мы с ним протащили арфу через это, как он выразился, отверстие, через такой небольшой коридорчик, и очутились в комнатке. Рудольф Инкович тяжело дышал и сосал леденец. Громоздкая штукавина. Он все повторял, когда мы волокли ее: «Осторожно, я очень прошу, осторожно, это единственная вещь в своем роде...»

— Это только сегодня, — сказал он, все еще тяжело дыша, — это только сегодня, чтобы не пропускать уроки. В другой раз мы этого делать не будем, ты придешь, когда никаких репетиций не будет предвидеться... и мы с тобой будем заниматься там, на месте... а сегодня... видишь ли... так вышло... оркестранты должны репетировать...

Мне-то все равно было, где мы будем заниматься. Я меньше всего думал об этом.

— Ну, что ж, начнем... — сказал он.

Он велел мне сесть на стул, я сел, а он все советовал придвинуть стул к арфе поближе, и я двигался вместе со стулом, и в конце концов так вплотную приблизился к арфе, что Рудольф Инкович сам отодвинул меня вместе со стулом назад.

— Вот так, — сказал он. — Вот на таком расстоянии ты должен находиться от арфы.

На таком так на таком, думаю, пусть будет так.

— Я знаю, — сказал он, — с тобой придется повозиться. Но я терпеливый человек. Для твоего отца я все сделаю. Ведь мы с ним большие друзья, как-никак в прошлом мы с ним служили в музыкантской команде, только я тогда играл на трубе, а твой отец шпарил на барабане, не ахти, правда, папаша твой музыкальный, весь оркестр, помнится мне, бередил, случалось... мда... приятно вспомнить... очень забавно вспомнить! Но в жизни, как известно, происходят перемены... а сейчас молодежь пошла — безобразие, курят, и все такое, даже водкой забавляются, а куда только смотрит пионерская организация!

Он протянул мне коробочку с леденцами.

— Угошайся, ты об этом не пожалеешь, а если будешь курить — пожалеешь.

Я терпеливо слушал его. Я не курю и водкой не забавляюсь, и ко мне, наверное, все это не относилось. Я не взял леденец, и он убрал свою коробочку.

— Ну что ж, продолжим. Сидеть нужно так.

Он согнал меня со стула (стул в этой комнате был один), и сам сел на него. Он сидел ровно, а руки вытянул вперед. Он так сидел и слегка улыбался, будто был безумно доволен, что он так умеет сидеть. Потом он изящным движением тронул струны, и до того широко улыбнулся, что мне даже неудобно за него стало, очень у него была довольная улыбка, будто бы он миллион выиграл или звание чемпиона мира завоевал. А если он представлял, что эти звуки на меня настолько подействуют, что я захочу арфистом стать, то он глубоко ошибался.

Всю голову забил мне с этими правилами: как сидеть, как поднимать руку, как опускать. И по спине меня хлопал, чтобы я не гнулся. Арфисты, говорит, как лебеди должны выглядеть, как самые благородные птицы на земле.

— Видал лебедей? — спрашивает.

— Ну, видел, — говорю, — кто же их не видал.

— То-то!

За ухо меня потрепал и говорит:

— Когда приходишь, помнишь?

Я стал вспоминать, когда мне приходится в следующий раз, а он говорит:

— Не опаздывай. — И еще раз за ухо меня дернул. Как будто я маленький.

Я попрощался с ним и пошел. Да только сразу мне не пришлось уйти. Проходить-то ведь через оркестр. А там у них репетиция продолжалась. Я стоял и ждал, когда репетиция кончится. По сцене опять всадники гарцевали, только их не видно было. Слышно, как пол трещал и стучали копыта. Крепкая, должно быть, сцена. Я боялся, как бы Рудольф Инкович снова меня за арфу не посадил, мало ли что ему в голову придет. Забыл, скажет, еще кое-что объяснить.

Меня прямо страх брал. Скорей бы выйти. А Рудольф Инкович уже тут как тут, рядом стоит.

— Красотища-то, — говорит, — какая, а?

— Где? — спрашиваю.

— Верди! — говорит. — Великий итальянец! — он поднял кверху руку с указательным пальцем. Я невольно посмотрел на потолок.

Тут же я понял, что там, на потолке нет ничего, это он так про итальянца с чувством выразился. И чего ради я на его палец смотреть стал как дурак! Мне поскорее отсюда выйти хотелось. Не интересовал меня великий итальянец. Меня другой итальянец интересовал. Как его фамилия, забыл, в каком-то журнале его видел. Здоровенный он был — жуть! Одним ударом, говорят, стенку пробивал. А может, врут...

Как только кончилась репетиция, я промчался мимо оркестрантов и выбежал на улицу.

Уже на улице я вспомнил, что арфу ему обратно нужно тащить. Ничего, кто-нибудь поможет, вон их там сколько, этих музыкантов, ну ее, эту арфу!

* * *

Опять я сижу за арфой.

Вчера я подрался. Вышел во двор, вспомнил фильм, увидел соседа Акифа Бахтиярова и говорю ему: «Помнишь, как ты меня ногой ударил, когда я был маленький?» Он на меня удивленно посмотрел и спокойно спрашивает: «Когда?» Совершенно нахально говорит, прекрасно ведь знает когда, и все только потому, что старше меня на два года. Но сейчас я не такой, какой был раньше, когда мне ногой можно было поддавать. Я подошел к нему, размахнулся и со всей силы ударил его. Я решил, что он, как в кино, тут же свалится. А он схватился за скулу, заорал на весь двор и на меня кинулся. С трудом нас разняли. Он меня все время за лицо хватал и царапал.

И вот я сижу за арфой.

— Я очень недоволен твоим лицом, — говорит мне Рудольф Инкович.

— Ах, это вы об этом? Так это я упал.

— Как упал?

— Шел и упал.

— Почему же я не упал?

— Смотрели себе под ноги, вот и не упали.

— Ха! Любопытный ответ! Ну, а ты почему же не смотрел себе под ноги?

Я опустил голову и плечами пожал.

— Он этого не знает! А кто же знает? Я? Ты не упал, вот в чем дело!

Мне очень хотелось, чтобы он думал, будто я упал. И еще мне заниматься не хотелось. И разговаривать мне тоже не хотелось.

— А потому ты не упал, — слышу я словно издали голос Рудольфа Инковича, — что ты мне сейчас неправду говоришь...

— Напрасно, — говорю, — вы так думаете...
— А я и не думаю. Я точно знаю. Меня ведь очень трудно обвести вокруг пальца, старого опытного педагога.

— Очень мне нужно вас обводить, — говорю.

— Однако обводишь. Если кошка, так скажи, что кошка.

— Ага, — говорю, — кошка.

— Врешь.

— Да чего мне врать-то!

— Зачем же ты мне врешь, вот не понимаю! Даже обидно. Нельзя врать своему учителю, ты понимаешь это? Я ведь все вижу. Если ты мне будешь врать, обманывать меня, как же мы можем, посуди сам, быть с тобой в хороших дружеских отношениях, строить наши занятия на взаимопонимании, на доверии, а ведь мы занимаемся МУЗЫКОЙ!

— Что вы от меня все-таки хотите? — спрашиваю.

— Я хочу, чтобы ты был честным. Моя обязанность педагога, об этом много пишут в газетах, не только выучить тебя играть на этом инструменте и привить тебе любовь к прекрасному, но и сделать тебя честным человеком.

— Значит, я вам врал, по-вашему?

— Безусловно, врал.

Я рукой махнул и сознался:

— Ну, и правильно, врал.

Он так обрадовался! Встал. Потрепал меня за ухо. И говорит:

— Спасибо. Это все, что мне было нужно. А что там с тобой произошло, можешь и не рассказывать. Если это твоя тайна, можешь ее при себе оставить. Право твое. Но врать...

— Да никакой тайны нету, — говорю, — какая там тайна...

— А если нет — тем более, зачем это вранье затеял? Это уж совсем ни к чему!

— Да ничего, — говорю, — я и не затевал, это вы затеяли.

— Я затеял?

— Ну, не вы, — говорю, — и не я... ничего такого и не было: просто подошел к пацану с нашего двора и как ему дам!

— Кому? Пацану?! Зачем же ты это сделал?

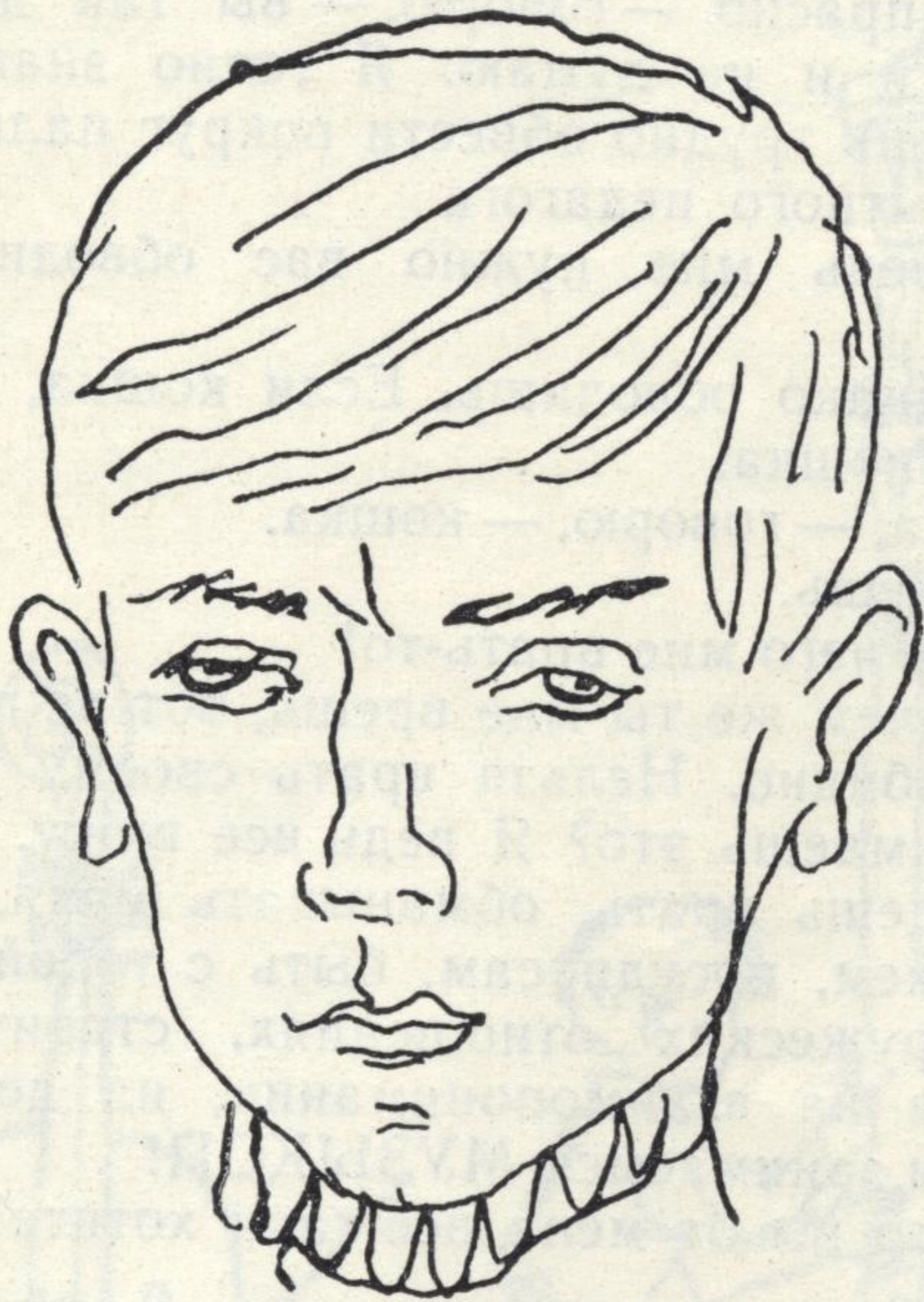
— Когда я был маленький, он меня ногой ударил...

— Ну и ты?

— А я ему в морду дал! — сказал я радостно, уверенный в том, что Рудольф Инкович поддержит меня на этот раз.

Но он не поддержал.

— ...Давать в морду... это недостойно человека... только неандертальцы, или... как их... только грубые животные... в таком возрасте...

В наше время... куда смотрит ваша пионерская организация?

— А куда смотрела пионерская организация, когда он мне ногой поддавал? — почти выкрикнул я.

— Ногой? — сказал Рудольф Инкович. — Зачем же он это сделал?

— Какая несусветная чепуха! Выходит, если я старше тебя, я должен тебе ногой поддавать? Да ты думаешь, что ты мне говоришь? Чушь! Бессмыслицу! Абсурд!

— Однако он меня все-таки ударил, — сказал я.

— Гм... — сказал Рудольф Инкович. — Грубое животное, вот и все! Но твой поступок... это недостойный поступок... как можно подойти и ударить человека в лицо?

— А зачем он меня ударил? — спросил я твердо.

— Зачем... зачем... — сказал Рудольф Инкович, — это безобразие, и... поступок твой такой же безобразный...

— Поэтому я и не хотел вам говорить, — сказал я.

— Все равно, это в сто раз лучше, чем врать. Взять, к примеру, меня. Никогда не врал. И никогда не ударял. Никогда в жизни ни на кого не поднял руки. А надобность была. Но я этого не делал. И никогда не врал. Потому что я честный принципиальный человек!

Он был возбужден и расстроен. А я, главным образом, был рад тому, что мы с ним беседуем. Забыл он, что ли, про урок? Тем лучше. Так время пройдет, и он меня отпустит. Не будет же он со мной без конца беседовать.

Насчет вранья — это он все-таки загнул. Ну, вот я, например, честно заявляю: арфа мне не нравится — разве кто-нибудь меня слушает? Или, скажи я ему всю правду, скандал получится.

— Никого в жизни не ударил, — сказал он опять.

Нет, он не жалел об этом. Он гордился этим.

— Почему же вы не ударили, раз надобность была? — спросил я.

Он снисходительно улыбнулся.

— Почему? Я тебе отвечу. Я просто убил морально, вот и все!

— Ну и что?

— А ты этого не знаешь, да? Что удар моральный в сто раз больнее, чем удар физический? Чему только учат в школе!

Он скривил рот, задумчиво так посмотрел на арфу и сказал, как мне показалось, не совсем уверенно:

— Надо думать головой, а не вести себя как в Техасе...

— А как ведут себя в Техасе? — спросил я сразу.

— В Техасе? Там сначала хватаются за пистолет, стреляют, а потом уже начинают думать, только уже поздно думать...

— А вы были в Техасе? — спросил я.

— Я не был в Техасе, — сказал он, — но знаю, что там ведут себя именно так...

— Они, наверное, ходят там все увешанные пистолетами, — сказал я.

— Не знаю, не знаю, — сказал он, — но ты ведешь себя так, как будто живешь в Техасе, а не в Советской стране.

Он уже не мог остановиться.

— ...сын достойных родителей... пионер... носит красный галстук на груди и наотмашь бьет в лицо своего приятеля...

Я перебил его.

— Не наотмашь, — сказал я.

— Не хватает мне, — сказал он, — досконально знать названия ударов!

— И он мне вовсе не приятель... — сказал я.

— Он твой сосед! — сказал Рудольф Инкович. — Да знаешь ли ты, что древние греки говорили о соседях? — Он вздохнул. — ...Целый урок пропал из-за того, что ты ударил соседа, а тот исцарапал тебе все лицо. Дикая история!

— Между прочим, — сказал я, — мой отец однажды дал в поддыхало одному вору, который ему в карман залез...

— Твой отец, помнится мне, частенько устраивал весь оркестр, — сказал он совершенно для меня неожиданно. — К сожалению, у меня теперь нет времени заниматься...

Он не стал рассказывать, что говорили древние греки.

Он стал шарить по карманам, достал ключ.

— Этот ключ, — сказал он, — вот от этой двери. От так называемой оркестровой двери. Каждый день, за исключением дней занятий, ты вот этим ключом будешь открывать оркестровую дверь, садиться за арфу и упражняться, упражняться, до тех пор, пока струны не начнут двоиться. Только таким образом можно чего-то достичь. В противном же случае...

Он держал ключ в руке, а я смотрел на ключ.

— ...а потом вот этим же ключом ты закроешь оркестровую дверь.

Он все держал ключ.

Я хотел взять его, но он слегка отвел руку.

— ...Посредством этого ключа ты сможешь войти в таинственный мир звуков, мир музыки... Пусть это будет символ ключа скрипичного и басового...

— Пусть будет, — сказал я машинально, ни о чем таком не думал, а он как подначку воспринял.

— Ах, так! — говорит, и ключ, главное, мне не дает.

Ну, я стою, смотрю на него, жду, когда он мне все-таки даст ключ, а он заложил руки за спину и тоже стоит, на меня смотрит.

— За такие штучки, знаешь, что нужно делать?

— Бить морду, — сказал я сразу.

— Вот именно! — сказал он.

Я старался смотреть виновато, хотя ни в чем я не был виноват, это уж точно.

— Знаешь что, — сказал он, — хватит. Если ты решил заниматься — давай заниматься. Не хочешь заниматься, скажи отцу, что не хочешь заниматься.

Я решил? Да я тут ничего не решал ровным счетом. Да и он ведь об этом прекрасно знает, а говорит. Буду я еще отца расстраивать!

— Конечно, я решил заниматься, — сказал я.

— Наконец-то я слышу разумные речи, — сказал он.

Он отдал мне ключ.

Я сунул ключ в карман.

— Не потеряй! — сказал он.

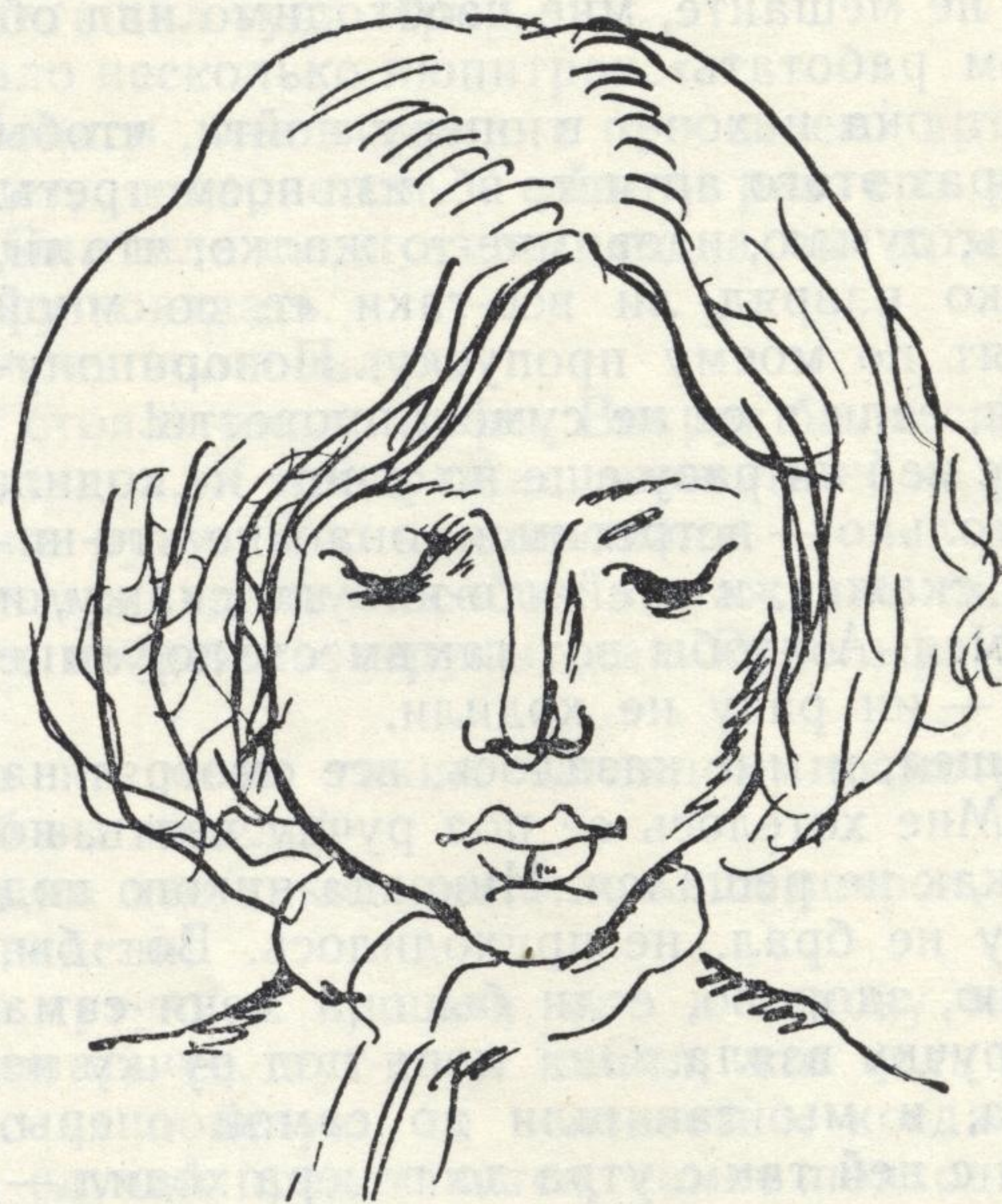
— Никогда не потеряю, — сказал я.

Если бы так каждый день занятия проходили, можно было бы на эту арфу ходить. Чтоб родителей не расстраивать.

* * *

С ключом в кармане я себя как-то особенно чувствовал.

Все-таки, как-никак, что там ни говорите —

ключ. От оперы. Ну, не от оперы, от оркестра, но все равно как бы от оперы. Только вот опера эта ни к чему. И арфа тоже. Надо же! Ключ есть. Свой. Ну, не свой, почти что, можно сказать, свой. А не нужен. Потому что от оперы. А опера мне совершенно не нужна. Обидно. Ключ в кармане. А словно его и нету.

Оперу я, наверное, никогда не пойму, до самой смерти. Некоторые говорят, что еще исправлюсь. Пройдет несколько лет, они со мной встретятся, и я буду до смерти любить оперу и многое другое, что я сейчас ненавижу. Арфу, например. Сколько кругом пророков и предсказателей, удивляешься только, почему они на завтра ничего не могут предсказать, если на целые годы предсказывают.

Я шел и ключ в кармане нашупывал.

Ирку встретил. Ключ ей показал.

— Неужели, — говорит, — тебя на арфе учат? Не может быть, чтобы тебя на арфе учили! — и хохочет вовсю, как будто так уж смешно.

— Еще как учат, — говорю, — все мозги забили.

Показал я ей пропуск, так она после этого чуть мне на шею не кинулась. Умолять меня стала, чтоб я ее в оперу провел. Она там одного артиста хочет увидеть. Девчонки за этим артистом как сумасшедшие бегали. Цветы ему на сцену кидали, у подъезда его часами ждали. Один раз они даже к нему домой завалились. Пришли и говорят: «Мы к вам пришли». Он спрашивает: «По какому поводу?» А они ни по какому. Просто без всякого повода. Стоят и молчат. Артист им говорит: «Если вам ничего от меня не нужно, так вы, прошу вас,

мне не мешайте, мне необходимо над образом работать».

Вот она и хочет в оперу пойти, чтобы еще раз этого артиста вблизи посмотреть. Пусть, думаю, идет, мне-то жалко, что ли, только навряд ли все-таки ее со мной пустят по моему пропуску. Позор получится, если я ее не сумею провести!

Я с ней ни разу еще по улице не ходил, так только — встретимся, она мне что-нибудь скажет, и я ей что-нибудь скажу, и смеемся. А чтобы вот так вместе по улице идти — ни разу не ходили.

Я шел, и мне казалось, все смотрят на нас. Мне хотелось ее под ручку взять, но я никак не решался. Никогда никого под ручку не брал, не приходилось. Вот бы, думаю, здорово, если бы она меня сама под ручку взяла. Она меня под ручку не взяла, и мы так шли до самой оперы. Я бы с ней так с утра до вечера ходил — провалиться мне на месте!

Мы около служебного входа остановились, и я ей говорю:

— Вот, возьми пропуск и проходи, будто это твой пропуск. Разверни, а большой палец на карточке держи. И сама быстро иди, будто так и надо, и меня во дворе жди.

Она говорит:

— А я не умею быстро ходить.

— Да не так чтобы быстро, — говорю, — а главное — смело.

Вдруг еще не согласится, у них ведь первое дело кривляться, я это давно заметил. Тем более, она почувствовала: мне очень хочется, чтобы со мной пошла.

Очень мне не хотелось, чтобы она от меня уходила!

Я ей говорю:

— Ты хочешь этого своего артиста увидеть или нет?

Она говорит:

— Хочу.

— Нечего тогда дурака валять! — зло меня взяло. Я эти кривляния с трудом переношу. Терпения у меня не хватает.

Она сразу поняла, что я с ней возиться не буду, и говорит:

— Давай пропуск.

Схватила мой пропуск и пошла. Я постоял немного, — может быть, обратно выйдет, но она не вышла, а я обежал вокруг оперы, место подыскивал, где бы мне лучше через забор перелезть.

Забор был каменный, я никак не мог залезть на него, все время срывался, а сердце у меня отчаянно стучало — она-то ведь ждет

меня. Я подбежал, запыхавшийся, к парнишке и говорю:

— Будь добр, подсади меня, пожалуйста, очень важно!

Я так просил его, что он, ни слова не говоря, пошел со мной к забору и молча подсадил меня.

Я спрыгнул на ту сторону. Все в порядке, рабочий только один меня заметил.

Ирка стояла посреди двора и крутила головой, а мимо нее тащили какие-то декорации.

Рабочий сейчас же меня пальцем подозвал.

— Другого входа нету? — спрашивает.

— Есть, — говорю.

— Тогда зачем оттуда? — и на забор кивает.

— А чего? Нельзя? — глупость, конечно, сказал, ясно, что нельзя.

— Нельзя, — говорит.

— Да, у меня отец, — говорю, — здесь работает.

— Кем работает?

— Поет.

— Это который с чубом?

— Ага.

— Похож.

Удивительно, как это Ирка меня все-таки не замечала, я-то ее видел! И хорошо, что не замечала, все дело могла бы испортить. Я под-

бежал к ней, схватил ее за руку и потащил. Боялся, чтобы нас еще кто-нибудь не остановил.

Мы прошли в зал, в зале было темно, окна были завешены шторами, и мы шли по проходу между стульями на ощупь. «Мы куда идем?» — шептала Ирка. «В оркестровую яму», — отвечал я. «А что там, в оркестровой яме?» — спрашивала она. «Арфа...» — отвечал я. «Зажги свет...» — шептала Ирка.

Я ее руку не отпускал, так ее за руку к оркестровой двери и привел. Стал открывать дверь, а ее за руку все держу.

Ирка про свет непрерывно твердила, чтобы я свет зажег, да ведь откуда я мог знать, где тут свет зажигается, понятия об этом не имел!

Только когда мы по лесенке в оркестр стали спускаться, я с трудом этот выключатель отыскал.

Выскочили из тьмы многочисленные пюпитры.

Там, в углу, в самом конце, засверкала золотом арфа.

Я потащил туда Ирку.

Упало несколько пюпитров.

Я боялся, она вспомнит про своего артиста и уйдет, повернется и уйдет, раз его здесь нету. Она шла сюда из-за него, а мне хотелось ей арфу показать.

Я очень волновался.

Мы стояли около арфы. Вокруг была сплошная тишина. Я продолжал держать ее за руку, раз она руку свою не вырывала.

Потом я сделал особое выражение лица и тронул небрежно струны, как Рудольф Инкович.

Она на меня таким взглядом посмотрела, если б вы видели!

А я на нее таким взглядом посмотрел, если б вы видели!

Вот тут-то и пришла мне в голову мысль поцеловать ее, тут-то я понял, что если я ее сейчас не поцелую, то неизвестно, когда еще такой случай представится, самое подходящее время, возле такого инструмента! Но я не решился и от этого мучился. Тем более мне вдруг другая мысль пришла: такую штуку, как арфа, наверное, здорово подарить любимому человеку. Хотя я понимал, что никак не мог бы этого сделать. Представьте — преподносят вам на день рождения арфу! Шикарный подарок! Единственная вещь в своем роде!

Но пока я рассуждал про немыслимый подарок, все изменилось. Она свою руку вырвала, стала приплясывать вокруг арфы и трогать ее, трогала без конца и повторяла: «Какая красота! Какая красота!»

Я был рад, что ей нравится инструмент, на котором я занимаюсь, но какая-то обида и даже злость подкатывала ко мне оттого, что я все-таки не поцеловал ее. И вот она теперь будет крутиться вокруг этой арфы и возможность, которая была, потеряна. Я вдруг вспомнил о пропуске, как бы она с моим пропуском не ушла, и спросил его, а она отвела руку за спину и сказала:

— Не дам.

— Это же мой пропуск! — крикнул я, хотя она прекрасно знала, что пропуск мой.

Я кинулся к ней, стал вырывать у нее пропуск, она смеялась и пропуска не отдавала. Нога моя зацепилась за что-то, зазвучали струны арфы все разом, и тут я скорее почувствовал, чем увидел, что арфа валится вместе с нами. А потом она глухо грохнула на всю оперу. Грохот этот разнесся повсюду, заполнил все пространство, а струны еще долго звучали жалобно и печально...

Вспыхнул свет в зале, очень яркий, и чей-то голос произнес, а акустика разнесла его:

— Что там?

Трагичное и страшное нахлынуло на меня, когда я увидел большой золотой кусок арфы, катившийся по полу между пюпитрами...

Я встал, схватил Ирку за руку и помчался, раскидывая пюпитры в разные стороны, и грохот стоял ужасный, будто пушки палят со всех сторон...

Мы мчались по освещенному залу, чуть не сбили какую-то старушку, мчались туда, к выходу, на улицу, и было страшно. Я понимал — случилось несчастье, и понимал, что убежать от всего этого вообще нельзя, но убежать сейчас, сию минуту — вот что я хотел.

Мы выскочили на улицу.

Весь день я болтался по городу, куда я только не ходил! Ирка сразу домой пошла, а мне в школу нужно было идти, но я в школу не пошел. К вечеру, когда темнеть стало, решил в какое-нибудь кино пробраться, есть у нас один кинотеатр, народ выходит, а ты навстречу им продираешься. Продерешься сквозь всю эту толпу, а потом в сторону и по лестнице бегом.

Опоздал к концу сеанса. Поболтался-поболтался по улицам и домой направился.

Влез по выступам стены на балкон. Настроение у меня было такое — хуже не бывает. Смотрю в нашу родную стеклянную дверь, оценивая домашнюю обстановку. Вижу мать и отца. Сидят они за столом, а мать плачет.

Тогда я открыл дверь и на цыпочках вошел в комнату.

* * *

Мать ахнула от неожиданности.

Отец сидел спиной к двери и не заметил, как я вошел.

Он обернулся, и я увидел его лицо.

Абажур у нас желтый и старый. Он освещал стол, а они за столом сидели. Они тоже были желтые, и стол желтый, а лицо у отца было такое худое! Или я не замечал раньше, что он такой худой? Руки отца лежали на столе, костлявые, худые руки.

Он глянул на меня и отвернулся, как будто естественно, что я вышел из балконной двери, и как будто он ничего не знает про арфу, и ничего нет странного, что меня целый день дома не было. Он к моим штучкам привык, не в диковину они ему были.

Но все-таки я думал: он сейчас вскочит, кинется на меня — я был на все готов.

Он отвернулся, как будто ничего вообще не произошло.

Он в последнее время как-то спокойнее стал.

Отец работал много. Он водил экскурсии по городу, показывал разные исторические памятники, городские достопримечательности. Вечером читал лекции, домой он всегда воз-

вращался поздно, усталым. Сейчас эта усталость мне особенно в глаза бросилась, раньше я его таким усталым не замечал. Неблагодарным и виноватым чувствовал я себя, глупой и досадной представлялась мне вся эта история с арфой...

Но я не мог изменить того, что уже произошло.

Я смотрел в пол.

Мне стало жалко отца, жалко мать и себя самого, который попадает все время в какие-то дурацкие истории.

— Нужно начать новую жизнь, — слышу я голос отца.

Ну, конечно, новую, я и думал о новой жизни!

— ...Что ты наделал? — слышу я голос отца.

Да, наделал, конечно, натворил, наделал...

— Зачем ты это сделал?

Зачем я это сделал? Разве могу я ответить на этот вопрос? Зачем я это сделал? Не знаю. Ничего я СПЕЦИАЛЬНО не делал...

— У арфы оторвана... арфа разбита... отменен спектакль... я должен платить за арфу... нечем мне платить... хорошо, если этим кончится... ты понимаешь?..

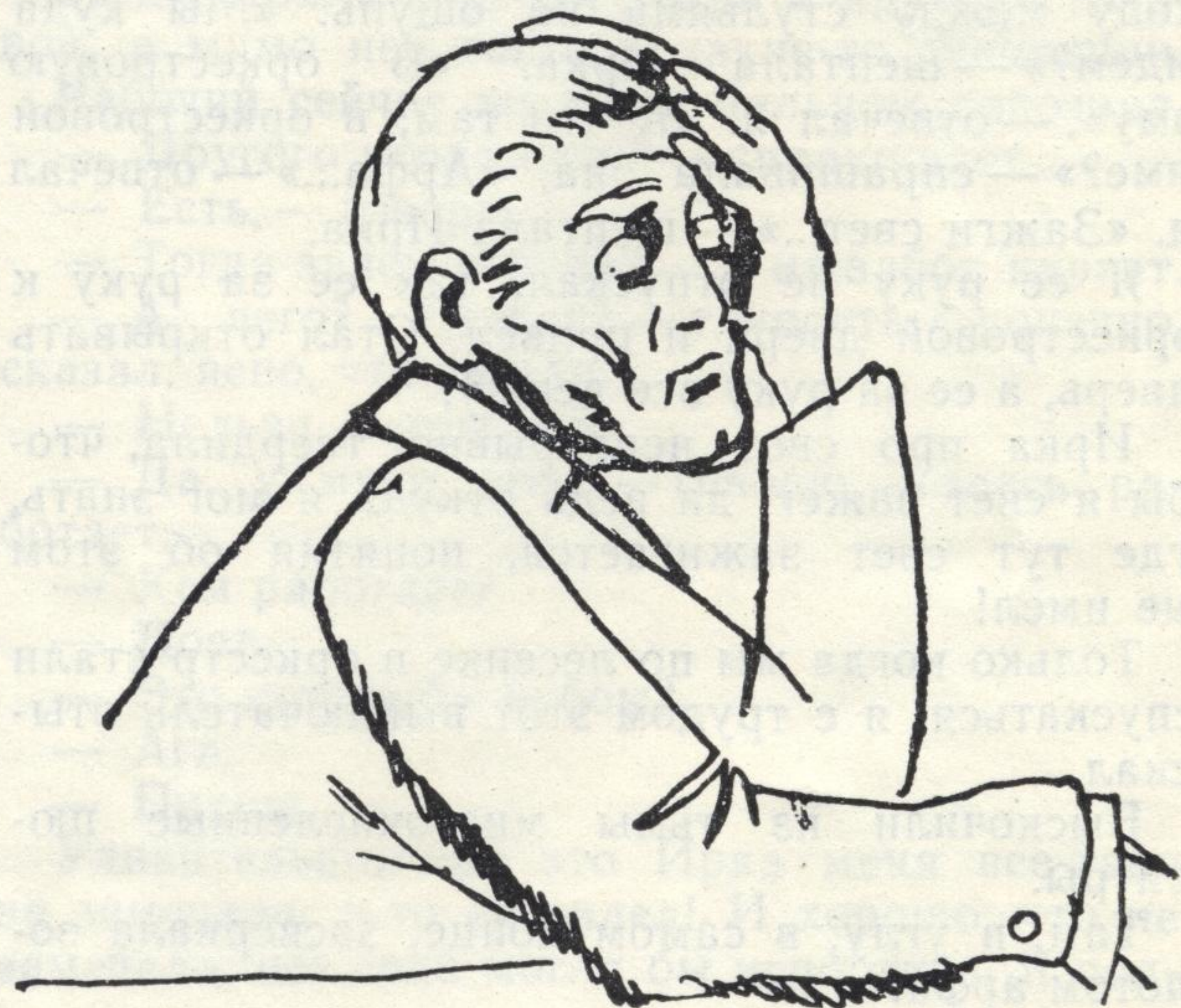
Отец говорит устало, медленно.

Слова хлещут меня.

Зачем я это сделал... зачем я это сделал... зачем я это сделал...

* * *

В школу я несколько дней не ходил. Мать в школу вызвали, разную там чушь плели, противно слушать! Будто она во всем виновата и мой отец. Да при чем они? Они-то тут при чем, вот тоже! Сваливают на моих родителей, когда спрашивать надо только с меня. Ну что они со мной могут сделать, ну что?

Мать еще надумала к секретарю горкома комсомола идти, да при чем тут он? Ну что он сделает? Что? Я ему объясню то же самое, что я уже сто раз всем объяснял. Поговорит он со мной, ну а дальше что? Я ему свою точку зрения выскажу и дело с концом.

А про учителей я ничего плохого сказать не могу, особенно про директора. Он изумительно ко мне относится. Когда год окончился, у меня сплошь двойки были. Я и говорю директору: «Значит, меня не допускают к экзаменам?» Он, представьте себе, отвечает: «Если ты сможешь сдать, милости просим, я допускаю тебя к экзаменам». Свой в доску! Я, верно, сам подкачал, говорю: «Нет, не смогу сдать». Он говорит: «И я так думаю, ты не сможешь сдать». Я говорю: «Так что же мне делать в таком случае?» «Оставайся на второй год, я не хотел бы, чтобы ты от нас уходил». Он всегда старался, чтобы я хоть что-нибудь ответил по его предмету, ему нравилось, какие я стенгазеты рисовал. Талант, говорит, у человека, ничего не скажешь! Он, бывало, долго меня отвечать зовет, даже в классе смеяться начинают, а я сижу и повторяю: «Я не знаю, я ничего не знаю». «Ну хоть что-нибудь-то ты знаешь, — говорит, — не может быть, чтобы ты ничего не знал!» «Честное слово, ничего не знаю», — я ему твержу. «Ну,

ври больше, — говорит, — так я тебе и поверил, иди, иди отвечать». Вставать неохота, к доске идти до того лень, а он своего добьется. Упросит и какую-нибудь ерунду спрашивает, к примеру: как звали Пушкина. Или фотографию Маяковского покажет: кто это такой? Ну, ясное дело, отвечаю: Маяковский. Он меня хвалит: «Ну, вот видишь, молодец! А ты не хотел отвечать, ах ты, все очень просто». Ребята смеются, да и я смеюсь, еще бы не смешно! А он серьезный: «Ладно, ладно, — говорит, — ишь, тоже мне весельчаки!» Не хотел показывать, что вроде ни за что тройку мне ставит.

Иногда разозлится и как закричит: «Забери свои книги и марш, чтобы духу твоего не было! Как шкаф, как стул, как табуретка здесь сидит!» А потом ничего. Ладно, говорит, сиди, школу-то тебе нужно закончить...

Замечательный директор, просто хороший человек. Начнет рассказывать про гражданскую войну, про разные истории, приключения, так весь урок и пролетит. С раскрытым ртом его слушали. У него ноги одной не было, входит в класс, а протез скрипит вовсю, и жил здесь же, в школе, на первом этаже, вход с улицы Грибоедова. Как только пустой урок, учитель заболел или еще что, он является, начинает рассказывать свои военные приключения. Я к концу года по всем предметам двойки заработал, а по его предмету у меня все-таки тройка была. Он ни за что мне двойку ставить не хотел — во какой был человек!

В начальных классах я учился здорово. Меня всем в пример ставили, на всю школу хвалили. И мать с отцом были довольны. А после я повернул круто, стал совсем плохо учиться. У меня своя точка зрения выработалась. Не потому, что зазнался, тут совсем в другое дело. Когда я учился здорово, я был, в общем, доволен, мне нравилось, считал, не каждый может учиться здорово. Я всегда поднимал в классе руку, когда спрашивали. Я на все мог ответить, такого не было, чтоб я ответить не мог. Я мог любую задачу решить в два счета. И писал я всегда без ошибок. И запоминал все здорово. Учитель на уроке рассказывает, а я все и запоминаю. И домашние задания я всегда выполнял добросовестно. Так вот. Я сначала учился здорово, а потом вижу, не я один, а две-три девчонки тоже на отлично учатся. И не хуже меня, представьте себе, учатся. Вера Машенькина, Катя Грохотова, Фаня Лившиц... Они все уроки знали и поднимали руки, когда их спрашивали. Я поднимаю руку, и они поднимают, и еще кое-кто поднимает. И тут меня зло взяло. Ничего нет особенного, значит, каждый может урок как

следует выучить и ответить на отлично. Это дело обычное. И я на учебу плюнул. Никому я, конечно, не объяснил, почему я на учебу плюнул. Тем более, я для себя учусь, а не для кого-то другого, мне сто раз твердили. Значит, и объяснять никому ничего не надо. Неохота мне стало стараться, про уроки думать перестал, не слушал учителя, просто сидел, смотрел, как другие поднимают руки. Подумаешь! А когда меня спрашивали, отвечал: «Я ничего не знаю». Учителя удивлялись сначала, а потом перестали удивляться, привыкли к тому, что я ничего не знаю. Сажу себе, смотрю, как другие поднимают руки, и чертей рисую.

* * *

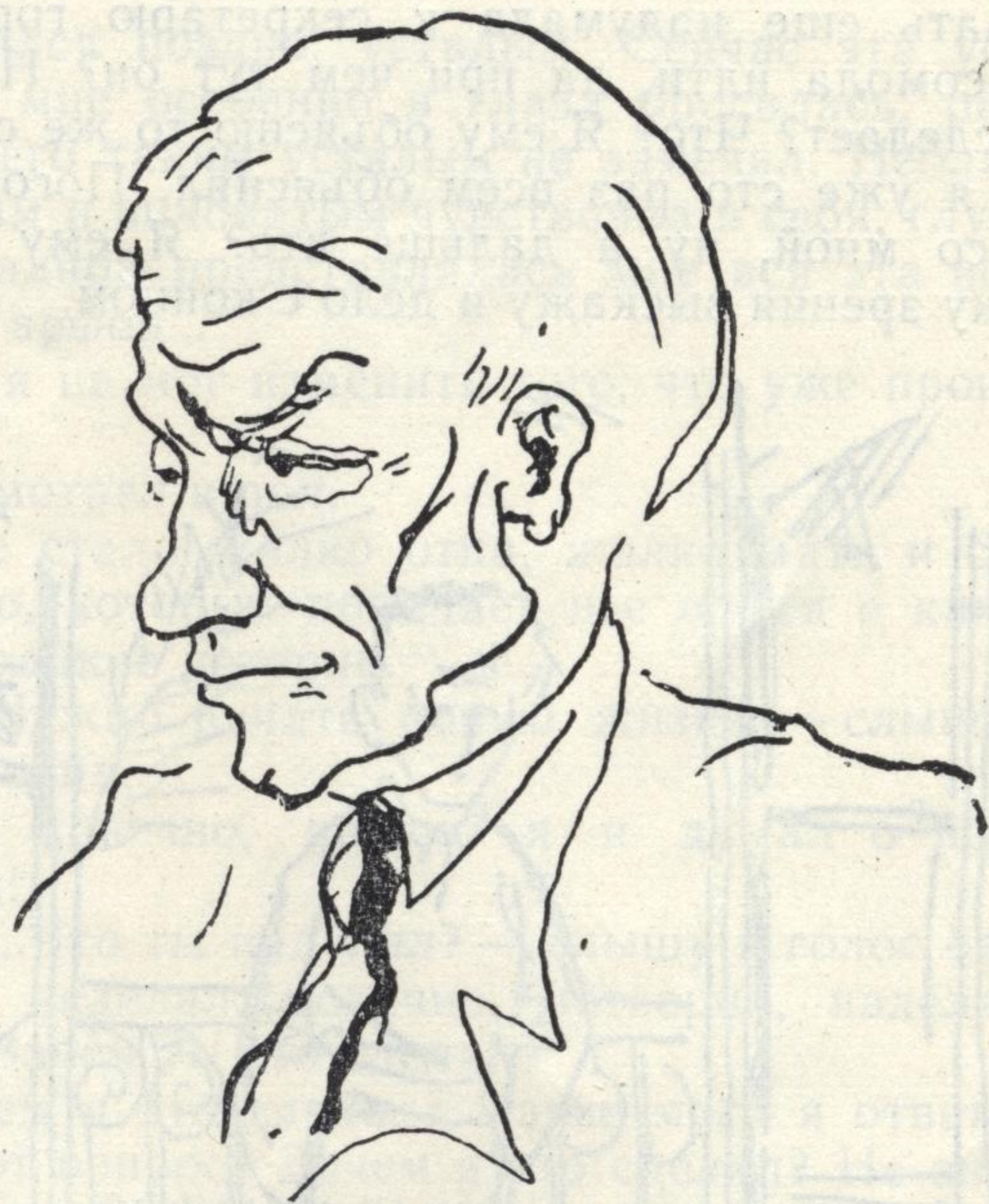
Красок бы мне, красок, вот что я понял! Я бы всем показал тогда, все увидели бы, на что я способен! Достать бы мне красок, но где? Я бы написал картину, великую и неповторимую! Я написал бы фреску во всю стену, во всю нашу комнату, все стены в комнатах распишу! Приведу людей, разных художников, полюбуйте, глядите, поняли вы, наконец, на что я способен?! Я напишу на всех стенах по морю! Моря бьют пеной в края и в стороны! Они разливаются по всей квартире, смывают лодки на оранжевом песке. Песок я напишу чистой оранжевой. Лодки качают мачтами. Сплошное море без неба. Изумрудно-зеленое море! Я понял, что мне делать! Я все понял! Краски мне нужны! Краски! А лучше я напишу картину, где будет все: углы и круги, петухи и курицы, галстуки и башмаки, вилки и ложки, люди и кошки, банки и дудки, гномы и раки, сардельки и веники, мандарины и носки, лестницы и полотенца, дома и кашалоты, колбасы и верблюды, дороги и столбы, консервы и рубашки, стаканы и бутылки, бумага и перчатки, шкафы и барабаны, игрушки и часы, корзины и весы, вино и помидоры, веревки и шторы, книги и чемоданы, картошка и одеяла, кактусы и собаки, палтус и макаки. Белье, повешенное на веревке, мяч, запущенный в стекло, двери, раскрытые настежь, дом, покосившийся набок, сова, сидящая на дереве, ворона, каркающая с утра до вечера, шашлык, шипящий на шампурах, ведро дырявое, из которого льется вода и уходит в песок. Рудольф Инкович с арфой на спине протискивается...

Дальше я уже не мог остановиться.

Вихрем завертелись в моей голове великие мысли.

* * *

Мы с моим другом Гариком сидели на ступеньках в его парадной, и я ему плел все подряд накипевшее.

— Что же ты мне раньше не сказал, что тебе нужны краски! — заорал он. — И мне нужны краски!

Ему всегда нужно то, что мне нужно. И он сейчас собирается написать великую картину, потому что я собираюсь.

— Интересно все-таки, какую картину ты собираешься написать? — любопытствовал я.

— Эшафот, — сказал он важно. Как потом выяснилось, произнося слово «эшафот», он имел в виду совсем другое слово — «ландшафт».

Черт с ним, с его эшафотом, пусть болтает себе на здоровье, дальше я его расспрашивать не стал, ясно, никакой картины он не сможет написать, живописью он не увлекался. Где он собирается краски доставать?

— Ты в опере бывал? — спрашивает.

— В кишках она у меня, твоя опера, сидит!

— На чердаке там не бывал?

— всю жизнь там на чердаке сидел, а как же!

— Ладно, пропуск у тебя в оперу остался?

— Ну, дальше что?

— А дальше, — говорит, — дело в шляпе!

Я ничего не понял, он мне стал выкладывать свой план. До чего на подобные штуки голова у него работает! Диву даешься. План такой: мы пробираемся в оперу на чердак. Через чердак вылезаем на крышу. Спускаемся по пожарной лестнице на соседнюю крышу, а с этой на следующую. Через несколько крыш добираемся к окну — антресоли мастерской заслуженного художника Велимбекова, — влезаем в мастерскую и забираем краски. Обратное возвращение через оперу практически исклю-

чено. С ворованным нас могут задержать. Нужно возвращаться другим путем. Но каким? Он, Гарик, еще подумает, каким путем возвращаться обратно.

Грабеж, короче говоря. Скатились, докатились, допрыгались, дожили.

— Послушай, — спрашиваю, — откуда ты знаешь, что через оперу по крыше добраться можно?

— Ха! Как мне не знать, — отвечает, — если я у Велимбекова позировал в его картине. Когда я уставал, он мне разрешал на крышу в окно вылезать, поразмяться. Пока я у него позировал — все крыши облазил.

Я сразу представил его разгуливающим по крышам. Ни стыда ни совести. Бывал в гостях у человека, а теперь его грабить собирается.

Ведь ему несколько краски не нужны, а он и не задумывается, вперед — и никаких гвоздей! А мне краски нужны до зарезу, я не человек без них, ничего не значащая личность, а задумываюсь, как дурак. Так и буду ходить задумчивый всю жизнь.

— Послушай, — спрашиваю, — а ты хоть раз через оперу проходил? Ты уверен, что можно через оперу пройти? Может, ты только на крыше разминался?

Он обиделся.

— Однажды, — говорит, — я от Велимбекова прямо в оперу ушел. Позировать закончил — и в окно — «Севильский цирюльник». «Севильского цирюльника» смотреть не стал, а только в буфете лимонаду выпил и домой.

— А другим путем никак нельзя? — спрашиваю.

— Можно по воздуху. Фьют — и там. Ага?

— Понимаешь, — говорю, — опера мне ненавистна... объяснять долго... Не хочется мне там, короче говоря, появляться... педагог мой может встретиться, и прочее... Непременно снова в оперу, а? Как бы миновать это заведение, неужели никак нельзя?

Он думал, думал, потом говорит:

— Да плюнь ты на оперу! Чего тебе о ней думать? Ну, играют там, поют, и пусть. Мы же не в зал с тобой идем, а на чердак. Твой педагог на чердаке сидит, что ли? Они там своим делом занимаются, а мы своим. Нам бы только на чердак пробраться и плевать нам на всю их музыку, «Севильских цирюльников», оркестры и прочее. Нам даже лимонаду ихнего не надо. Выпьем с тобой лимонаду в другом месте.

* * *

Уже стемнело, Гарик достал шнур. В мастерской Велимбекова горел свет, и мы сели

в скверике на траву. Гарик вертел в руке шнур, как лассо.

Толпился народ у входа в оперу. Гарик не переставая вертел лассо, яростно плюясь сквозь свои редкие зубы. Вид у него был решительный, готовый ко всему. Над входом, на лепном балконе, стояли люди, свесившись вниз, глядя на толпу.

— Может, он там ночевать собирается, — сказал Гарик.

В глубине души мне хотелось, чтобы он остался ночевать, все тогда перенесется на другой раз, а там видно будет.

В мастерской потух свет, и я сразу почувствовал сильное волнение. В роли вора мне еще бывать не приходилось.

Заслуженный художник вышел не сразу. Мы вскочили, как только его заметили, и даже проводили его до угла.

— Когда мне пятьдесят два года стукнет, — сказал Гарик, — я тоже буду заслуженным художником, будь здоров!

— А ребятки тебя ограбят, — сказал я.

— Шиш! — заорал он. — Понял? Шиш! Я их всех тогда... Я им голову оторву! — Разволновался, как будто его грабить собираются, а не он.

— Как бы нам голову не оторвали, — сказал я.

— Вот шиш! — заорал он. — Вот им шиш, пусть поймают!

— А вдруг нас все-таки поймают, — сказал я, — что тогда?

— Ни шиша нас не поймают, — сказал он твердо и уверенно.

* * *

Гарик меня на забор подсадил, и я перелез на ту сторону, не впервые. А сам он по моему пропуску через служебный вход прошел.

Помчались вверх по мраморной лестнице, выскочили на другую лестницу через буфет, а как мы на крышу выбрались — я так и не понял. Я только спину видел перед собой, и больше ничего. Дорогу он, действительно, знал. Да еще как! Он шел вперед настолько смело и уверенно, будто каждый день ходил таким путем, как в школу и обратно. Перелезая с крыши на крышу, проделывая то же, что и он, я едва успевал за ним. Целый квартал крыш предстояло преодолевать. Мы неслись, как мне казалось, в бешеном темпе, скорей всего он решил продемонстрировать мне свое умение бегать по крышам. Он с необыкновенной легкостью перескакивал с крыши на крышу, в то время как я только перелезал.

Окно антресолей в мастерской оказалось раскрытым.

— Везет нам, — сказал Гарик, влезая в окно, — Велимбаев прохладу любит. Давай сюда.

Я полез следом.

— Давай за мной, — сказал он, когда мы оказались по ту сторону окна в полной темноте.

Осторожно ступая, я двинулся за ним.

— Очень крутая лестница, — предупредил Гарик.

Но лестница была не только крутая, но к тому же еще и на манер винтовой. Она шаталась, прогибалась и скрипела. Она еле держалась. Как только по ней хозяин ходит! Ко всему, она имела веревочные перила, что я не сразу понял. В руках я держал веревку, которая провисла и болталась в разные стороны.

— Как бы мне отсюда не вывалиться, — сказал я, — когда она только кончится!..

— Ты за перила не держись, — шепнул мне Гарик.

— За что же мне держаться?!

— Держись поближе к стенке.

— Где же стенка... кругом темнота...

— Тогда за меня держись.

— Как бы ты сам не свалился.

— Не беспокойся, не свалюсь!

Он-то не свалится! А впрочем, тоже неизвестно.

Верхнего света мастерская не имела, а окна оказались завешены.

Занавески колыхались от ветра, как надутые паруса. Старинные часы отсчитывали время старинным маятником. Картина на мольберте. Медные кунганы в нише, разной формы и величины. Тюбики раскиданы повсюду, по всей мастерской. А вот коробки! Коробки с красками мне нужны, а не тюбики! Много красок мне нужно, а не мало! Складываю коробки друг на друга, хватаю книгу «Суриков» с этажерки, кладу сверху на коробки, перевязываю.

Гарик возится у сундука. Открыл его, вытащил костюм неизвестно какого века, какого народа. Примерять его, что ли, собирается, не пойму. Я его поторопил, он костюм быстро свернул и к коврику кинулся. Не заметил даже, что я на ковре стою. Вцепился в него и тянет в свою сторону. Я сразу даже не сообразил, что ему надо.

— Это мне подойдет! Красотища! Коверчик! Это я понимаю — клад! Чтоб я такую вещь оставил?

— Ковер не тронь, — говорю, — мы не за этим пришли.

Он на меня уставился:

— А за чем же?

— Не притворяйся, — говорю, — прекрасно знаешь: мы за красками пришли.

— Ну и бери свои краски, а я ковер продам и себе мотоцикл куплю. Заверну в ковер костюмчик — и порядок. Мотоцикл мне нужней, чем краски, к твоему сведению.

— При чем здесь мотоцикл! Прекрати дурить, забирай скорей краски, а там разделим.

— Я бы и занавески снял, — он мне отвечает. — Неужели мы ковер оставим, ты в своем уме? Дураки набитые мы будем, учти!

Вдруг — трах! Гарик отпускает ковер, и второй раз — трах! Мы оба присели, куда бежать? Спокойно, спокойно, — хлопнуло от ветра окно на антресолях.

Фу... надо же...

Хватает Гарик краски, кунган, все подряд, не может он не хватать, что под руку попадается.

— Напрасно мудришь, все равно завтра я сюда за ковриком вернусь, так это дело не оставляю...

— Ты люстру с собой в карман прихвати, тахту под мышку.

Ковер оставил, а костюм все-таки в темноте прихватил по дороге. Мы уже поднимались по лестнице, как вдруг меня осенило.

— Не очень-то у нас интересно получилось, — говорю, — минуточку, я спущусь...

— Вот молодец, — говорит, — ковер решил забрать, это я понимаю!

Я снова зажег свет, взял лист бумаги. Написал размашисто углем: ПОСЕТИТЕЛИ ВЕЛИКИЕ ХУДОЖНИКИ. Подрисовал череп и кости, положил на мольберт, шелкнул выключателем и стал подниматься по единственной в своем роде лестнице.

Подъем гораздо легче, хотя в руках у меня тяжесть. Лестница ходила ходуном, но я уже немножко знал ее. Она уже не была для меня тем таинственным, непонятым сооружением, я знал ее длину и ширину, хотя она раскачивалась также, и скрипела, и ходила ходуном.

На крыше выли кошки.

— Ковер где? — спросил Гарик.

Я смолчал.

Он с горечью махнул рукой. Он думал о ковре.

Глазели на нас кошки.

— Что-нибудь другое прихватил? — спросил он. — Поровну поделим.

— Ничего я не прихватил, — сказал я, — пора сматываться отсюда.

Кошки разбежались в разные стороны. Почему-то крыша мне напомнила кладбище, а трубы — памятники. И тишина вокруг самая настоящая гробовая.

— Вот сейчас бы выпить лимонаду в опере, — сказал я.

— Можно выпить, — сказал он. Такая ситуация, как ни странно, представлялась ему вполне возможной.

Мы передохнули, а дальше он меня повел к месту, откуда вещи вниз спускать. Мы скоро туда добрались, я остался, а он отправился через оперу вниз, от меня вещи принимать.

Я сидел, ждал, когда он мне свистнет.

А вдруг он не дойдет? Вдруг его в опере задержат? Вдруг мы не поняли друг друга и он в другом месте посвистывает попусту. Да

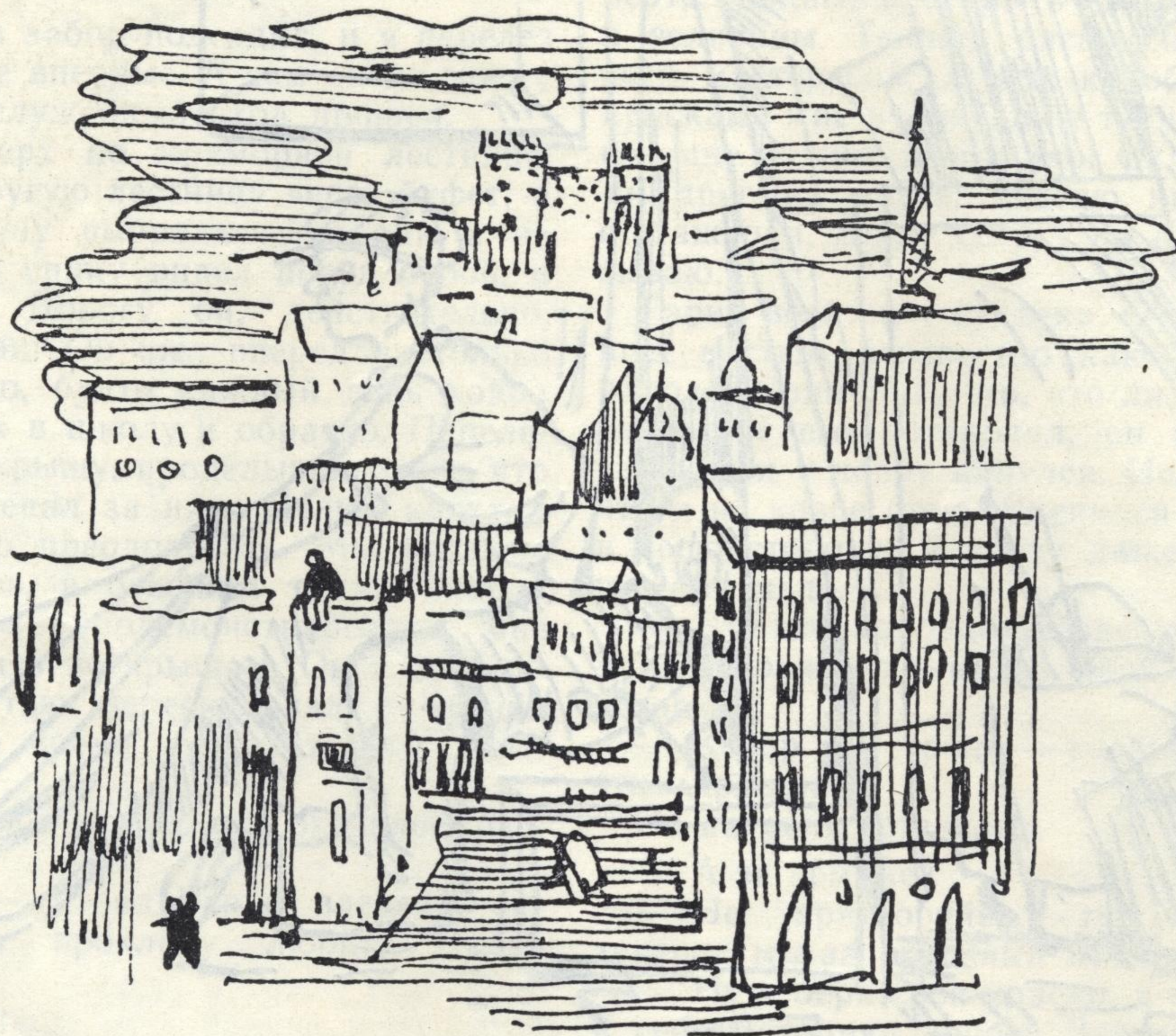
мало ли что может произойти, но куда, в таком случае, мне деваться?

Он не свистел.

Жду терпеливо, еще раз проверил, крепко ли привязан шнур, не сорвется ли. Глупое положение.

я здесь сижу, умер бы, наверное, на месте! А знали бы родители?.. А знал я сам, что вот так буду рассиживать?

Свистнул Гарик, молодец! Поехали вниз мои краски и узел. Поехал вниз на веревочке «Суриков», доброго пути!

Звали Леню вдалеке. Отвечал Леня «ау». Слабо доносилась из оперы музыка. Знакомая мелодия: «тра-тара-тили-тили-тили...» — не могу вспомнить, откуда. Рудольф Инкович побренькивает на своей арфе. Знал бы он, что

Внизу я спросил Гарика, почему он так долго не появлялся.

— Только выпил в опере лимонаду, — сказал он, — и больше ничего.

Продолжение следует

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Каждое задание, напечатанное под заголовком «Клуб морских знатоков», оценивается от одного до пяти очков. За рисунки, схемы, карты дополнительно по очку.

В шкиперской кладовой пока хранятся премии победителям: итоги будут подведены только в декабре. Тут и фотоаппарат, и тельняшки, и спортивные принадлежности.

До финиша пройдено полпути. Всем знатокам, приславшим нам письма, от имени «Морской газеты» капитан 2-го ранга

С. В. Сахарнов объявляет благодарность.

Пока лидеры — Витя Иванов из Ангарска, Нелли Ханеева из Калуги, Толя Бейнар из Риги, Леня Плюхин из Свердловской области, Толя Башкиров из Волгограда и Слава Бочкарев из Пензы.

Премии боцмана Румпеля — тому, кто абсолютно на все вопросы ответит без нулевой оценки.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

В годы войны мы жили в эвакуации, на Урале. Там я пошел в школу. Отец в то время был в ленинградской блокаде. Жилось туговато. Мать, придя с работы, плакала.

И вдруг ночью отец внезапно приезжает. Он небрит, в черной гимнастерке, страшно худ. В рюкзаке он привез желтую банку консервов и небольшую книжку со странным названием «Гойя». Гойя? Понятно, я, только пошедший в школу, и не слышал тогда имени этого испанского художника.

Но я знал, что отец летел над линией фронта, над сожженными городами, черный бумажный радиорупор ежедневно вещал о повешенных партизанах, об ужасах войны и оккупации.

То же самое я видел в книге. Она тоже летела над фронтом. На ее страницах расстреливали партизан, мотались тела повешенных. Со страшных офортов глазела война.

Все это слилось для меня в жутком и непонятном возгласе «Гойя».

«Гойя!» — так гремели зенитки и бомбы над моим родным городом. «Гойя!» — так выли волки в снегах за сибирской деревней. «Гойя!» — так голосила соседка по убитому мужу. «Гойя...»

Прошло много лет. Я окончил Архитектурный институт. Сам много занимался живописью и графикой.

Но до сих пор в имени «Гойя» для меня, как эхо, слышится и наша война, и горе, и боль моей страны.

«Гойю» я считаю первым «моим» стихотворением.

Писал я его не на бумаге, а на слух, подбирая слова, чтобы они звучали, как колокол, звуково и ритмически. Хотелось, чтобы сквозь строки слышался голос древних тревожных колоколов. Музыка горя.

Это понял Родион Щедрин, когда в первой части своей «Поэтории», вещи трагичной, высокой и страшно русской, оркестровал эти стихи колоколами и древними хорами. А перед этим музыкальную жизнь стихам дал ленинградский композитор Вениамин Баснер темой баса и трубы.

Опубликовано стихотворение «Гойя» в 1959 году в журнале «Знамя». С тех пор я постоянно включаю его в свои «Избранные». Вероятно, тема войны привлекла к нему зарубежных переводчиков. Но звукопись очень неблагоприятная вещь для переводов. В большинстве они дают ощущение, смысл, но не касаются музыки. Так, например, из одиннадцати переводов, опубликованных в изданиях на английском языке, только один дает звуковое, «колокольное» решение темы.

Сейчас я включил «Гойю» в свою новую работу для театра.

Андрей Вознесенский

ГОЙЯ

Я — Гойя!

Глазницы воронок мне выклевал враг,
слетая на поле нагое.

Я — Горе.

Я — голос

Войны, городов головни

на снегу сорок первого года,

Я — голод,

Я горло

Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
было над площадью голой...

Я — Гойя!

О, грозди

Возмездья! Взвил залпом на Запад —
я пепел незваного гостя!

И в мемориальное небо вбил крепкие
звезды —

Как гвозди.

Я — Гойя.

Здесь жил Ленин и работал Ленин

«Дача «Ваза» была подлинным центром партийной работы. Отсюда Ленин направлял деятельность партии, здесь под его руководством проходили партийные собрания и совещания...»

Биография В. И. Ленина

Ленинград. Нет на земном шаре другого города, в котором было бы столько памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина. В Ленинграде и области их — 237!

Огромные возможности для следопытского поиска! Ведь далеко не все памятные места изучены достаточно подробно. Известен, например, только адрес. А что это была за квартира, кому принадлежала, что за люди помогали скрываться Владимиру Ильичу от полиции, как выглядел этот дом в те далекие годы? Даже незначительные на первый взгляд факты, косвенные документы и материалы могут оказаться решающими для большого открытия.

Начало изучению ленинских мест положено уже давно, примером удачного поиска может служить работа следопытов 450 школы г. Зеленогорска.

Дача „Ваза“ служила явочной квартирой в течение многих лет (поселок Куоккала, ныне Репино, Ленинградской области).

...Через железнодорожный переезд возле станции Репино шли самосвалы: недалеко строили шоссе. У закрытого шлагбаума нагруженные землей машины выстроились в очередь. Около будки дежурного у переезда стояли двое мальчишек. Они внимательно разглядывали шоферов и громко переговаривались между собой.

— Вот этого, что ли, попросим, который в кепке? — спросил один.

— Сердитый, вроде, смотри, всю папиросу изжевал, ругаться будет, — усомнился второй.

— Ну, тогда следующего, который за ним?

— Торопится очень, гудит, как на пожаре, некогда ему... Мы его уже просили.

Наконец, помогая друг другу, ребята взобрались на высокую подножку одного самосвала. Просунули головы в кабину и вместе попросили:

— Дяденька! Нам очень земля нужна. Ведь вы ее там просто сваливаете, а нам она для важного дела совершенно необходима. Подвезите, пожалуйста, на участок, тут совсем рядом.

Уговорили! Изменив маршрут, водитель 3-го автопарка Петр Александрович Попов свернул на Привокзальную улицу. Машину встретили криками «ура».

Школьники работают на участке дачи „Ваза“.

Сережа Кузнецов и Андрюша Зверев, герои дня, лихо спрыгнули с подножки.

Тяжелая, спрессованная земля падала из кузова на сырую, заболоченную площадку. Мальчишки разбивали лопатами и топорами твердые комки, вы-

таскивали толстые, закрученные узлом корни. Девчонки разравнивали почву. И через двадцать минут от черного кургана не осталось и следа.

Девять раз приезжал самосвал с землей, а в десятый привез желтый песок для доро-

жек. Жильцы соседнего дома, дачники и просто прохожие останавливались и с любопытством — смотрели на работу школьников.

— Что они здесь затеяли? Зачем на этом пустыре возятся?

ЧТО ТАКОЕ ДАЧА «ВАЗА»?

Из воспоминаний Н. К. Крупской

Было прочитано вслух на сборе отряда пионеров 5-а класса

«Восстание было подавлено. Реакция нагнала. Большевики возобновили издание нелегального «Пролетария», ушли в подполье.

Ильичу пришлось перебраться в «ближнюю эмиграцию», в Финляндию. Он поселился у Лейтейzenов, на станции Куоккала, неподалеку от вокзала. Неуютная большая дача «Ваза» давно уже служила пристанищем для революционеров. Перед тем там жили эсеры, приготавливавшие бомбы, потом там поселился Лейтейзен с семьей. Ильичу отвели комнату в сторонке, где он строчил

свои статьи и брошюры и куда к нему приезжали и цекисты и пекисты, и приезжие из провинции. Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков. Через некоторое время я тоже туда переехала, уезжала ранним утром в Питер и возвращалась поздно вечером. Потом Лейтейzenы уехали, мы заняли весь низ — приехала к нам моя мать, потом Мария Ильинична жила у нас одно время...

В то время русская полиция не решалась соваться в Финляндию, и мы жили очень свободно. Дверь да-

чи никогда не запиралась, в столовой на ночь ставились кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром часто в столовой мы заставляли приехавших на ночь товарищей. К Ильичу каждый день приезжал специальный человек с материалами, газетами, письмами. Ильич, просмотрев присланное, садился сейчас же писать статью и отправлял с тем же посланным».

ВЫСТУПЛЕНИЕ СЕРЕЖИ КУЗНЕЦОВА НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЛЕТЕ-СТАРТЕ

«ДОРОГАМИ ЛЕНИНСКОЙ МЕЧТЫ»

Тогда мы еще пятиклассниками были. В своей районной газете «Ленинградская здравница» прочли статью «Новые данные о даче «Ваза» и решили все посмотреть своими глазами.

Выезд назначили на первое же воскресенье. До Репина доехали электричкой. От станции отправились на розыски. Прошли мимо знаменитого сквера. (Раньше считалось, что именно здесь находилась историческая дача). Около переезда на пустыре мы увидели колонку артезианского колодца, рядом новый каменный дом. Все совпадало с указанными в статье приметам.

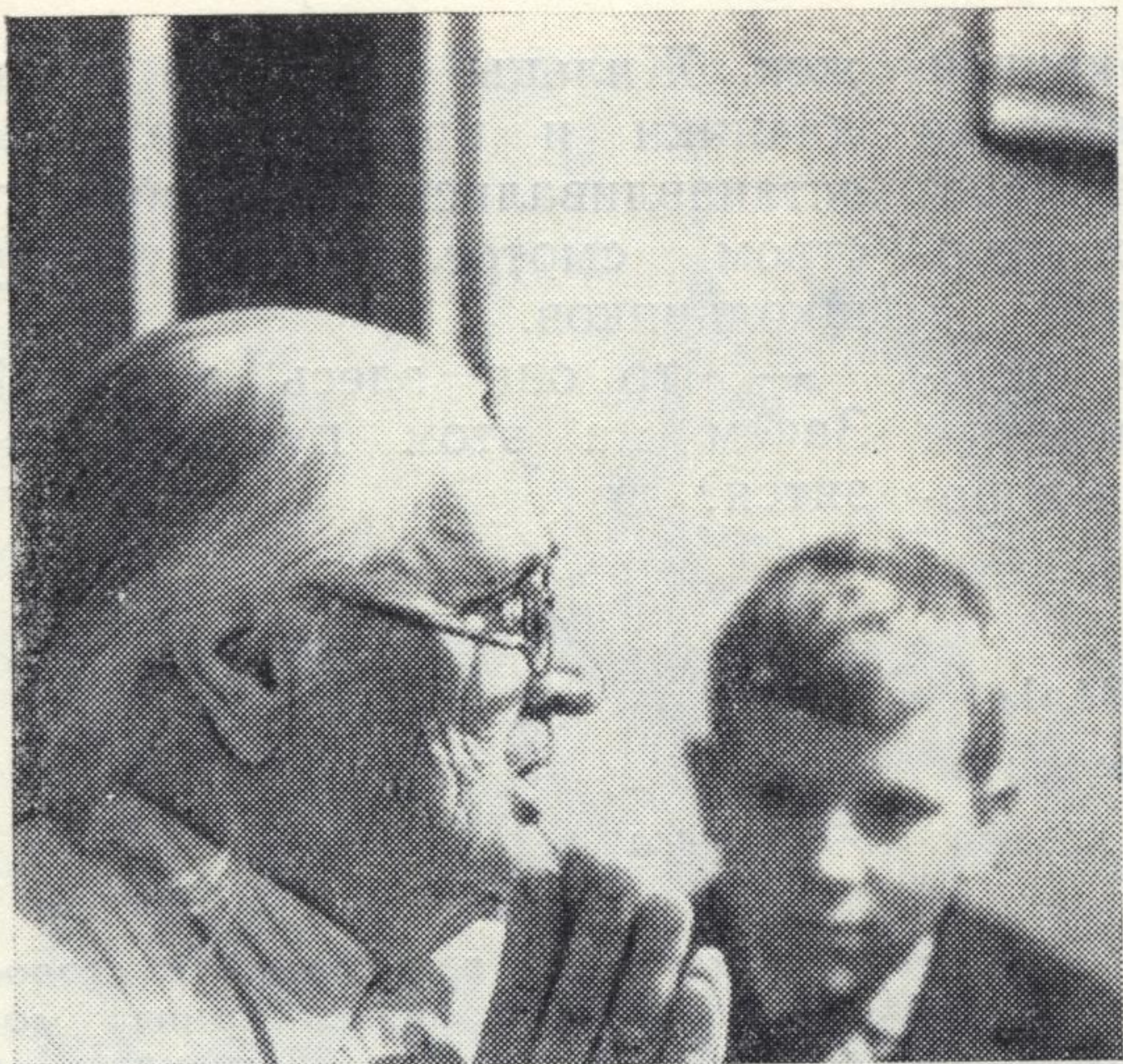
Повсюду мусор, битый кирпич. Часть поляны перекопана под огороды. Конечно, надо привести участок в порядок: очистить от завалов, прорыть канавы, разрыхлить землю, посеять траву и проложить дорожки. Еще подумали, что надо какой-нибудь знак временно установить. Столько людей приезжает в Репино, пусть знают, где была дача «Ваза».

Рассчитывали справиться за два воскресенья, да вот уже третью весну приезжаем сюда с лопатами и граблями, а работы еще надолго хватит. Всесоюзный Ленинский субботник 1969 года мы всем отрядом провели на «нашем» месте, где стояла дача «Ваза».

Тогда, первый раз, возвращались домой лесной дорожкой, по которой любил гулять Владимир Ильич. И как-то само собой получилось, что захотелось все подробнее узнать. Разыскали Анну Романовну Юрченко, побывали у нее в гостях.

Шестьдесят лет назад так выглядел вокзал в Куоккале.

РАССКАЗ

АННЫ РОМАНОВНЫ ЮРЧЕНКО

Владимир Ильич любил расхаживать по комнате, заложив левую руку в карман. По вечерам гулял в лесу, а иногда ходил на станцию. Вечером около девяти шел поезд на Выборг. На последнем вагоне находился почтовый ящик. Владимир Ильич сам опускал туда письма. Иногда встречал Надежду Константиновну, если она поздно возвращалась из Петербурга.

Однажды, когда снег валил хлопьями, Ильич, возвратясь с прогулки, подошел ко мне и спросил: «Анюта, у нас есть какая-нибудь лопата?» Я ему ответила, что есть. «Я пойду дорожку расчищу в саду», — сказал он.

Спорить стала, говорю, что сама все сделаю, а Ильич просит дать лопату: «Я пойду, мне необходимы физические упражнения, а то ведь все время сижу, согнувшись над своими бумагами».

Анна Романовна и есть та самая Анюта, которая жила на даче „Ваза“.

Минут двадцать не приходил, полчаса. Вернулся Ильич очень довольным, пахло от него свежим снегом. Сказал: «Возьмите вашу лопату, я и к колодцу дорожку расчистил».

Анна Романовна дала ребятам московский адрес Ц. Г. Лейтейзен, дочери Г. Д. Лейтейзена, который жил со своей семьей на даче «Ваза» в одно время с В. И. Лениным.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ц. Г. ЛЕЙТЕЙЗЕН

Бревенчатая в снегах дача. Вокруг только редкие деревья и совсем близко — железная дорога: то и дело раздаются гудки. Поезда останавливаются где-то недалеко, у невидимой станции. Название станции и поселка — Куоккала.

Если подняться на крыльцо и войти в дачу, попадешь в маленький коридор. Направо — дверь в комнаты, где живем мы, семья Г. Д. Лейтейзена. Конец коридора упирается в лестницу, которая ведет в мезонин, где поселились Богдановы.

Этот коридор для меня, моей младшей сестры Маруси и для старшего брата Мориса — запретная зона. Мама не позволяет нам здесь шуметь. Иван Иванович работает, говорит она нам. Нельзя ему мешать. Мы играем не в коридоре, а в нашей большой комнате. Но запрет нам в тягость. Дверь Ивана Ивановича притягивает нас как магнит. Иногда нам удается, ускользнув от надзора, открыть дверь и войти. Нам открывается

Лавка „Мадам Наво“ у станции. Под именем мадам Наво знали Руфь Георгиевну Энгестрем Репин и М. Горький.

одна и та же картина: стол, заваленный книгами и бумагами. Иван Иванович сидит за столом и пишет. Обернувшись, он видит непрошенных гостей, улыбается и вступает в беседу. Это именно то, что нам нужно. Но — увы! — появляется мама и уводит нас. Мы очень любили разговаривать с Иваном Ивановичем, и на все годы сохранилось у нас яркое воспоминание о том, как хорошо и весело было с ним. Но в ту памятную зиму мы не знали еще, что у Ивана Ивановича есть и другое имя: Владимир Ильич Ленин.

...Как только мама говорила: «Обед готов, зовите Ивана Ивановича», — мы втроем стремглав мчались к его комнате, и перед самой дверью начинался невообразимый шум.

Эдуард Федорович Энгестрем — хозяин дачи. Именем его родного города в Финляндии — Ваза — был назван загородный дом в Куоккале. Р. Г. Энгестрем — его жена.

Каждый хотел сам постучать. Тогда Иван Иванович — какая уж тут работа! — выходил к нам и, разобравшись, в чем дело, предлагал нам стучать по очереди. Мы сразу успокаивались. Иван Иванович уходил к себе в комнату, один из нас стучал. Иван Иванович выходил на стук, затем снова закрывался, скрывался за дверью. И так три раза. В конце концов, вполне довольные, мы все трое вели Ивана Ивановича к столу.

Жила с нами на даче «Ваза» молодая девушка Анюта. Приехала она в Москву из тульской глухомани, искать заработка. Был канун Московского вооруженного восстания. Случайно Анюта встретила с Е. П. Херсонской, работавшей в

большевистской организации. Екатерина Павловна взяла ее к себе, и Анюта сразу оказалась в гуще революционных событий: охраняла квартиру — склад оружия, выполняла важные поручения.

После подавления восстания Анюта оказалась в Петербурге. Когда на даче «Ваза» понадобился человек, на которого вполне можно было бы положиться, Анюта поехала туда. Она помогала моей матери по хозяйству, ходила на станцию за почтой, убирала снег. Быстрее, чем кто бы то ни был, Анюта узнавала о появлении в Куоккале подозрительных личностей.

По вечерам Анюта усердно распространяла среди нас недавно приобретенные революционные убеж-

дения. Владимир Ильич, проходя мимо нашего дивана, частенько останавливался на несколько минут, прислушивался, посмеивался, называл нашу компанию «Анютиня школа».

Неутомимые следопыты побывали зимой 1967 года в Москве у Дизы Эдуардовны Милановой-Энгестрем, дочери владельца дачи «Ваза». Она стала специалистом по скандинавским языкам, работала в Коминтерне.

Диза Эдуардовна и ее дочь Эльна Эйольфовна передали следопытам документы, фотографии, письмо Чуковского.

ИЗ ПИСЬМА К. И. ЧУКОВСКОГО Д. Э. МИЛАНОВОЙ

Я очень хорошо помню Вашу матушку, «мадам Наво». Она одно время давала уроки английского языка моим детям. Помню хорошо дачу Вазу — против станции, по правую сторону жел. д. полотна (если ехать из Ленинграда). Когда в 1907 или в 1908 г. я приехал в Куоккалу и поселился в Лутахенде, мне говорили шепотом, что на даче Ваза скрывались большевики. Какие большевики, я не знал.

В 1916 г. в октябре Куоккалу посетил Горький. Он сказал мне и художнику Гржебину, сопровождавшему его, что здесь (и он указал по ту сторону рельсов) жил В. И..

Я тогда же подумал, что А. М. имеет в виду «виллу Ваза», так как именно о ней говорили, что там жили большевики. Но жест А. М. был так неопределен и широк, что считать его точным указанием адреса нельзя.

Очень хотелось бы увидеть карточку «мадам Наво»... Как помнится, у дачи были высокие ворота и красивая надпись. «Мадам Наво» не скрывала своих политических симпатий, и в обывательской среде про нее говорили с опаской и неприязнью «эта большевичка» и сторонились ее.

Привет!

К. Чуковский

23 июня 1948

СПРАВКА

Исполком Репинского поселкового Совета депутатов трудящихся сообщает, что ученики 450 школы, в количестве 32 человек, под руководством Гдалиной С. А. проделали большую работу по уборке и очистке территории на бывшем участке дачи «Ваза».

Освободили участок от кирпичей, камней и мелкой поросли. Сделали дорожки. Отработано на благоустройстве участка 1150 часов.

Председатель Исполкома Репинского поселкового Совета
Саранова О. А.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ТАСС

«Мемориальное здание библиотеки решено построить в поселке Репино под Ленинградом на месте дачи «Ваза», где в 1906—1907 годах жил и работал В. И. Ленин.

В сосновом бору на месте дачи поднимется современное здание с конференц-залом на 150 человек, с обширной экспозицией, в которой будут собраны материалы о пребывании здесь Ленина и его соратников. В двухъярусном книгохранилище разместится пятьдесят тысяч томов».

Здесь к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина откроют мемориальную библиотеку.

Текст и фотографии Г. Усыскина

В СТАРОМ СУНДУКЕ

СКАЗКА

Сергей Воронин

Гравюры В. Бендингера

На чердаке одного старого дома стоял в углу большой открытый сундук. Когда-то давно-давно в него свалили разный хлам и забыли. А среди хлама — изношенных галош, разорванных, без начала и конца книг, изъеденного молью тряпья и другой никому не нужной рухляди, находились и игрушки. С отломанной ногой солдат, безухий медведь, слон с оторванным хоботом и растрепанная, в изорванном платье кукла. Им всем давно уже надоело томиться в сундуке, и давно бы они выбрались, если бы кто-нибудь из них мог встать у стенки сундука, чтобы остальные друг за другом, по очереди забрались к нему на плечи и перелезли через стенку. Но такого самоотверженного среди них не было, и поэтому они до сих пор находились в старом сундуке.

— Господи, ну какие вы все нехорошие, — говорила кукла. — Ну, послушайте, слон, помогите нам. У вас же нет хобота, а что вы будете делать без хобота, если даже и выберетесь из сундука?

— Э, мне бы только выбраться, — отвечал слон. — А там бы я сразу нашел свой хобот. Я знаю, где он валяется. На заднем дворе. И как только я нашел бы свой хобот, так сразу же убежал бы в Африку. Нет, я не могу вам по-

мочь. Вот если бы нас выручил медведь, то я бы ему сказал спасибо.

— Еще чего захотел, — заворчал медведь. — Какой хитрый. Да мне дай только выбраться из этого дурацкого сундука, как я сразу же такого задам стрекача, что только вы меня и видели. Нет, если уж кто должен нас выручить, так это солдат! Ноги у него нет, а без ноги какой он солдат?

— Правильно! — гудел слон.

— Очень правильно! Очень! — кричала кукла. — Без ноги ему никуда не уйти.

— Это вам только кажется, — отвечал солдат. — Как только я выберусь отсюда, так сразу же найду палку. Сделаю из нее костыль и опять пойду воевать. Нет, если уж кому оставаться в сундуке, так это кукле. Растрепанная, в рваном платье, да ее сразу же потащат в баню, а там она размокнет. Так уж лучше ей оставаться в сундуке, чем стать мокрой тряпкой.

— Правильно, — гудел слон.

— Веррно... Верррно, — ворчал медведь.

— И ничего не верно! — кричала кукла. — Подумаешь, растрепанная. Я найду в парикмахерскую, и там меня причешут. А портной сошьет платье, и я такая стану красивая, что

вы даже меня не узнаете. Нет, если уж кому здесь оставаться, так это слону!

— Точно! — кричал солдат.

— Веррно... веррно, — ворчал медведь.

Но, как мы уже знаем, слон тоже не согласился пожертвовать собой, чтобы выручить других, и все начиналось сначала. И этому не было конца.

Так продолжалось долго. Очень долго. И кто знает, может, они никогда бы и не выбрались из сундука, если бы однажды солдат не посмотрел на куклу и не заметил того, чего не замечал раньше. Оказывается, у куклы были живые глаза. Да-да, они могли закрываться и открываться. И когда закрывались, то на щеки ложились длинные черные ресницы, а когда открывались, то в сундуке сразу становилось светлее.

— Какие у вас красивые глаза! — воскликнул солдат. — Разрешите на них еще раз посмотреть.

— Смотрите, мне не жалко, — ответила кукла.

— Удивительные глаза! — в восхищении сказал солдат. — Как это я их раньше не замечал? Это, наверно, потому, что я все время думал, как бы выбраться из сундука и глядел вверх и не обращал на вас внимания.

— Я вас тоже не замечала, — сказала кукла, — а теперь очень-очень рада вас видеть!

С этого дня жизнь для них в старом сундуке стала не такой уж печальной, какой была раньше. Они сидели рядышком и глядели

друг другу в глаза. И обоим было хорошо. Зато медведю и слону стало еще хуже, они даже смотреть не могли на эту пару.

— Они устроились не худо, — гудел слон.

— А нам скверно, — ворчал медведь.

— Уныло, уныло нам, — стонал слон.

— Они совсем перестали думать, как бы выбраться отсюда, — ворчал медведь. — Они нас пррредали!

— Убить! Убить надо их за это! — загудел слон.

— Веррно, веррно! — заворчал медведь.

И они кинулись к солдату и кукле.

— Стойте! — крикнул им солдат. — Если вы нас убьете, то никогда уже не выберетесь отсюда. Я становлюсь к стене!

И солдат встал к стенке сундука. И тогда медведь и слон, толкая друг друга, бросились к нему. И стали драться, кому первому влезть на плечи солдату.

— Не ссорьтесь, — сказал им солдат. — Вы оба уйдете. Полезай первым, медведь!

Медведь влез ему на плечи, дотянулся до края сундука и перевалился на другую сторону. За ним полез слон и тоже выбрался.

— Спасибо! — крикнули медведь и слон. И было слышно, как они улепетывали с чердака со всех ног.

— Ну, что ж, может, и ты хочешь выбраться? — сказал солдат кукле. — Иди. Я тебе помогу.

— Нет-нет! — крикнула кукла. — Ведь я же тебя люблю. А когда любят, не бросают друг друга в беде.

— Верно! — крикнул солдат. — А коли верно, то становись мне на плечи. И когда дотянешься до края сундука, то протянешь мне руку, и я тоже выберусь.

— Правильно! — обрадовалась кукла. — Но почему же мы раньше не догадались так сделать?

— Потому что не верили друг другу. А теперь я верю тебе!

— А я тебе!

И кукла встала солдату на плечо, дотянулась до края сундука, влезла туда, а потом протянула ему руку. И солдат оказался рядом с ней. И они вместе прыгнули вниз.

— Уррра! — крикнул солдат. — Мы на свободе!

И хотя у него была только одна нога, но от радости он так быстро поскакал, что кукла еле успевала бежать за ним. Но она не боялась отстать, потому что они держались за руки.

ТАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР

И. Войтенко

Рисунок В. Свешникова

ТАХОМСКАЯ КАТАСТРОФА

Полицейский № 13881 только что заступил на смену. Положив руку на дубинку, он спокойно вышагивал по обочине шоссе. Мимо в двух направлениях летели машины, нежно припекало утреннее солнце. Ничто не предвещало неприятностей...

А через пять минут он уже кричал в телефонную трубку:

— Господин комиссар! Санитарную машину за мной скорее!

— Что стряслось, Джек?

— Я ничего не соображаю, господин комиссар, ничего. Мне

кажется, я схожу с ума... Мост стал закручиваться!

— У тебя в башке мозги закручиваются, — оборвал полицейского комиссар, но бросил в микрофон: — Патрульную машину к Тахомскому мосту!

Полицейскому не привиделось. Он это понял, когда совсем рядом взвизгнул тормозами черный «форд». Шофер высунул голову из кабины, взглянул на мост и застыл с раскрытым ртом.

А с мостом творилось неладное. Его центральный пролет длиной в восемьсот метров

кренился сначала влево, потом медленно вправо, потом опять влево, точно палуба огромного корабля в качку.

Когда патрульная машина прибыла, найти полицейского № 13881 было уже невозможно. На глазах у огромной толпы пролет ходил ходуном, сбрасывал в воду покинутые автомобили.

Через несколько часов стальные фермы хрустнули, и гордость американских инженеров — новенький Тахомский мост — с огромной высоты рухнул в воду...

КТО ВИНОВЕН?

Сразу же после Тахомской катастрофы на место происшествия съехались технические эксперты.

Долгое время они проверяли чертежи и расчеты, качество металлоконструкций, бетона и строительных работ...

Вывод комиссии был неожиданным:

— Тахомский мост разрушен ветром!

СИЛЬНЕЕ УРАГАНА

Заключение экспертов опубликовали газеты. В редакции тотчас посыпались письма возмущенных читателей. Все они сводились к одному: эксперты — шарлатаны, даром едят свой хлеб, ведь в день катастрофы ветер едва шевелил листья деревьев. Где уж ему было разрушить Тахомский мост!

Однако заключение экспертов абсолютно точно.

Мосты колеблются незаметно для человеческого глаза, но постоянно. Для каждого из них число колебаний строго определено. Оно зависит от габаритов сооружения, его конструкции, местности...

Когда солдаты вступают на мост, они сбивают ногу, обязательно, — если частота их шагов совпадет с частотой колебаний моста, мост, как вам известно, может рухнуть.

Но в Тахомской катастрофе солдаты ни при чем. Их роль сыграл слабый ветерок. Огибая мост, он образовывал небольшие вихри. Частота их совпала с частотой колебаний мо-

ста и раскачала сооружение, как качели.

Инженеры ожидали чего угодно, но только не этого. Тахомский мост был рассчитан с большим запасом прочности. Он мог выдержать ураганный ветер. А развалился в чудесный тихий день.

По этой же причине неожиданно падают высокие заводские трубы, столбы высоковольтных передач, лопаются подвесные нефте- и газопроводы.

Так что слабый ветерок порой бывает гораздо сильнее урагана.

Вопрос кандидату технических наук, руководителю лаборатории аэродинамики института механики МГУ Самуилу Марковичу Горлину:

— Самуил Маркович, выходит, что любое большое сооружение в один прекрасный момент может развалиться?

— Ну, что вы! Тахомская история в памяти у всех инженеров. Повторение таких оши-

бок — просто преступление. Сейчас ни одно значительное сооружение не возводится без предварительных испытаний его точной модели в потоке воздуха, в аэродинамической трубе. В нашей лаборатории мы создаем искусственный ветер и изучаем все факторы его действия, скажем, на мост или на высотный дом.

Останкинская телевизионная башня — самое высокое сооружение в мире. Красный флаг на ее макушке полощется на высоте в полкилометра. Башня постоянно совершает колебания. Верхняя часть ее отклоняется от вертикальной оси на несколько метров! Много месяцев продували макет башни в трубе, пока не вывели нужных формул для расчетов. Зато стоять она будет вечно!

Откуда-то снизу здания стал пробиваться все возрастающий шум.

— О-о, — поднялся Горлин, прислушиваясь, — Галина Аверкиевна «в трубе». Идите-ка лучше к ней.

НОРИЛЬСК В МОСКВЕ

Гигантская серебристая труба, разделенная на две половины, занимает почти всю длину огромного зала со стеклянной стеной.

В рабочей камере на большом деревянном круге установлен макет целого города. Я сразу узнал Норильск. Как-никак, жил там. Вот прямой стрелой протянулась улица Ленина. Вот круглая Гвардейская площадь, чуть левее — плава-

тельный бассейн и Дворец культуры... Норильск — самый северный город за Полярным кругом. О нем верно говорят: здесь двенадцать месяцев зима, остальное — лето. 150 дней в году дуют сильнейшие ветры. А когда с Ледовитого океана несется пурга, ветер срывает с крыш листы кровельного железа, переворачивает автобусы.

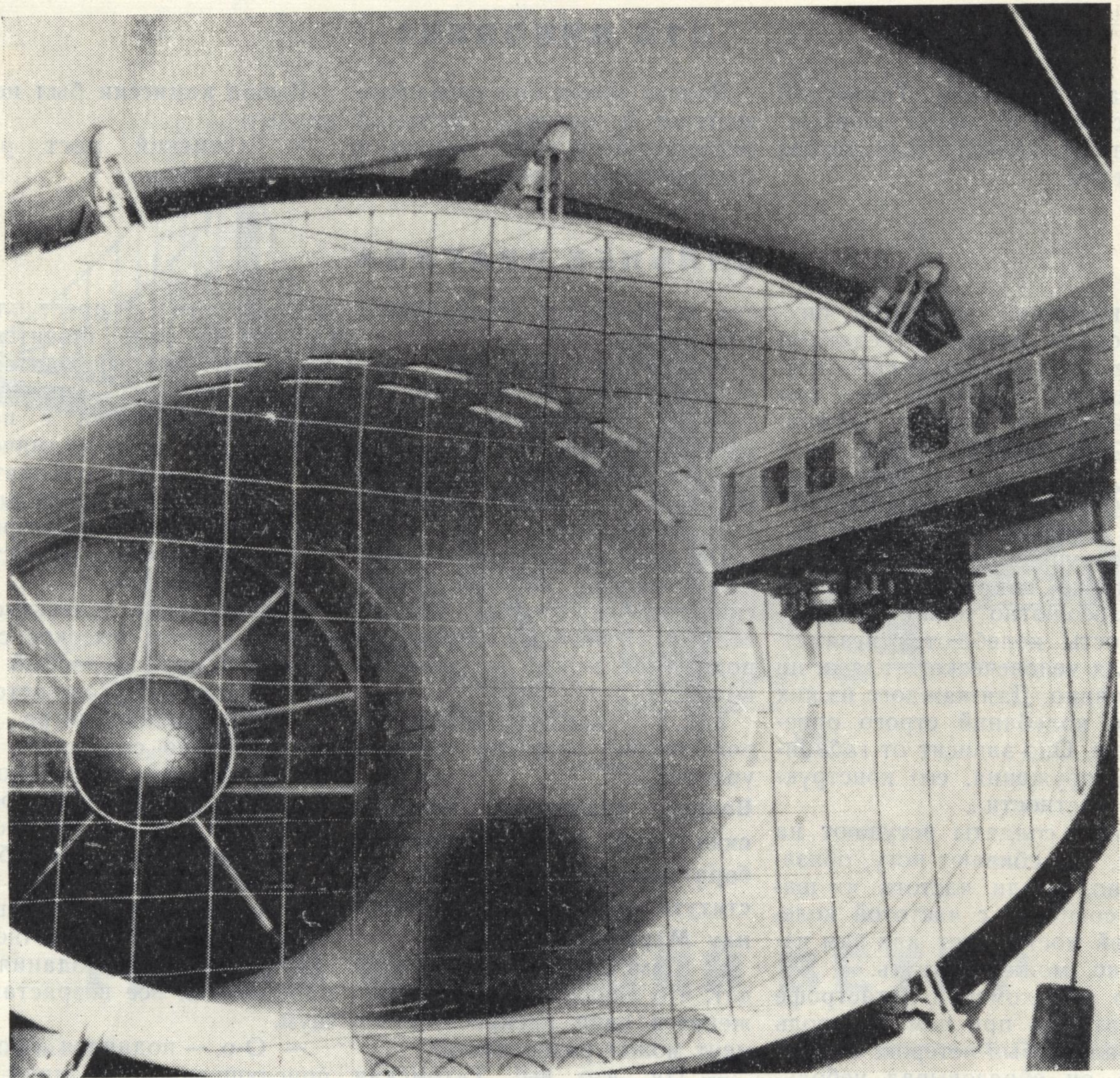
— Хотите побывать в Норильске? — спросила Галина

Аверкиевна Романенко. — Прямо сейчас!

Еще бы не хотеть, но я указал на табличку «В рабочую зону не входить».

— Ничего, легче будет понять, как и для чего мы испытываем город.

Мне застегнули пиджак на все пуговицы. Две толстые веревки обвилились вокруг пояса. Я вошел в зону макета, как Гулливер в город лилипутов.

Аэродинамическая труба. Видны пропеллер и предохранительная сетка. Справа макет железнодорожного вагона; сейчас его будут «продувать»

Два человека страховали меня, держа веревки.

— Слава! Дай поток! — раздался через усилитель голос Галины Аверкиевны.

Справа от меня, в глубине трубы за металлической предохранительной сеткой тронулся с места многометровый пропеллер. Легкий ветерок ударил в лицо. Пропеллер набирал обороты, и поток воздуха становился более упругим...

Через минуту я еле стоял на ногах. Ветер вышибал из глаз

слезы. Точь-в-точь как зимой в Норильске. Там иногда вдоль улиц протягивают канаты, чтобы держаться за них. Как-то я пренебрег этим правилом и чуть не поплатился: пришлось удирать по ветру от неизвестно откуда взявшейся бочки. Она гналась за мной по пятам метров триста, — хорошо, что врезалась по пути в столб и развалилась!

Но сейчас бочки нет. И меня надежно держат веревки. По старой северной привычке я

наклоняюсь вперед всем туловищем. На голове у меня специальные шумопоглощающие наушники, но грохот такой, словно рядом десяток многомоторных самолетов прогревает двигатели.

Страховочные веревки выдернули меня из рабочей зоны трубы.

— Как впечатления? — спрашивает Галина Аверкиевна.

— Взаправдашний Норильск, — отвечаю я, потирая ушибленную ногу. — Только, —

показываю на макет, — вот этих больших зданий по краям города нет. Здесь на самом деле трехметровые заборы из досок.

— Правильно, — кивнула головой Галина Аверкиевна. — Но вы же знаете, что защитные заборы мало помогают. А в ураган они просто разваливаются. И вот архитекторы предложили: давайте защитим город от ветра и снега жилыми домами с утолщенными стенами и небьющимися стеклами. Видите, на макете такие дома окружили весь Норильск. Они, как надежная броня, принимают на себя удар ветра.

Аэродинамическая труба ревела и обрушивала на город свою мощь. На пульте управления стрелка показывала, что скорость ветра 50 метров в секунду. Ураган!

— А в нашем защищенном Норильске теперь даже и в такой ветер можно ходить. Правда, с трудом! — говорит Галина Аверкиевна.

— Откуда вы знаете?

— Приборы показывают. Обратили внимание на эти крохотные латунные цилиндрики, разбросанные по всему городу? Каждый из них связан с манометром. Сейчас на улице Ленина ветер всего 18 метров в секунду. На Комсомольской — 16, а вот в восемнадцатом квартале — 25. Много. Придется вон тот дом переместить ближе.

Галина Аверкиевна что-то сказала в микрофон и продолжила:

— Теперь посмотрим, как эти здания защищают город от снега.

Откуда-то из-под трубы вы-

рвался густой поток белого дыма. Мощной струей он ударился в передние дома, разбился на десятки потоков и понесся по улицам Норильска. Некоторые потоки неслись над крышами зданий и прижимались к земле далеко за пределами города, другие обрушивались на дома где-то в центре, третьи — образовывали море вихрей и вращались бешеным волчком у края города.

— Дым очень точно имитирует снежные потоки, — поясняет Галина Аверкиевна. — Сейчас хорошо видно, что при таком расположении защитных зданий заносы будут в центре Норильска и особенно в районе тепличного комбината. А нам нужно добиться, чтобы заносов было как можно меньше по всей территории города. Придется перестраивать макет.

ВЕТЕР В УПРЯЖКЕ

Галина Аверкиевна показывает мне стеллаж, уставленный передними частями тепловозов. Форма их самая разнообразная: сфера, цилиндр, акуля морда, утюг, нос корабля...

— Это все этапы создания «Русской тройки», — объясняет Галина Аверкиевна. — Инженеры создали отличный дизельный двигатель для нового сверхскоростного поезда, но на испытаниях выяснилось, что

при скорости 200 километров в час семьдесят процентов его мощности расходовалось впустую, на преодоление сопротивления воздуха. Непозволительная роскошь! Мы продули в трубе десятки различных по форме поездов, пока не остановились на этом. Видите, все его вагоны гладкие. Ни одной выступающей части. Даже обычные поручни пришлось спрятать в тело состава. Зато его сопротивление в три раза меньше

других моделей. Поезд будет пронзать воздух подобно летящей стреле.

На стеллажах лаборатории, как в музее, модели самолетов, автобусы, опоры высоковольтных передач, радиолокаторы, велосипеды — все, что испытывалось в трубе.

На шоссе уже можно увидеть изящную новую «Волгу». Окончательные очертания она приняла тоже здесь, где запрягли ветер в упряжку.

Однажды мне случилось, как говорится, быть на волосок от смерти.

Давно это было. Полвека тому назад. В Эстонии шла гражданская война — буржуазия пыталась захватить власть в свои руки. И захватила — с помощью иностранных интервентов и капиталистов, которые щедро снабжали белогвардейцев оружием, обмундированием, деньгами и всем необходимым. У рабочего класса тогда было мало сил. Надо было воевать, а патронов и оружия не хватало, не хватало и солдат. Вот поэтому буржуазии и удалось задушить в Эстонии советскую власть, — к счастью, не навечно...

Несмотря на тяжелые поражения, лучшие сыновья нашего народа, коммунисты, не прекращали борьбы. Они вынуждены были действовать в глубоком подполье. Ловко скрываясь от сыщиков и полицейских, они организовывали забастовки, распространяли революционную литературу, листовки, журналы. Действовало несколько тайных типографий.

С одной из таких типографий и связана моя история.

Сколько мне тогда было лет? Ну, не больше шестнадцати. К нам домой, на фабричную улицу, часто приходили подпольщики. Отец у меня давно умер, и мы жили с матерью вдвоем. Мать работала на фабрике «Ситец», а я — посыльным мальчиком в «Крулли». Иногда мне приходилось выполнять поручения подпольщиков: относить письма, провожать кого-нибудь в другую квартиру, приносить из магазина табак или продукты.

Правда, все это были пустячные дела. Для шестнадцатилетнего парня, полного сил и энергии, они не составляли никакого труда. А мне хотелось чего-то настоящего!

Вот тогда-то и случилась эта история с типографской краской.

Помню, как-то вечером, в середине октября, к нам пришел один из подпольщиков, которого все называли Дедом. Он не был еще стар, но носил седую длинную бороду, отчего, видимо, и получил такое прозвище. Дед любил рассказывать всякие истории. Вечерами, бывало, начнет вспоминать разные случаи из своей жизни, как ловко они с товарищами водили за нос царских жандармов или как он бежал из сибирской ссылки, — я мог слушать его бесконечно, затаив дыхание. Рассказывая, он все время смешно двигал густыми черными бровями, и следить за этим, помню,

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

РАССКАЗ СТАРОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Ральф Парве

Рисунки С. Острова

мне было так же интересно, как и слушать его рассказы.

Так вот, однажды вечером к нам пришел Дед и поспешно прошел в крайнюю комнату. Там его ждали двое наших людей. Они о чем-то долго вполголоса совещались, но я толком не мог разобрать, в чем дело, а только понял, что произошла какая-то неприятность.

Через некоторое время скрипнула дверь, и Дед вышел в переднюю. Будто что-то обдумывая, он долго разглядывал меня и наконец произнес:

— Ну, малыш, здравствуй!

Такое обращение мне не очень-то нравилось. Судите сами — тебе шестнадцать лет и ты считаешь себя почти взрослым мужчиной, а тебя всё еще называют «малышом».

Наверно, моя обида отразилась на лице, потому что Дед вдруг добродушно улыбнулся, пошевелил бровями и ласково потрепал мои волосы.

— Слушай, Каалу, — сказал он, — есть для тебя одно задание. Только не знаю, справишься ли?

«Опять передать письмо или что-нибудь подобное», — подумал я и ответил безразлично:

— Ладно, постараюсь!

Тут Дед посерьезнел и сказал:

— На сей раз дело не шуточное, да еще и опасное. Можешь нарваться на сыщиков. То-то и оно.

— Ерунда, — продолжал я в прежнем тоне.

Но Дед осадил меня почти сердито:

— Тут партийное дело, понимаешь. С таким не шутят.

Потом он коротко мне все рассказал. Оказывается, охранке стало известно об одной тайной типографии в Лиллекюла. Каждую минуту туда может нагрянуть обыск... Правда, типографию удалось спрятать — полиция осталась

с носом. Но какие-нибудь следы могли остаться. На всякий случай надо проверить. Сегодня утром на улице были схвачены и арестованы две женщины из этого дома. Они, конечно, никого не выдадут, за это можно ручаться. А вот если при обыске что-нибудь обнаружится, им не поздоровится. Надо позаботиться, чтобы против этих двух женщин не было улики. Дом со всех сторон окружен.

— Может, тебе удастся проскочить мимо сыщиков, — продолжал Дед. — Ясно?

— Ясно!..

Почти бегом я бросился в сторону Лиллекюла.

Я был почти уверен, что дом стерегут. Не дураки же эти сыщики. Наверное, притаились где-нибудь поблизости и следят за каждым входящим и выходящим.

Ну, а я тоже кое-что соображал. К дому подошел с заднего двора, перемахнул через дощатый забор, пробрался по саду и через подвальное окно юркнул в дом.

Я принялся осматривать помещение, но не заметил ничего подозрительного. Обшарил всю квартиру и весь двор. Не нашлось ничего, что могло бы выдать... Ага, наконец-то! В углу прихожей виднелись следы свежей типографской краски. Я тут же достал свой носовой платок и стер их как следует, затем тщательно осмотрел еще раз каждый уголок, но ничего больше не осталось.

Потом я снова спустился в подвал и через окно перелез во двор, прополз в соседний сад, легонько вскочил на забор и прыгнул на тротуар.

...Предо мной, будто из-под земли, выросли двое мужчин. Один из них, здоровенный и толстый детина, был в солдатской шинели, другой — помоложе — тощий прыщеватый человечек, словом, заморыш. Этот был в гражданском пальто. Такая пара, что со смеху можно умереть. В другое время я бы, конечно, прыснул, но сейчас было не до смеха.

Толстый подошел ко мне вплотную и, выпятив грудь, гаркнул хриплым голосом:

— Ха-ха! Молодой человек, привет!

— Привет, привет! — ответил я как можно безразличнее.

— Лазаешь, значит, да? — прогнусавил тощий, лязгая зубами от холода. «Должно быть, давно поджидают», — подумал я про себя и сказал:

— Лазаю. А что?

— Что ты тут делаешь? — потряс меня толстяк за плечо. — Где был? Ну?

— Это уж моя забота, где я был!

— Сознаться, — завизжал тощий. — В типографии был?

— В какой типографии?

— Не валяй дурака!

Чтоб согреться, тощий стал топтаться на месте, переминаясь с ноги на ногу, видно, он совсем продрог. А тот, что постарше, схватил меня за локоть и сказал:

— Ну, идем!

— Куда идем? — спрашиваю я, стараясь вырваться.

— Туда, где твое место!

И он крепко ухватился за мою руку. Его пальцы больно вонзились в тело. О бегстве нечего было и думать. Куда бежать, когда тебя держат двое! А за углом у них, может, припрятан еще целый полк солдат.

— Ну что ж, пошли! — сказал я беззаботно и сплюнул сквозь зубы. Очень ловко получилось — плевок попал прямо на сапог толстяка.

— Ах, вот ты как, плевать! — И он сильно стукнул меня по спине.

— Не дерись!.. Я случайно, — закричал я. — Прошу прощения!

Сыщик слегка разжал свои пальцы и стал рассматривать свой сапог. Потом он принялся его вытирать носком другого сапога.

Тут я вывернулся и что есть духу пустился бежать. Откуда во мне такая прыть взялась, до сих пор удивляюсь.

— Стой! Стой! Держите его! — закричали сыщики и погнались за мной.

Улица была совсем пустынна. Куда бежать? За следующим углом наверняка стоят солдаты.

Попаду к ним прямо в лапы, думаю. Нет, лучше

спрятаться в каком-нибудь дворе, а там — поминай как звали.

Я оглянулся. Мои преследователи были еще довольно далеко. Успею! Больше вы меня не увидите! Я шмыгнул в первый попавшийся двор.

Но тут... да, тут я заметил, что какой-то человек скрылся в тени сарая. Я узнал его. Это был Дед! Как ножом полоснула мысль: назад, назад отсюда! Пусть лучше меня схватят!

Я бросился снова на улицу. Но, увы! Меня настигли. Я метнулся из калитки и тут же полетел носом в землю, один из сыщиков подставил мне ножку.

Сильная рука схватила меня за шиворот и поставила на ноги.

— Удрать хотел, а? — раздался скрипучий голос. Сыщик угостил меня крепким подзатыльником. — Никуда ты не уйдешь, щенок! Получишь все, что заработал.

Я совсем запыхался от бега и был зол на них, как дьявол.

— Мы еще с тобой расквитаемся! — кричал я, задыхаясь от гнева. — Так и знай!

Сыщики дали мне еще пару пинков и погнали к поселку. Толстяк крепко держал меня за воротник, а тощий тянул за рукав.

— Все равно удеру, — сказал я твердо.

— Хи-хи-хи, — хихикнул тощий. — Никуда ты не уйдешь. Завтра же богу душу отдашь, понюхаешь английского свинца! Мы тебя ухлопаем, как собаку!

— Тебя самого ухлопают, — огрызнулся я.

Мы свернули за угол. Там стояла машина. Я рванул было вперед, но толстяк удержал меня и сказал с желчной улыбкой:

— Не утруждайте себя, молодой человек. Будьте любезны в автомобиль.

Шофер открыл дверцу, и меня втокнули в машину, в американский «форд» старой марки. Она долго тахтела, пока наконец шоферу удалось ее завести.

Тогда я впервые в жизни ехал на машине. Ну и трясло же нас!

Однако наше путешествие очень быстро кончилось. Мы остановились в центре города, у большого каменного здания. В сопровождении двух сыщиков я вошел в дом. Они повели меня по бесконечным темным лестницам и переходам. Нам все время встречались люди, одетые в блестящие мундиры. В руках они несли папки, портфели, бумаги... Впрочем, все это не существенно.

Меня привели в большую сумрачную комнату, единственной обстановкой которой был простой канцелярский стол и пара стульев.

— Ты следи за ним, — бросил толстяк своему младшему собрату. — Я пойду доложу.

Мы остались вдвоем с этим прыщавым.

— Садись! — он указал ногой на стул.

Я сел. Конвоир прохаживался по комнате, заложив руки за спину. Я молча следил за ним. Он заметно нервничал. Боится, сатана! Должно быть, боится, что я свалю его и удеру!.. А бежать совершенно некуда, незнакомый дом, можно заблудиться и попасть в лапы жандармов. Поэтому я сидел спокойно. Не дурак же я, в конце концов.

Вскоре толстяк вернулся. Мы снова поплелись по лестницам и коридорам. Наконец остановились у массивных, обитых черной кожей дверей.

Толстяк робко постучал и, когда дверь открылась, втокнул меня через порог. Сам он вошел вслед за мной, кашлянул и сказал неожиданно тихим и угодливым голосом:

— Господин офицер, мы его привели.

Из-за большого стола, заваленного бумагами и толстыми книгами, поднялся высокий красивый офицер в английском мундире, посмотрел на меня исподлобья

и протянул: «Ага-а!» Затем красивый офицер отпустил моих конвоиров. Мы остались с ним вдвоем.

— Садитесь, прошу вас!

Он указал на стул напротив себя. Я сел. Офицер тоже сел и принялся перелистывать какие-то бумаги. Я стал внимательно его разглядывать. Черт подери, подумал я, какой красивый парень. Густые блестящие черные волосы были гладко причесаны, широкие дугобразные брови, маленький аккуратный нос, щеки розовые, словно яблоки.

— Нет, ничего...

— Так, прекрасно... Теперь, пожалуйста, ваше имя?

— Каалу... Карел Ваннас...

Казалось, я имею дело с умным человеком. Расспросит все и, наверно, отпустит, подумал я с облегчением.

Между тем, офицер продолжал допрос: сколько мне лет, где живу, где работаю... Я на все вопросы давал вежливые ответы, которые офицер аккуратно записывал в листок. Потом спросил:

Офицер взглянул на меня, и я увидел его ласковые улыбающиеся карие глаза. Он и на самом деле улыбался. Губы раскрылись, показались белоснежные зубы. Я с интересом рассматривал его.

— Ага-а! — сказал наконец офицер, разрешив мне вдоволь на себя налюбоваться. — Приступим к делу. Прежде всего выложите на стол все, что у вас в кармане.

В кармане у меня ничего не было, кроме носового платка. Я положил его на стол.

— Вот все, что у меня есть.

— Ага-а! — повторил офицер, взял носовой платок и переложил его на какие-то бумаги, лежащие справа от него.

— Больше ничего нет? — поинтересовался он.

— Ну, так что вы натворили?

— Ничего, — сказал я, невинно смотря ему в глаза. — Я ни в чем не виноват...

— А все-таки за что же вас взяли?

— Просто так, потехи ради... Эти двое, — я кивнул головой в сторону двери, — ни с того ни с сего напали на меня...

— Ну и ну!

Тут красивый офицер резко поднял голову. Его карие глаза зло блеснули, но всего лишь на мгновение.

— Послушайте, молодой человек, — сказал он снова любезно, — я дам вам хороший совет: расскажите все честно, как было, это облегчит вашу участь.

— Мне нечего рассказывать, я ни в чем не виноват, — повторил я упрямо. И действительно, в чем я,

в конце концов, был виноват? Подумаешь, перелез через забор и наткнулся на двух сыщиков. Чепуха какая!

Однако, как видно, офицер был иного мнения.

— Ваша вина доказана, — сказал он спокойно, раскатывая между пальцами толстый карандаш, — отпираться бессмысленно!

— А мне нечего скрывать! — промолвил я тихо. «Черт знает этих сыщиков, вдруг им действительно все известно? Ну, нет! Ничего ему не скажу! Буду молчать», — твердо решил я про себя.

Лицо красивого офицера стало совершенно непроницаемым. Некоторое время он сидел молча и вертел между пальцами карандаш, затем поставил его на стол, словно свечку, и стал рассматривать. Вдруг ловким движением схватил карандаш и наклонился ко мне через стол.

— Выпороть тебя надо, щенок, — неожиданно прохрипел он, медленно поднимаясь на локтях. — Видно родители тебя в свое время не били. Ну, ничего, мы это можем исправить!

Он с грохотом отодвинул стул, встал и подошел ко мне с побагровевшим от ярости лицом. Прежнего красавца как не бывало. Он погрозил кулаком.

— Ну-ка, рассказывай, зачем ходил в этот дом. Только не ври, а то получишь!

Я медленно встал и сказал:

— Попробуй, тронь! Получишь сдачи.

Не успел я опомниться, как лежал ничком на полу. В подбородке резкая боль, в ушах шумит. В конце концов я снова пришел в себя, поднялся и стал озираться, чем бы стукнуть. Ага! Я вскочил на ноги и, схватив стул, на котором только что сидел, так саданул им офицера, что он отлетел на добрых три метра.

— Ах, вот ты как! Стулом...

— Да, стулом! — ответил я спокойно, поднял стул и сел на него верхом. — Еще полезешь — еще получишь!

Теперь красивый офицер совсем взбесился. Он свирепо прорычал:

— Я выколочу из тебя спесь. Изобью до смерти! Красная сволочь!

Он схватил со стола мраморное пресс-папье и снова стал приближаться ко мне.

Тут вдруг открылась дверь, и он опустил руку.

В комнату вкатился толстенький кругленький человек на коротких ногах, в жандармском мундире.

— Ну-ну! Что тут делается? Разве так можно!

— Этот щенок ударил меня стулом! — отдуваясь, красавец бросил пресс-папье на стол.

— Он первый начал... — вставил я, поглаживая свою разбитую челюсть. Взял стул и поставил его на прежнее место.

— Ну и ну! — Толстый жандарм подошел поближе, посмотрел сначала на офицера, потом на меня.

— А в чем, собственно, дело? — спросил он наконец. — Присаживайтесь, так сказать, молодой человек.

Я сел. Себе он тоже принес стул, уселся напротив меня и бесцеремонно начал меня разглядывать. Я тоже стал смотреть на него. Это был совсем плешивый человек, с маленькими поросычьими глазами, вздернутым носом и надутыми губами. Настоящий коротышка.

Офицер по-прежнему стоял. Коротышка вдруг зачмокал губами и обратился к офицеру.

— Скрывает, так сказать?... Не сознается?

— Не сознается, дьявол!

— Вот как! Ну, ничего, ничего!

Он дружески положил свою руку на мое колено.

— Не стоит упрямяться, молодой человек... Нам все

известно... Видишь, тебя мы тоже поймали... Совсем, так сказать, не случайно! Один из ваших людей все уже рассказал. Так что скрывать нечего... Можешь только навредить себе... Расскажи все как было, и мы, так сказать, отпустим тебя сразу домой...

Я молчал. Мой противник повторил снова:

— Мы все уже знаем... Ваш человек, так сказать, во всем сознался.

Я продолжал молчать. А в голове лихорадочно сверлила мысль: кто предал? Кто предал?..

— Думай, думай, так сказать, обмозгуй все хорошенько! — Коротышка милостиво мне кивнул, затем достал из кармана пачку толстых английских сигарет и закурил.

Я вдохнул сладковатый запах табака, и у меня слегка закружилась голова. «Кто же предал? — думал я. — А вдруг Дед? Что он делал там за сараем? Может, заманивал меня в ловушку? Ну, нет! Такая подлость не вяжется с ним, совсем не вяжется. Он такой необыкновенный, такой добрый... Нет, нет. А что, если все-таки?..»

Толстый господин медленно выпускал кольца дыма и смотрел на меня ободряюще, улыбаясь всем своим лоснящимся от самодовольства лицом. Тут внутри меня будто что-то перевернулось. Дружески мягкая улыбка жандарма показалась мне вдруг гадливой и отталкивающей. Во мне стала нарастать какая-то дикая ненависть, какая-то вражда к этому самодовольному человеку.

Я резко тряхнул головой и откинулся на спинку стула.

— Мне больше нечего говорить. Идите вы все к черту!

Коротышка молча уставился на меня. Он снова затянулся сигаретой, которая совсем уже было потухла, потом с неожиданным для него проворством поднялся и обратился к офицеру:

— Вещественные доказательства, так сказать, имеются?

— Есть один-единственный носовой платок! — Офицер кивнул на стол.

— Носовой платок... Вот как! Покажите-ка мне его. Он схватил мой носовой платок и долго его разглядывал.

— Смотрите! — крикнул он вдруг. — Это что за черные пятна? — Коротышка сунул платок прямо к моему лицу.

— Не знаю... Ах, да. Я чистил им сапоги...

Он бросил взгляд на мои сапоги, давно не видавшие сапожной ваксы. Сказать по правде, ваксы тогда нигде было не достать. Но не в этом дело. Жандарм посмотрел на мои сапоги и понимающе покачал головой.

Он поднес платок к своему носу и шумно его понюхал.

— Я готов съесть свои старые штаны, если это не типографская краска. — Он повернулся к красивому офицеру.

Такой оборот дела не предвещал мне ничего хорошего, но я решил не терять хладнокровия.

— Приятного аппетита! Можете их хоть сию минуту сожрать, — сказал я.

— Что-о!.. — заорал коротышка, потряс кулаками перед моим носом и покатился к дверям. У порога он еще раз обернулся и гаркнул: — Это настоящая улика. На ее основании мы тебя расстреляем, щенок!

Бац! И дверь захлопнулась. Но тут же снова отворилась, и коротышка крикнул офицеру:

— Прикажи, так сказать, его увести в семнадцатую!

— Сейчас ты получишь!..

Красивый офицер наверняка вlepил бы мне опять

подзатыльник, но в это время в комнату, громко стуча сапогами, вошли двое солдат.

— Увести его в семнадцатую! — скомандовал офицер.

— Есть в семнадцатую!

В окружении конвоиров я снова зашагал по бесконечно длинным коридорам и лестницам. Все выше и выше поднимались мы по каменным ступеням старого здания. Звякали засовы, и перед нами открывались тяжелые железные двери.

Кое-где на стенах мелькал свет тусклых фонарей. Три длинные тени от наших фигур фантастично возникали то на одной, то на другой стене. Воздух здесь был совсем затхлый.

Мы молча двигались вперед. Вдруг я услышал стук шагов с противоположного конца коридора: навстречу нам двигалась такая же процессия — мужчина между двумя солдатами. Они приблизились. Я чуть не вскрикнул. Кто, вы думаете, это был? Дед!

Я хотел было уже броситься к нему, но вовремя перехватил его леденящий отчужденный взгляд. Неожиданно я почувствовал какую-то странную слабость. Голова склонилась вперед. Я так и застыл на месте.

Толчок в спину вывел меня из оцепенения. Мы двинулись дальше по гулким сводчатым переходам и очутились наконец в длинном коридоре, по обеим сторонам которого было множество дверей с надписанными мелом номерами. Я понял, это были камеры, тюремные камеры.

Мы остановились. Конвоиры окликнули часовых. Я весь был во власти тяжелого гнетущего чувства. Дед! Откуда-то появился заспанный хромой старик и, позевывая, вытащил из кармана огромные ключи.

— Куда его деть? — пробормотал старик, подавляя зевоту. — Все салоны битком набиты. Людей — как сеledок в бочке.

Он посмотрел на меня и подошел совсем близко. В нос ударил острый запах чеснока.

Солдаты ответили, что приказано в семнадцатую. Тут старик встрепенулся и, кажется, окончательно пробудился от сна.

— А-а... значит, политический! Такой молодой и уже политический!

Я так и не понял, было ли это похвалой мне или порицанием, и поэтому сказал деловито:

— Ну, чего вы еще мешкаете? Вам ведь сказали — в семнадцатую! Откройте дверь!

Старик заковылял к одной двери в конце коридора. Я последовал за ним в сопровождении своего почетного караула.

Ключ дважды звякнул в замочной скважине, дверь медленно отворилась, и старик бросил мне в спину:

— Ну, шагай туда!

Это был всем салонам салон! Как только дверь хлопнулась, я сделал шаг вперед, но в темноте наступил на что-то мягкое. Кто-то глухо пробурчал:

— Куда лезешь? Стой, где стоишь.

Я понял, что наступил на человека. Тогда попытался сделать шаг налево.

Раздался уже другой недовольный голос:

— Говорят тебе, стой на месте!

— Извините, пожалуйста! — промолвил я тихо. — Я бы с удовольствием.

Но недовольный голос начал возмущаться:

— Черти проклятые... Запихали людей так, что шевельнуться негде... Ни сесть, ни встать... И каждый час приводят все новых и новых...

Он чуть отодвинулся, дернул меня за рукав и сказал:

— Присядь здесь!

Я присел на корточки.

— Если ты парень расторопный, найдешь место и получше. А сейчас время сна, закрой глаза и не мешай другим.

Мой невидимый сосед начал глубоко и равномерно дышать. Наверняка он снова заснул, а ко мне сон не приходил.

Я сидел, обхватив колени руками. Мрачные сбивчивые мысли вертелись в голове. Значит, все-таки выдал меня Дед! Но почему? Неужели такой ценой хотел купить себе свободу? Так и есть. Решил, что мне, мальчишке, все равно ничего не угрожает... Малыш! Так он меня называл, прежде чем загнать в эту западню. Все ясно!

Меня охватила ярость. И надо было мне брать на себя это задание! Ну, ладно! Черт с ним, с этим Дедом! Будь что будет! Может быть, я все-таки спас тех женщин, которые типографию прятали...

У меня совсем онемели ноги от скрюченного сидения, все тело ныло от боли. Я попытался было изменить положение тела, но сонное ворчание соседа заставило отказаться от такого намерения.

Я снова стал думать, но в голове все смешалось: типография... Дед... типография... жандармы... Дед...

Кажется, я вздремнул. Проснулся от скрипа двери и хриплых голосов.

На пороге, в тени фонаря, стоял красивый офицер и за его спиной еще двое солдат с ружьями.

Офицер вошел в камеру. Фонарь в его руке едва осветил душное каменное помещение. Только сейчас я увидел место, куда меня впахнули. На полу, длиной в пять—шесть шагов, шириной в два шага, тесно прижавшись друг к другу, лежали люди; некоторые, как и я, понуро сидели в углах у стен. С противоположной от меня стены струилась вода. Вот в такую камеру нас загнали больше тридцати человек.

— А ну, подымайся! — крикнул офицер. — Встать, большевистское отродье!

Никто не шелохнулся.

— Перемещению подвергаются следующие лица...

Офицер расстегнул свой английский френч и засунул руку в карман брюк.

Тут я сумел взглянуть на своего соседа — низкорослого, но широкоплечего рабочего. Его бородатое лицо было сурово и беспощадно.

— Что значит перемещение? — спросил я шепотом.

— Расстрел...

— Молчать! — взвизгнул офицер, вытащил из кармана брюк листок бумаги и огласил: — К перемещению назначены арестанты: Кийк, Тийрик, Мильтроп...

Я не упомянул сейчас фамилий всех товарищей, которых он назвал. И вдруг — меня будто ножом пырнули в сердце!

— ...Ваннас...

Это был я.

У меня кровь похолодела. Я в недоумении посмотрел на своего соседа, потом на офицера, обвел глазами других осужденных. Что это? Неужели они хотят меня расстрелять? За что?.. Совсем так, без всякого суда?..

Перед глазами все поплыло, закружилась голова. От страха ладони стали влажными. Я стоял и беспомощно глядел в пустоту.

В камере зашевелились. Некоторые не спеша поднялись и стали протискиваться к дверям. Я увидел хмурые, обросшие бородами лица, мученические взгляды, крепко сжатые губы. Воцарилась жуткая тишина, будто сама смерть шагнула в камеру.

— Ну, живей, живей! — полоснул тишину резкий окрик офицера.

Около десяти мужчин приблизились к двери и по одному вышли в коридор, где их ждали солдаты.

Я почувствовал себя плохо, меня стало тошнить. Однако удивительно, ноги были послушны приказу. Я сделал шаг, потом еще. Ступал медленно, но совсем спокойно.

Офицер последовал за мной. Он еще раз проверил арестантов по списку. Все были налицо.

Дверь камеры захлопнулась, ключ дважды звякнул в замочной скважине. Офицер скомандовал:

— Шагом марш!

до сих пор возвышенное чувство. Песня стихла лишь в тюремном дворе, куда нас наконец привели.

Мы очутились в тесном, длинном дворе, который со всех сторон был окружен высокими каменными стенами. Я поднял голову и увидел луну, выглянувшую из-за туч. Блеклые полосы света попадали в тюремный двор. Впереди наготове стояли грузовые машины. Заработал мотор.

Нас подогнали к одной машине. По приказу все как один залезли в кузов, осматриваясь, как бы присесть.

— Ложись! — раздалась команда.

Тогда случилось что-то необычное. Кто-то запел «Интернационал», громко и гневно. К нему сразу же присоединились другие голоса — в коридоре и в камерах.

— Молчать! — гаркнул офицер.

Но никто его не слушал. Среди каменных стен тюрьмы все громче и сильнее раздавалась могучая песня.

*Вставай, проклятьем заклеянный
Весь мир голодных и рабов...*

Арестанты медленно двинулись вперед в такт песне. Офицер словно взбесился, размахивал руками, орал. Солдаты толкали людей прикладами, но песня все лилась и лилась...

Я шел, тяжело волоча ноги, и пел во весь голос, а у самого по щекам текли крупные теплые слезы. И я не думал их вытирать. Мною овладело неведомое

Мы легли, тесно прижавшись друг к другу.

Сквозь шум мотора слышались слова офицера:

— Кто поднимет голову, будет приколот штыком.

— Куда нас повезут? — осмелился кто-то задать вопрос.

— Скоро увидите.

В кузов вскочили пять или шесть солдат, сели на край, держа винтовки наготове.

Захлопнулась дверца кабины.

Мотор заработал сильнее, и машина двинулась с места. Было слышно, как открывались тяжелые ворота. Машину несколько раз тряхнуло, потом, как видно, она повернула направо. Значит, едем по булыжной мостовой. Лежим все пластом и не смеем поднять головы.

Что остается думать человеку, когда он лежит ничком в кузове машины и его везут на расстрел? Волея-неволей в голову лезли всякие мысли.

Может, надо было сопротивляться? Швырнуть бы чем-нибудь в рожу тому красавцу, колотить ногами, царапаться, кусаться. Да что толку? Выхода все равно не было!.. У них ружья. Они сильные, сытые.

И вдруг я почувствовал, что очень хочу есть. Стоило мне подумать, как сытно едят эти конвоиры, и я ощутил острый голод. Вот сидеть бы сейчас дома за столом и наесться до отвала горячей картошки! Мама каждый день стоит за ней в очереди в магазине Тауберга... Мама!.. Она уже давно пришла с работы, а меня все нет. Наверно, волнуется. Представляет ли она сейчас, что ее сына везут через пустынный город на расстрел... А потом — когда меня уже не будет — узнает ли она хоть когда-нибудь, что со мной случилось? Мою могилу она, конечно, никогда не найдет...

Чувствую, что едем под гору. Потом дорога стала ухабистой. Шофер уменьшил скорость. Машину бросало из стороны в сторону, как лодку на волнах.

— Теперь уже недалеко, — промолвил один из конвоиров.

...Ну, вот, до моей могилы уже недолго ехать. А мне не хотелось думать о смерти. Успею еще распрощаться с этой короткой жизнью... Смерть... В голове вихрем пронеслось: неужели действительно конец? И нет выхода? Никак не спастись? А? Бежать? Если уж на то пошло... Какая разница, где умирать: расстреляют ли при бегстве или у открытой ямы. Будь что будет!..

Тормоза закрипели. Машина остановилась. Было слышно, как встали конвоиры.

Дверца кабины открылась. За кузовом раздалась команда офицера:

— Ну, слезай с машины!..

Еще миг томительной тишины. Потом — раз! Вскочил на ноги. Теперь держись!

Мой кулак угодил прямо в челюсть стоящему рядом солдату. Тот пошатнулся. Я выпрыгнул из машины. Успел заметить: солдат упал прямо на офицера. Оба барахтались на земле.

А я уже бежал.

Я просто летел, не чуя ног под собой.

Все произошло молниеносно, совершенно неожиданно. Не так-то просто все это теперь описать.

Сзади кричали, ругались, но я не слышал слов.

Хлопнул выстрел. Второй. Третий. Пуля пролетела около самого уха. Прожужжала как оса. Но бояться было некогда. Я бежал что было мочи. Куда? Ага, впереди молодой сосняк — в ста шагах от меня. Туда!

Снова раздалась выстрелы. Пули пронеслись совсем рядом. Хорошо, что сумрачно, тучи прячут луну.

Я все бегу. Голова пылает. Будто хочет расколоться. Все движения на последнем пределе. Во рту пересохло. В горле жжет. Не хватает воздуха. А я мчусь, мчусь из последних сил.

Наконец-то! Первые сосны. Бросаюсь в их тень. Делаю прыжок туда, сюда. Пуля пролетела мимо, в кустарник. Я споткнулся о корень сосны. Другая пуля свистит над головой. Встаю. Ветки больно задевают лицо. Вперед! Деревья задержат пули. Защитят. Скроют. Держу в глубь леса! Машинально переставляю ноги. Шатаюсь, почти ошупью продвигаюсь вперед. Спасусь ли? Удастся ли?

Голоса, кажется, отдаляются. Еще несколько одиночных выстрелов, но свиста уже не слышу, бьют, наверное, вслепую...

Лес будто начал редеть. Все равно останавливаться нельзя. Может, офицер послал вслед погоню, может, окружают лесок...

Вперед! Пока еще темно. Сколько сейчас времени?.. Все равно сколько. Что мне время...

Остановился, чтобы перевести дыхание. Дрожу всем телом. Ноги трясутся. Начало тошнить. Я глубоко вдохнул свежий ночной воздух. Прислушался. Ни зву-

ка. Хотел было двинуться дальше, как услышал шум мотора, потом сильный грохот. Машина поехала. Грохот удалился. Уехали.

А кто их знает — может, оставили стражу? Теперь мне все равно! Соблюдая осторожность, вперед!

Неизвестно, как долго я пробирался по кустарнику. Мне казалось, вечно. Постепенно я успокаивался.

Вдруг вижу — я на берегу Юлемисте. Из предосторожности несколько раз осмотрелся. Ни единой души. Подкрался к озеру, лег на живот и окунул голову в воду.

Так я лежал не знаю сколько времени. Потом пил жадно и много. Меня все еще колотило от страха, в ушах шумело.

Лежу, отдыхаю, постепенно начинаю приходить в себя, голова снова приобретает способность думать, только теперь ясно осознаю: я спасся. Я остался жив!

Ну, и вы, конечно, думаете, что я был безумно рад. А я, поверите ли, не смог радоваться своему спасению. Всё думал: «А остальные? Что будет с ними? По существующему закону их увезли, обратно в тюрьму... Но завтра ночью, уже завтра их привезут снова в этот лес и...» Сказать по правде, я не чувствовал себя счастливым. Моих спутников должны расстрелять завтра, поэтому собственное спасение оказалось ничего не стоящим. Что значит моя свобода, когда каждый день десятками и сотнями расстреливают коммунистов... А что я должен делать? Чем могу помочь? Не знаю. Не умею.

С туманными мыслями поднялся я с земли и пошел медленно в сторону Ласнямае. Там, на улице Катусеппи, была одна из явочных квартир подпольщиков. Я решил пойти туда, потому что явиться сразу домой боялся.

Позднее мне тоже не раз приходилось скрываться в подполье, чтобы вести борьбу за начатое коммунистами дело. Часто нам было очень трудно. Многие кончили свой путь перед дулом винтовки. А на их место вставали все новые и новые борцы, которые довели дело рабочих до окончательной победы и на нашей земле снова провозгласили советскую власть.

Ну, вот, я уже мог бы кончить свой рассказ.

Вы, конечно, спросите, что стало с Дедом? Правда? И встретились ли мы с ним еще?

Да, встретились. Мы встретились с ним в тот же день и совершенно неожиданно.

Прячась в тени заборов и поминутно озираясь, я пробирался на улицу Катусеппи. Подошел к дому. Ощупью в темном коридоре нашел нужную мне дверь и постучал.

Тишина. Снова постучал. Через некоторое время слышались шаги и какой-то женский голос спросил:

— Кто там?

— Свой человек. Откройте.

— Какой «свой человек»? — раздался голос за дверью. — Чего вы хотите?

Только теперь я вспомнил: чтобы попасть в явочную квартиру, надо знать пароль. А я его не знаю. Вот так штука!

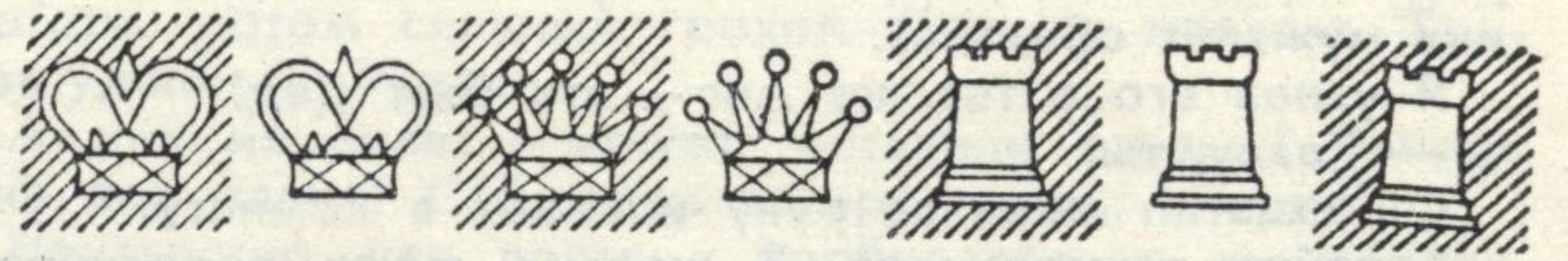
— Откройте, я свой человек, ну? — просил я почти плача. Ну и история — человек от смерти вырвался, а тут...

Потеряв всякую надежду, я шепнул:

— Я, ну, тот! Карел Ваннас... Меня все знают!

— Подождите немного! — промолвила женщина холодно, и я слышал, как удалились от двери ее шаги. Вдруг в комнате началась суматоха, в дверях приблизились чьи-то тяжелые шаги, щелкнул ключ, дверь

РЫЦАРЕНОК НА МАТЧЕ ЧЕМПИОНОВ

Кто сейчас лучший на Земле шахматист? Ответить на этот вопрос должен был матч Петросян — Спасский ... В день начала матча — 14 апреля — главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ позвал рыцаренка Колю Травкина.

— Знаешь что-нибудь об этом соревновании?

— Знаю, товарищ шахмат-адмирал! Тигран Петросян — шесть лет чемпион мира, но Борис Спасский захотел доказать, что играет еще лучше, и вызвал его на матч. Это уже вторая попытка Спасского: три года назад в таком же матче победил Петросян.

— Хорошо. Что еще?

— Вызвать чемпиона мира может не всякий. Желających много и, чтобы определить достойнейшего, устраивают отборочные состязания. В них победил Спасский.

— Молодец. Еще что?

— Такие матчи всегда проводятся из 24 партий. Спасскому, чтобы стать чемпионом мира, нужно набрать 12,5 очка, а Петросяну, чтобы сохранить титул, достаточно свести матч вничью (12:12). Играть будут в Московском театре эстрады. . .

— Так! Вот пропуск — пойдешь сегодня на первую партию.

— Есть пойти, товарищ адмирал!

И рыцаренок Коля Травкин отправился на матч. . . У входа толпились «невезучие», не доставшие билета болельщики. Они шумно спорили, доказывая друг другу, кто победит. И у чемпиона и у претендента сторонников было поровну. . .

Коля прошел в зал. На сцене стоял освещенный прожекторами столик с шахматами. По бокам два красных флажка с советским гербом: ведь оба соперника представляли нашу страну. Минут за десять до начала Петросян занял свой стул и стал вглядываться в доску.

— Зачем он рано сел? — спросил соседа Коля. — Противника-то нет!

— Так поступают многие. Это полезно — еще до партии сосредоточиться только на шахматах, а все другое выбросить из головы, чтобы во время игры не отвлекали посторонние мысли.

Вскоре сел и Спасский. А точно в 16.30 к столику подошел судья и нажал кнопку стоявших там часов с двумя циферблатами. Спасский сразу же сделал ход, и Петросян ответил. Спасский опять пошел. . .

Что происходило на столике, Коля не видел, но ходы тут же копировались на двух висящих на стене огромных демонстрационных досках: двое ребят длинными шестами передвигали на них фигуры, чтобы за игрой могли следить все зрители. Гроссмейстеры быстро обменивались ходами.

— А почему они не думают? — спросил Коля.

— Еще рано. Все эти ходы известны в шахматной теории — они многократно проверялись и признаны надежными. Сильные шахматисты обязаны их знать. Применит противник какое-нибудь новое «секретное оружие», как говорят, ход-новинку — тогда другое дело. А так, если над первыми ходами думать, потом времени не хватит.

— А почему они не думают? — спросил Коля.

— Еще рано. Все эти ходы известны в шахматной теории — они многократно проверялись и признаны надежными. Сильные шахматисты обязаны их знать. Применит противник какое-нибудь новое «секретное оружие», как говорят, ход-новинку — тогда другое дело. А так, если над первыми ходами думать, потом времени не хватит.

— Что значит «времени не хватит»? — удивился Коля.

— Не знаешь?! Видишь на столике специальные двойные часы? Сейчас ход Спасского, его часы идут, а часы Петросяна стоят. Когда Спасский сыграет, он сразу нажмет кнопку — остановит свои часы и пустит часы Петросяна. Каждому «на раздумье» отпускается по 2,5 часа, за которые он обязан сделать 40 ходов. Если у кого-то 2,5 часа истекли, когда он 40 ходов еще не сделал, ему засчитают поражение.

— А если у него будет лишний ферзь?

— Хоть пять ферзей. Просрочил время — проиграл!

Теперь партия была в разгаре. Ее начальная стадия — дебют — закончилась, и дальше играть, основываясь лишь на знаниях в теории, уже стало нельзя. Каждый ход требовал тщательного «прощупывания»! Гроссмейстеры намечали далеко идущие планы, где нужно было учесть все свои и противника возможности. Над иными ходами думали теперь по 15—20 минут. Когда раздумывал Петросян, Спасский вставал и широкими шагами расхаживал по сцене, видимо, стремясь дать отдых своему мозгу. Петросян же, когда ход был Спасского, подкреплял силы, попивая из термоса какой-то горячий напиток.

Судя по выражению лица, Спасский был положением доволен. Фигуры его стояли свобод-

нее и занимали атакующие позиции. Петросяну приходилось быть начеку.

— Значит, каждому на 40 ходов дается по 2,5 часа. . . А что потом? — спросил Коля.

— Потом? Если за 5 часов партия не закончится, ее отложат: запишут положение и доиграют завтра. В таких случаях разбор или, как говорят, анализ отложенной партии ведется всю ночь! Но, чтобы сберечь силы участников, это проделывают гроссмейстеры-секунданты. Секундант Спасского — Игорь Захарович Бондаревский, а Петросяна — Исаак Ефремович Болеславский.

Когда Травкин представился секундантам и рассказал им о погоне за бандой Шефа, то каждый из них пожелал успеха нашим рыцарям.

А на сцене продолжалось яростное сражение. Атака белых была отбита, и теперь развивали активность силы Петросяна. Однако он

уже истратил 2 часа 28 минут, а сделал только 32 хода. На 8 ходов оставалось у него всего 2 минуты. Времени явно мало — цейтнот! Он напряженно сидел за доской, лихорадочно перебирал возможные ходы Спасского и заготавливал на каждый из них молниеносный ответ. Спасский же имел еще минут 15 и думал: видимо, хотел изобрести что-нибудь такое, чтобы противник, вынужденный отвечать мгновенно, запутался и ошибся. Но ничего не получалось, минуты уходили одна за другой... И вот уже у Спасского такой же цейтнот, как и у Петросяна. Тогда он спохватился, быстро переставил фигуру, и оба начали «выстреливать» ходы на пулеметной скорости. Ход, ответ! Ход, ответ! Ход, ответ!.. И вдруг «стрельба» прекратилась: заветные 40 ходов были сделаны, время никто не просрочил. Партия откладывалась. У Петросяна, игравшего в цейтноте точнее, появилась лишняя пешка. Разумеется, пешкой мат не дашь, но ведь ее бывает возможно провести в ферзи...

Зрители расходились, обмениваясь мнениями о партии.

— Лишняя пешка! — восклицали сторонники Петросяна. — Конечно, Тигран завтра выиграет!

— Мало ли что лишняя пешка... — возражали сторонники Спасского. — А как ее использовать? Будет ничья!

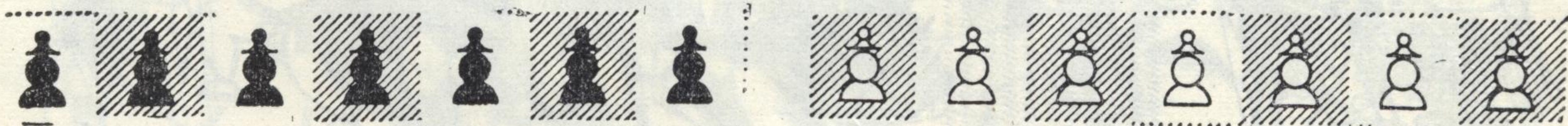
На следующий день Коля узнал, что при доигрывании Спасский уже достиг ничейного положения, но затем ошибся и проиграл. Ошибки допускают и гроссмейстеры!

До конца матча борьба была очень напряженной и проходила с переменным успехом. И лишь 17 июня, когда была сыграна 23-я партия, стал ясен итог: 10,5 очка у Петросяна и 12,5 у Спасского. Лучшим шахматистом на земле, чемпионом мира стал Борис Спасский.

*Старый поклонник «Костра»⁴
я уверяю, что он и в дальнейшем
будет верным другом
своих юных читателей.*

Ю. Барский 21.06.69г.

Ю. Барский

I.

Первый раз я увидела крохотного артиста в Ленинградском театре на Моховой улице, когда еще училась в школе — в последнем классе второй ступени.

В небольшом уютном зале стояла петрушечная сцена-ширма. Из-за нее выросли желтый подсолнечник, серенькая избушка, сказочные фигурки старушки и старика и зеленая репка. Все они точно вышли из детской книжки с яркими картинками и двигались под музыку, напоминая веселый звон колокольчиков. Рыженькая девочка, которая сидела рядом со мной, серьезно смотрела на маленьких кукольных артистов и тихо спрашивала меня:

— Тетенька, а они живые?

II.

В один из осенних дней суровых двадцатых годов я медленно шла по Невскому проспекту и думала о своем будущем.

Школа окончена. Кем быть?

И вдруг на серой стене я увидела объявление. Большие синие буквы доводили до сведения ленинградцев, что открывается прием на курсы кукольного театра. Прочитала, нырнула в толпу прохожих и помчалась. Прибежала в старинный дом, в комнату, похожую на канцелярию.

— Здесь на курсы записывают? Не опоздала я?

— Что вы, гражданка, только что объявление вывесили!

Ох, как я обрадовалась! В руках зеленая карточка: «Билет № 1 слушательницы курсов кукольного театра».

Дома бабушка сказала с возмущением:

— Посерьезней дела не могла придумать!

III.

После меня на курсы пришло еще человек двадцать. Большинство только что окончило школу.

Наши рабочие халаты с первого дня украсились разноцветными пятнами: серо-зелеными с кусочками присохшей глины, белыми от клея, пятнами всех цветов радуги от масляной краски.

Мы лепили, рисовали, красили, шили, делали парики, учились актерскому мастерству и даже сочиняли пьесы.

Вырезать из дерева нас учила известная женщина-скульптор Елена Александровна Янсон. Ее серьезные глаза моментально замечали наши промахи. Орудия стамесками и перочинными ножами, стоя и сидя, мы молча пытели, краснели и роняли капельки пота на свои болванки.

Мне захотелось сделать из дерева мальчишку, почему-то он получился без затылка и с большими собачьими ушами. Я бросила нож и смотрела на свое произведение с ужасом.

— На затылок придется кусочек наклеить, — сказала преподавательница спокойным голосом и взяла у меня из рук мальчишечью голову. Она ловко резанула ножом раз, еще раз, отхватила половину правого уха, провела лезвием ножа по одной его стороне, потом по другой — и ухо стало совершенно нормальным. Я смотрела с изумлением.

— А теперь сделайте то же самое с левым, — сказала художница. И, к своему удивлению, я сумела это сделать! Из длинноухого уродца получился веселый задорный Ленька. Рот у него застыл в счастливой, широкой улыбке. Впрочем, что я говорю — застыл! Когда поворачивали Ленькину голову, на голубых шариках глаз то появлялась, то исчезала черная точка зрачка, и казалось, что деревянный мальчишка подмигивает. Леньку подвешивали на нитках, как марионетку, и он отлично танцевал русскую, притопывая босыми ногами с оттопыренными большими пальцами. Немало хлопот доставили мне эти пальцы. Когда я вырезала их, руководительница вовремя выхватила у меня Ленькину ногу и показала, как надо держать нож, чтобы не случилось беды.

IV.

В один из ярких морозных дней мы вошли под сумрачные своды старинного здания, где обычно занимались, и неожиданно почувствовали, что от промерзших каменных стен несет страшным холодом и ледяной сыростью.

— Топить больше нечем, — объ-

явила администрация курсов. Кто-то заохал... Кто-то заворчал... А кто-то вскочил на табуретку вместо трибуны и крикнул:

— Товарищи! Давайте будем приносить дрова из дома... Кто сколько сможет! Согласны?

Ведь это было трудное время конца двадцатых годов. Топлива всей стране не хватало. Каждый из нас стал приносить на курсы полено, бережно обернутое в старую газету. Мы старались не замечать, что каменные стены огромного помещения нагревались плохо, что изо рта шли клубы белого пара, а пальцы стыли, краснели и пухли. Гораздо важнее было то, что каждый день приносил новое.

Весело поглядывая на нас сквозь большие очки в темной оправе, режиссер Сергей Александрович Морщихин учил нас правильно дышать и говорить. С детских лет я любила декламировать стихи и была вполне уверена, что говорю четко.

— Прочитайте этот отрывок, — сказал режиссер и протянул мне открытую книгу. Я прочитала и вполне довольная своим исполнением посмотрела на руководителя.

— Плохо! Дикция никуда не годится, — сказал режиссер. У меня даже дыхание перехватило от удивления и огорчения.

— Почему? — спросила я совершенно осипшим голосом.

— Съели все концы слов и звук «л» не произносите! Надо исправлять.

Пришлось без конца повторять нелепые сочетания звуков. С утра до вечера я твердила: — дэтэтэдэ! дэтэтэдэ! На улице пугала своим бормотанием прохожих, а дома — бабушку и мать. Все же мой язык был побежден и научился принимать правильное положение.

Тогда же мы впервые услышали об актерских задачах. Простое слово «здравствуйте» зазвучало по-разному в зависимости от того, нужно ли было приветствовать знакомого,

КАК Я СТАЛА

И. Ленко

или посмеяться над опоздавшим, или выразить удивление при неожиданной встрече.

Много интересного из истории кукольного театра рассказала нам ленинградская писательница Елена Яковлевна Данько — знаток истории кукол и фарфора. Высокая, худая, она улыбалась, не открывая рта, говорила медленно, очень тихим голосом и чем-то напоминала увядающую хризантему...

Я до сих пор помню ее рассказы о чехословацком кукольном театре, особенно о театре теней...

V.
Г римиловать кукол нас учил веселый художник Федор Павлович Силаев. Он постоянно ходил в пальто с поднятым воротником и поминутно протирал стекла своих очков.

Этот преподаватель отдавал нам все свободное время. Он учил нас:

— Основной принцип кукольного театра — ничего лишнего. Нагромождение декорации и многоцветность костюмов может убить куклу.

В широких карманах пальто он приносил юмористические рассказы и уговаривал нас попробовать их инсценировать.

— Это может получиться совсем неплохо! — говорил он, широко улыбаясь, поглядывая сквозь очки глазами большого ребенка.

Когда наступало время обеда, веселый художник подходил к окну, делая вид, что внимательно рассматривает соседние крыши, тихонько вытаскивал из кармана пачку печенья и ел, отламывая маленькие кусочки. Замечая, что кто-нибудь наблюдает за ним, он говорил, точно оправдываясь:

— Это очень питательно!

Где мы обедали? Не помню. Вероятно, бывали дни, когда о еде вспоминали лишь поздно вечером. Кто-то из преподавателей советовал есть черный хлеб, посыпая его сахарным песком, и уверял, что по калорийности это может заме-

ИЗ СТАРЫХ СНИМКОВ. Кукловоды — на все руки мастера

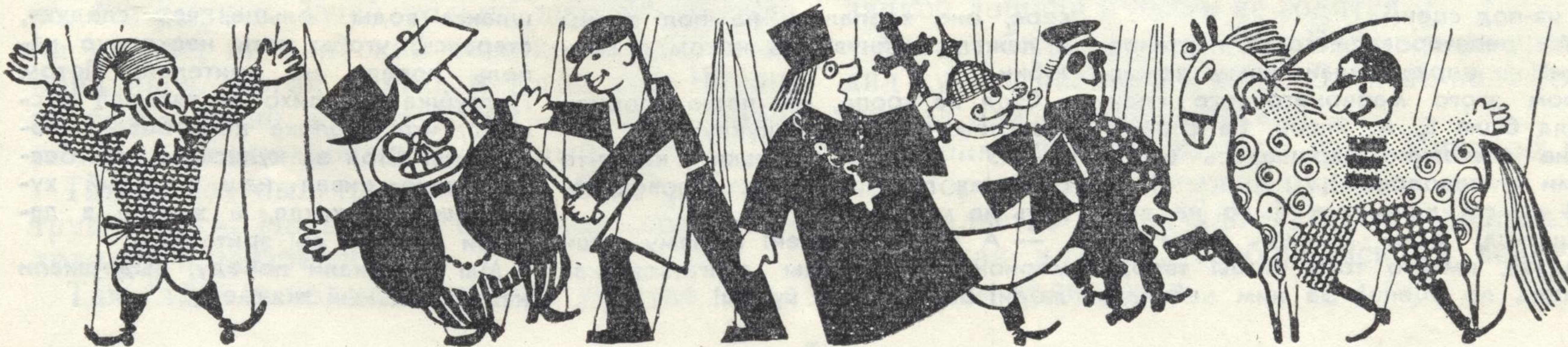
КУКОЛЬНИЦЕЙ

Рисунки А. Януса

нить мясо. А сахарный песок был тогда какой-то желтый, ненастоящий. Но все это было для нас не главное.

VI

О огромную тяжелую марионеточную сцену уже привезли и поста-

вили в нашем холодном зале. Мы забирались на тропу-помост, на котором стоят кукловоды, когда опускают марионеток на нитках вниз на сцену.

Что-то дошивали, доглаживали. Каждый проверял свою вагу — крестовину с нитками. И вдруг неожиданное известие.

— Товарищи! Товарищи! Все пропало! Курсы закрыли! Нет денег оплачивать помещение и преподавателей!

Растерянно смотрели мы друг на друга и на наших деревянных артистов.

— Так нельзя, товарищи! Надо что-то придумать!

За нас придумали наши руководители. Они решили продолжать обучение курсантов-кукольников бесплатно.

— А помещение? Где мы будем репетировать?

— Найдем! — улыбался веселый художник. — Безвыходных положений нет!

Началась наша кочевая жизнь.

Пока шли поиски помещения, мы собирались для черновых репетиций в квартирах преподавателей или курсантов-кукольников.

В небольшой комнате можно было поставить легкую петрушечную ширму, но отыскать такую площадку, чтобы поместилась огромная марионеточная сцена, было гораздо сложнее.

Наконец, нас приютил один из ленинградских клубов.

VII.

В холодном, сыром, но просторном подвале встало громоздкое деревянное сооружение для марионеточных спектаклей. Мы ходили простуженные, часто с температурой, но продолжали работать. На одной из репетиций я почувствовала себя так плохо, что во время перерыва между своими выступлениями легла на холодный каменный пол. Уходить было нельзя. Репетировали с утра до позднего вечера: отчетный спектакль приближался. Я не успела задремать. У моего уха зашипели три голоса:

— С ума ты сошла!

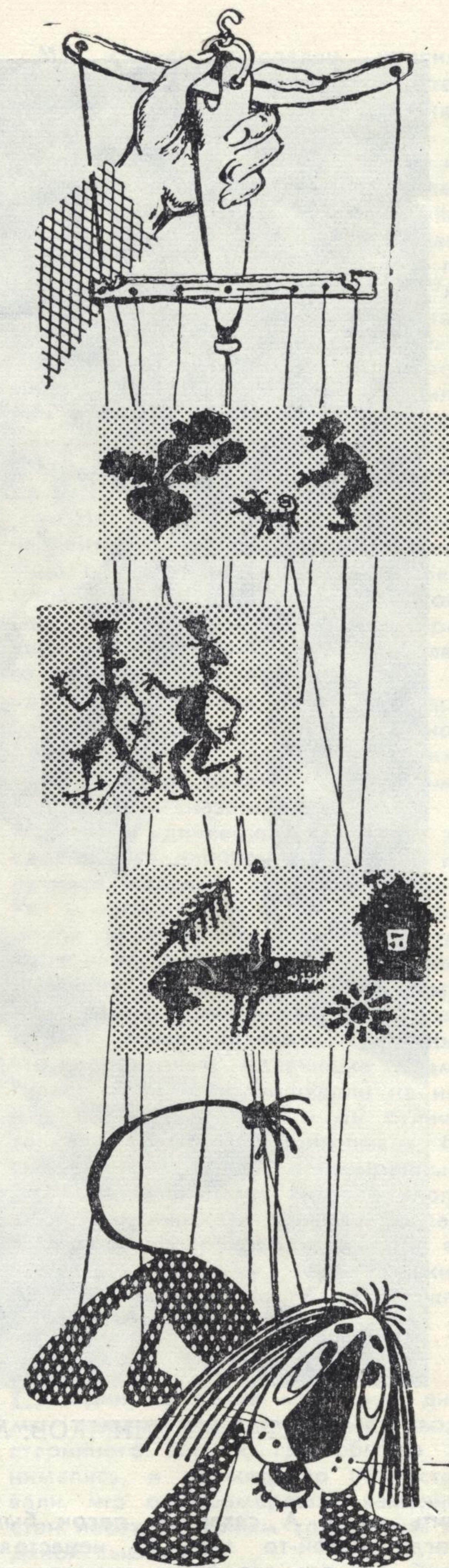
— Хочешь умереть!

— Хочешь спектакль сорвать!

Меня ухватили за ноги и вытащили из-под сцены.

Мы репетировали тогда постановку «Наш цирк». Талантливым режиссером этого марионеточного спектакля была Е. А. Янсон. Ее спокойствие постоянно нарушалось ошибками кукловодов.

В самом деле, как было не возмущаться, если Ленька летал по воздуху, вместо того чтобы твердо ступать по сцене! За ним носилась

таким же способом Марфушка. Испуганная грозным окриком режиссера, она хлопалась на пол сцены и лежала, уткнувшись носом в свои юбки.

Стоя на тропе, мы часто спорили шепотом, как водить куклу:

— У вашего Леньки какая-то странная походка, — так человек ходить не может!

— А я не согласен! Почему наши марионетки должны двигаться как люди? Ведь это же куклы!

Шепот на тропе становился таким яростным, что остановить его мог только грозный окрик руководителя.

Одновременно с репетициями на марионеточной сцене репетировали на ширме пьесу Маршака «Петрушка-иностранец».

Веселый художник был неумолимым режиссером и заставлял часами держать руки с куклами в поднятом состоянии.

— Ничего! Ничего! Привыкнете, — уверял он.

VIII.

Мы просиживали вместе с руководителями в холодном подвале целыми днями. Чихали и кашляли все. Директор клуба несколько раз обежал все помещения и наконец нашел возможным перевести нас из подвала в закоулок около столовой, куда с трудом, но все же втиснулась марионеточная сцена и где мы постоянно угорали от столовских самоваров.

Перед самым спектаклем нас перевели на сцену маленького клубного театра. Здесь мы первый раз вздохнули свободно.

Как мы старались удержать дрожание пальцев, когда стояли на тропе! Ведь каждое неосторожное движение наших рук вызывало лишние повороты, скачки и шаги деревянных артистов. Каким тревожным огнем горели глаза нашей руководительницы, когда она стояла за кулисами во время этого отчетного спектакля, готовая быстро помочь каждому из нас!

Балерины в белых пачках плавно кружились и не забыли ни одного па. Одна из них, заканчивая номер, взлетела и застыла высоко в воздухе — что, конечно, не сумела бы сделать ни одна настоящая балерина. Жонглеры ритмично ловили свои шарики. Акробатка-канатоходец, которую водили три кукловода, несколько раз прошлась по канату под гром аплодисментов. А Марфушка с Ленькой добросовестно топала по сцене, напевая:

«Наши липовые ручки!

Наши ноженьки!»

Во время петрушечного спектакля мы веселились, и когда пожарный приводил в чувство Петрушку, выпускали из тоненького резинового шланга воды больше, чем следует, стараясь, чтобы хоть несколько капель попало на зрителей. Потом Петрушка так лихо отплясывал русскую, что публика потребовала повторить. Стоя за кулисами, нам беспрерывно кивал наш веселый художник и хохотал, и хлопал в ладоши вместе со зрителями.

Мы одержали победу, выдержали наш кукольный экзамен!

ВОРОНКО

БЫВАЛЬЩИНА

Конст. Коничев

Рисунки Т. Ксенофонтова

У моего опекуна был конь, умный, послушный, безответный труженик — Воронко. Воронко приглянулся мне с первого нашего знакомства. Я, десятилетний отрок, впервые стал запрягать Воронка, уже семь лет ходившего в упряжке.

Так что мы с ним были сверстниками. Воронко, к моему изумлению, не то чтобы стал отказываться от запряжки, наоборот — склонил и сам просунул голову в хомут. Я поправил шлею и благодарно погладил Воронка по морде. Он понял это, как мое желание быть с ним в дружбе. И не ошибся. Запряг я его с первого раза без помехи. Правда, супонь затянул слабовато. Воронко и на это не сетовал, понимал, что я еще не обладаю достаточной силой стянуть и засупонить хомут до отказа. Запряженный в розвальни, повез меня Воронко на лесопильный завод за дровяными отходами. Там я натаскал горбылей и реек, сложил на розвальни, завязал и, усевшись на воз, благополучно привез дрова домой...

С этого началась наша дружба.

Потрудились мы с ним немало. Бывали во всяких поездках, и дальних и ближних. Осенью и весной водил я Воронка на перековку. Он покорно заходил в станок, стоял попеременно на трех ногах, пока кузнец прибавал подогнанную по размеру копыта подкову. С новыми подковами, на всех четырех Воронко чувствовал себя веселее. Он пробовал бежать рысью и вскачь без принуждения. Я встряхивался на его хребтине, ситцевая рубашонка парусила от быстроты бега.

В сохе он ходил по всем правилам: спокойно, без рывков. Умей только держать рогалю на уровне, не запускай сошники глубоко, не кривляйся, шагай прямо, и тогда для Воронка безразлично, кто за сохой — старик слабосильный или подросток неопытный.

Тяжеловат был труд пахаря. Еще тяжелей труд коняги. Но все это было должное, необходимое и неизбежное.

Там, где ныне на широком участке поля

тарахтит в дымке трактор, раньше на нашей вологодской узкополосице трудилось полсотни пахарей и лошадей. Ускорен и облегчен труд на пашне, на земле, и лошадь, наш верный слуга, уходит в прошлое, оставаясь в доброй памяти благодарного земледельца...

И в моей памяти сохранились обрывки воспоминаний о безупречном друге.

Были промежутки времени, когда Воронко отгуливался в поскотине целыми неделями на подножном корму. Наверно, ему не казалось скучно; на пастбище многие ему знакомые и обласканные лошади нагуливали себе силу, держась все вместе табуном.

Я приходил по надобности за Воронком. И стоило только издали сказать ему понятное слово «трпсссо», он узнавал меня по голосу, выходил из табуна навстречу.

За время поездок за дровами, за кормом или на мельницу, я приучил его понимать, кроме «трпсссо», еще пять слов: «право, лево, стой, тихо и грабят».

Мне не надо было, идя рядом с возом, тянуть за вожжи; скажешь — «лево», пойдет влево, скажешь — «право», пойдет вправо. Вместо лошадиного «тпррру», он усвоил слово «стой», а если крикнуть — «грабят», он мчался, сколько хватало силы.

Мой опекун дивился «образованности» Воронка и любил этим похвалиться перед соседями. Безлошадный бобыль Паша Петрушин не удивлялся и не в угоду Михайле говорил:

— Подумаешь, какое диво! А ты видал, что вытворяют казацкие лошади? Всякие танцы-манцы выкомаривают. Твой Воронко казацкой лошади в лакеи не годится...

Может быть, это и так. Воронко не проходил курсов казацкого коня. Да и не подходящ он был для службы царской.

В войну четырнадцатого года Михайло водил Воронка на приемный пункт.

Начальство приказало явиться с лошадьми. Кони, как и люди, требовались на войну в огромном количестве.

«Ужели Воронка забреют?» — применяя к нему рекрутский термин, с тоской и озабоченностью думал я.

У опекуна в избе была приклеена к стене картина: казаки с пиками, убитые немцы и наши. На переднем плане валяются убитые лошади...

«Показать бы эту сцену боя нашему Воронку, убежал бы он от войны подальше. Пусть дерутся цари, короли и кайзеры, а при чем тут люди и лошади?»

Воронка забраковали. Не меньше хозяина обрадовался этому я.

Мне на войну рано. Воронко не гош, значит, нам жить вместе...

Помню, в масленицу, с позволения опекуна, нарядил я Воронка в начищенную сбрую: узда с разноцветными тряпицами, колоколец под дугой, ошейник с бубенцами, шлея свер-

свернул в сторону. Надо же коню отдышаться. Обернулся: Енька бледен. Михайло не знает, что сказать — то ли меня похвалить, то ли выругать... Кто-то из мужиков восторженно сказал:

— Ну, Мишка, не из тучи гром. Никак от твоего Воронка не ожидали такого гону, ну и ну...

— А вот как наши-то! — заносчиво ответил мой опекун. — Я сам думал, что из меня душа вон. С закрытыми глазами мчался...

Подошел старшина, с ним стражник, придрались к моему хозяину:

— Надлежит протокол составить! Кто вам дозволил панику на публику наводить? Как так «грабят»? Кого грабят среди белого дня на масленице? Слыхано ли дело? Я те покажу, как грабят, штраф три рубля!..

— Помилуйте, Павел Иванович, господин Соловьев, ей-богу, я тут совсем ни при чем.

кает медными бляхами. Дуга расписана и похожа на радуго. Воронко понял неслучайность такого преобразования, запереминился на месте: не жить — не быть, рад порезвиться.

Выехали в село. Катанье, гулянье, гонка лошадей по кругу.

Михайло с Енькой сидели в задке праздничных, выездных саней. Оба вразвалку, покрасневшие от самогонки.

Я повозничал, сидел как кучер на передней беседке. Два круга сделал по селу, подчиняясь общему движению. На третьем заезде вырвался из круга и во всю мочь гаркнул:

— Грррабят!!!

Воронко, вытянувшись, понесся вскачь, летел, как в сказке, самому черту не догнать. А я только покрикивал:

— Грабят, грррабят!!!

Многих тогда я удивил лихачеством быстрой езды. Сделав круг версты в полторы, я

Мальчишка глупый, от какого-то дурака он перенял и обучил лошадь с этого слова с ума сходить...

— Ах, это ты, малыш, повозничал, что ж, молодец.

Штраф не взяли, меня свысока похвалили. Все уладилось. Разговор об этом «грабят» долго не утихал...

У нас такой порядок: труженика коня, друга человеческого не закалывают. Ждут подыхания, естественной смерти.

Пришел срок тяжкой и недолговечной лошадиной жизни.

И вот я уже прожил три коротких лошадиных века. Казалось бы, неудивительно забыть о Воронке. А он не только вспоминается, но и часто появляется во сне. Иногда даже разговаривает со мной, в сновидениях, человеческим голосом. И странно, что я не удивляюсь этому. Будто так и надо,

**Темной ночью
на велосипеде**

Теперь велосипедисты Японии могут ездить даже самой темной ночью. В этом году в стране появились велосипеды, которые фосфоресцируют — светятся в темноте.

Разноцветные ледники

Движение ледников, условия их таяния, перемещения изучает наука гляциология.

Недавно советские гляциологи стали с самолетов распылять над льдами краску, светлоричную, серую, голубую.

Как известно, белый цвет почти полностью отражает солнечные лучи, в то время как другие цвета их поглощают. Значит, теперь ледники начнут быстрее таять и жители горных районов получат большее количество пресной воды для орошения земель и питья.

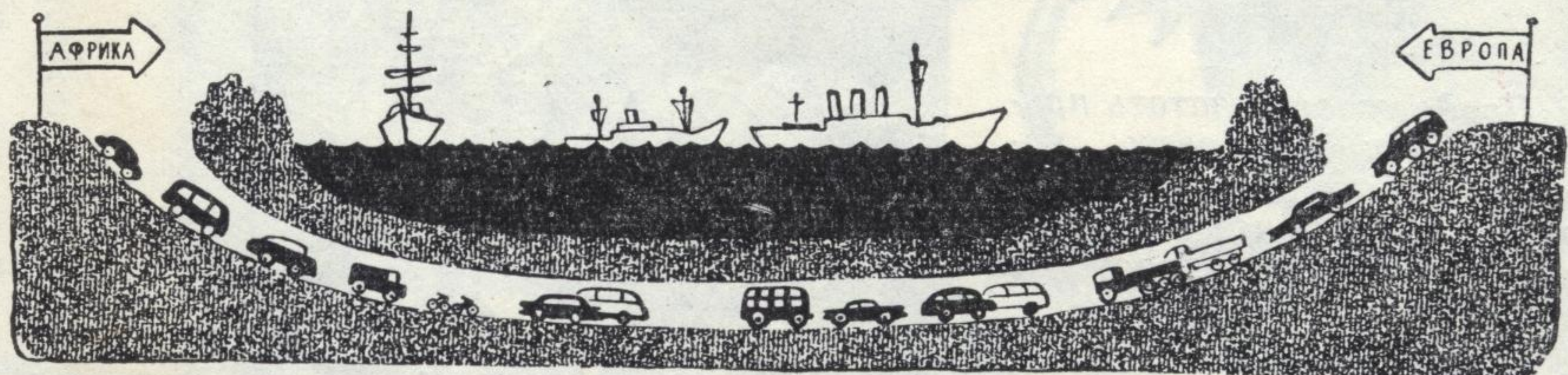

Вокруг Земли, Луны и Солнца

По подсчетам космических статистиков, вокруг Земли, Луны и Солнца вращаются уже 1200 предметов. Из них — 276 спутников, а остальные — так называемые космические отходы. Это, например, останки ракет, перчатка, которая вылетела из американского корабля «Джеминай-4», кинокамера, потерянная космонавтами из «Джеминай-10»... К самым старым телам, вращающимся в космосе, относится спутник «Вангорд», запущенный 11 лет назад. Он погибнет только в 2901 году.

Специалисты предполагают, что в будущем году в космосе станет вращаться около 7 тысяч различных предметов, прилетевших с Земли.

Новый путь в Африку

Разработан проект четырнадцатикилометрового туннеля, который соединит Европу и Африку. Туннель предполагают пробить под Гибралтарским проливом. Он будет достаточно широк: грузовые и легковые автомобили смогут продвигаться с материка на материк в четыре ряда.

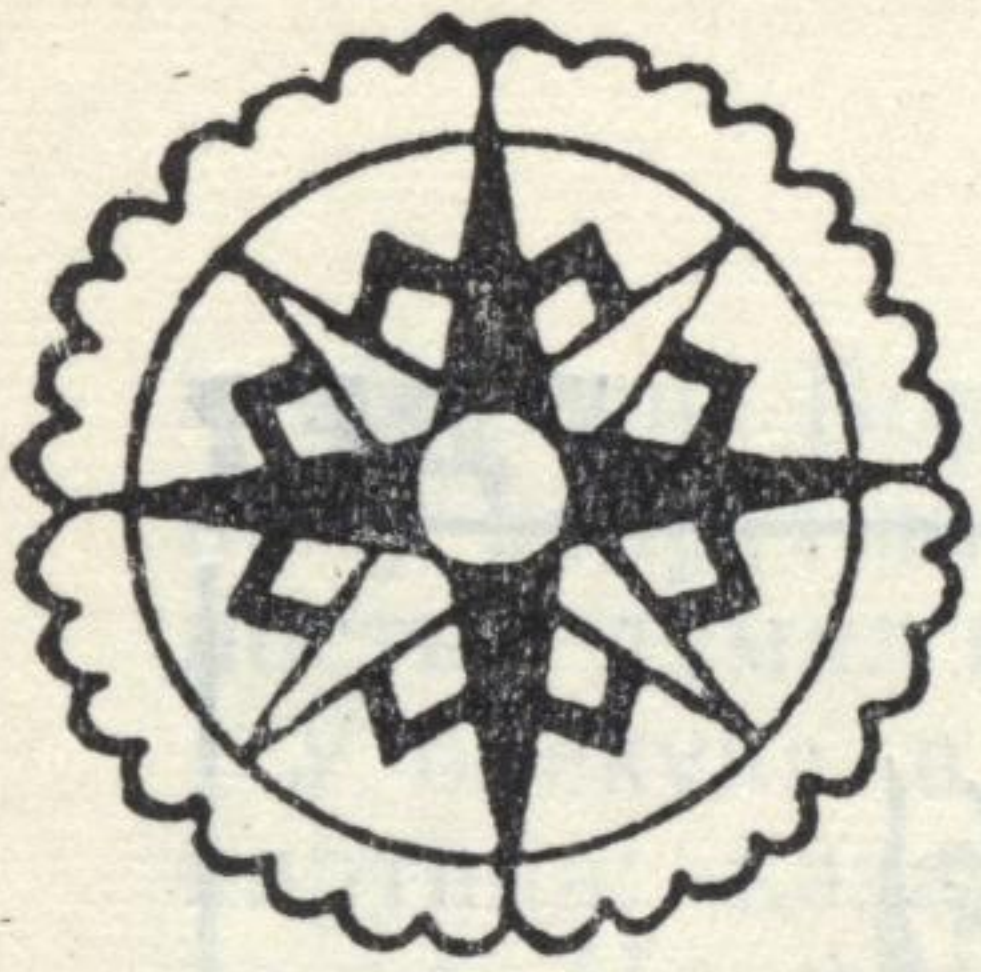

**Будьте здоровы,
сорняки!**

Циперус ротендус — один из самых распространенных и самых стойких сорняков.

В Португалии создана специальная ферма, на которой делается все, чтобы этот сорняк рос большим и крепким. Ученые поставили перед собой задачу: изобрести яд, который бы уничтожил даже эти сверхстойкие холеные гигантские растения, — и тогда берегитесь, враги урожая!

И, конечно, яд должен быть недорогим, чтобы им могли пользоваться во всем мире.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания тринадцатый

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахирнова

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ
**Море — Санмара,
порт — две доски**
«Негде заниматься морским делом...», «Ни в школе, ни в клубе нет кружка юных моряков...», «Не найти моряка-руководителя...», «Нужны лодки, морские книги...».
(Из писем ребят в «Морскую газету»).

Из села Желтое Оренбургской области пришло письмо. Его в редакции прочли все.

— Удивительно! — сказали одни.

— Ну и ребята! — удивились другие.

— А что особенного? — сказали трети.

Но все решили — письмо надо опубликовать. Вот оно.

«Мы — юные моряки клуба «Аист». Он существует еще недолго, но дело идет. Лодки нет, но мы ходили в поход по реке Сакмаре, на автомобильных баллонах. Проплыли больше десяти километров. Делали привал на берегу. Наш клуб выписывает «Костер», и мы вместе читаем «Морскую газету». Ведем судовой журнал. Будем участвовать в конкурсе «Морских знатоков».

Думаем о стенгазете. Помогаем престарелым пенсионерам нашего села. Здесь нет моряков, кроме нас, — будущих. Пока нас семь человек, но, наверное, «Аист» пополнится. Где бы достать несколько тельняшек? Посоветуйте!

Сергея Биушкин».

— Вот так когда-то и мы начинали! — сказал, вздохнув, дядя Кирилл, старый моряк, сотрудник редакции. — Первый порт, который я построил, был из двух досок, вкопанных на берегу пруда. Надо пойти в Морской клуб ДОСААФ, поговорить насчет тельняшек — как их достают!

И он ушел.

О результатах его похода мы сообщим в следующем номере журнала.

СРЕДИ ВОАН

приключенческая повесть

Продолжаем печатать приключенческую повесть, написанную капитаном Быстроходовым и боцманом Румпелем для морских знатоков (см. № 7).

Надев на себя акваланг, Паутинкин кинулся в воду. Вот и смутные очертания пароходного днища. Неожиданно чья-то сильная рука схватила сыщика за ногу и потащила к кораблю.

Продолжение следует

Не кричи „ВЭ“ кричи „ВЕДИ“!

Когда-то в старину каждая буква имела свое название.

— Аз, буки, веди... — учил алфавит юный Ломоносов.

Сейчас эти названия забыли. Все, кроме моряков.

Попробуй на ветру, под шум волн, крикнуть сигнальщику:

— Поднять «вэ»!

Он может расслышать и «пэ», и «бэ», и «фэ».

— Поднять «веди»!

Ясно: флаг «в» пополз вверх.

Посмотри на цветную вклейку. На ней флаги шлюпочного сигнального свода. Их всего 17.

Достаньте в клубе ДОСААФ шлюпочную сигнальную книгу. Флаги сделайте сами. Как употреблять флаги по одному и в двухфлажных сочетаниях, написано в книге.

Шлюпки — на воду! Флаги — на мачту!

На правой мачте двухфлажный сигнал: «Шлюпке, у которой позывной «буки», — подойти к причалу!»

Капитан и боцман отвечают на вопрос, заданный в июне.

На карточке изображен профиль дна Атлантического океана. Судно, очевидно, было океанографическим. Хребет под водой, название которого смазано — «Атлантический».

Рисунки В. Конашевича к сказке Шарля ПЕРРО „ЗОЛУШКА“

ХОЗЯИН СКАЗОК

Первые наши книжки — сказки. Мы еще не научились читать, но уже разглядываем яркие, удивительные, заманчивые картинки. Сказка для нас настолько сливается с этими картинками, что нам кажется, будто она так вместе с ними и родилась. И только много времени спустя мы начинаем спрашивать: а как же зовут тех волшебников, которые оживили для нас сказку?

Один из таких волшебников — художник Владимир Михайлович Конашевич. Русские народные сказки, сказки Пушкина, Ершова, Чуковского, братьев Гримм, Перро, Андерсена, — не перечесть сказок, которые иллюстрировал Конашевич.

Сказочные медведи, лисы, индюки, зайцы всегда очень напоминают нам людей. Сказка очеловечивает их. Так же поступает и художник. Помните крота, за которого хотят выдать замуж Дюймовочку в сказке Андерсена? Конашевич рисует обыкновенного черного, бархатистого крота — и в то же время это не крот, а важный богач, мрачный, недобрый. И нам становится страшно за Дюймовочку.

Чувствуется, что, рисуя медведя, Конашевич вспоминал какого-то добродушного и неповоротливого человека. А в его лисице мы вдруг узнаем повадку ловкого хитреца и пройдохи. Этих людей художник «подсмотрел» в жизни. Может быть, это были его знакомые, а может быть — случайные прохожие. Ведь художник делал множество зарисовок прямо на улице. Ловил мгновенные взгляды, позы, характерные движения людей, выражение их лиц. А потом эти живые и острые зарисовки пригодились ему в работе над сказками.

Рисунки Конашевича зачастую сообщают нам гораздо больше, чем сказано в самом

тексте сказки. Художник как бы развивает, дорассказывает сказку. Вот знаменитый кит из «Конька-Горбунка». У Ершова о нем говорится: «Мужики на губе пахнут, между глаз мальчишки пляшут, а в дубраве меж усов ищут девушки грибов». В рисунке Конашевича есть все это — и многое еще. Тут и старики сидят, греются на скамеечке у дома, и рыбаки закидывают удочки, и лодки причаливают прямо к китовому боку. Идут по дороге странники, кто-то гонит буренку... Воображение художника «населяет» сказку, дарит ей более полную и увлекательную жизнь.

Сказка для Конашевича начинается в жизни, в природе. Городская улица, цветок в банке, береза возле дома, где жил художник. Казалось бы, самые простые вещи.. Но смотрите, как волшебным образом художник превращает, например, обыкновенную вишневую ветку — в драгоценность, в сказочный образ! Какая она пушистая и трепетная, эта ветка, словно размытая светом и воздухом!

Конашевич в своих работах пользуется цветом очень экономно. Но какое огромное количество оттенков находит художник хотя бы в одном только черном цвете! Плавно, едва ощутимо переходит он от черного к белому, добавляет немного красного, синего или желтого — и у нас на глазах происходит чудо сотворения цветка из отдельных мазков. А главное,

мы сами — участники этого чуда: Конашевич словно бы заставляет нас дорисовывать цветок в своем воображении.

Большая любовь к родной природе и превосходное знание ее богатств помогает Конашевичу показать нам сказку, которая существует рядом с нами, убедить нас, что она — везде, во всем: надо только уметь ее увидеть.

Н. Слепакова

ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ. Тушь. 1938 год

* Лев Успенский *

РАССКАЗЫ *

ПРО СЛОВА *

„Я ЕМ БЛИНЫЗ“

В каждом языке множественное число имен существительных отличается от единственного по-своему.

У нас, например, различными аффиксами. Если слово в единственном числе звучит как «птиц-а», то, образуя форму «птиц-ы», мы получаем его множественное число.

В английском языке для этой цели служит звук «з», который становится окончанием слова. Собака — «дог», собаки — «дог-з». Пирожное — «кэйк», пирожные — «кэйк-з».

Как вам кажется, разумным было бы, если бы англичане, позаимствовав у русских кушанье «блины», а вместе с ним и его название, стали бы каждый отдельный кружок-блин называть «блины», а чтобы обозначить несколько бли-

нов, начали бы к русской форме множественного числа прибавлять свое английское окончание множественного: «блины-з»? «Я ел блины-з, но скушал только один блины»?

Конечно, это — нелепость, скажете вы. Получилось какое-то странное дважды множественное число. Зачем это?!

Так делать никто не станет, и таких дважды множественных чисел в природе нет!

А так ли?

Несколько лет назад в Англии стали очень модными песенки, исполнявшиеся с эстрады молодыми способными парнями-певцами. Узнали эти песни и у нас. И в газетах стали говорить про певческий ансамбль «битлзов» или «битлсов». Что значит слово «битлс»?

Загляните в англо-русский

словарь, и вы не найдете там такого слова. Вы обнаружите без труда слово «beetle»; оно значит «жук» и произносится «битл», а «битл-з» (beetles) — просто множественное число от «жук» и значит оно «жуки».

Я не знаю, почему юные британские певцы выдумали для себя такое название, да, в конце концов, — это их дело. «Жуки» так «жуки»! Но каждый участник этого музыкального ансамбля в Англии называется не «битлз», а «битл», и нам следовало бы именовать их либо уж на английский лад «битлз», если речь идет о многих «битлах» сразу, либо уже по-русски производить их множественное наименование — «битлы».

Теперь в печати мы все чаще и видим эту правильную

форму. Но в разговорной речи все еще продолжают употреблять неправильное дважды множественное число: «битлзы». Говорят: «битлзы начинают выходить из моды». Или: «А мне все-таки песенки битлзов нравятся...» Чудно, не правда ли? «Я ел блиныз!»

В этом случае неточность уже заметили, и мы стараемся ее исправить. Но существует уйма английских слов, давно вошедших в русский язык в такой же дважды множественной форме. Они настолько укрепились, что теперь исправлять ошибку не приходится.

Мы хорошо знаем, что отдельное пирожное англичане называют «кейк» (cake). «Кейкз» (cakes) значит «пирожные». И все-таки мы говорим и, очевидно, всегда будем говорить: «Купите полкило кекса», а не «кека». Тот, кто перенес в наш язык слово

же «удвоенными» являются названия очень многих народностей, взятые из английского языка: «зулу-сы», «инду-сы», «эскимос-сы». Ведь по-английски один зулус — «зулу», эскимос — «эскимос». Когда англичанин говорит: «Вот эски-

начальники). А мы, русские, не зная этого или забыв об этом, сделали множественное число именем. Создали из него и женское имя Серафима.

Обидно, наверно, англичанам (или древним евреям), что с их словами так странно поступают? А сами англичане? Ах, случается, и они действуют так же!

Есть французское слово «сериз» (cerise), оно значит «вишня». Англичане позаимствовали его у французов. Но ведь у англичан окончание «з» является признаком множественного числа. А им хотелось называть «вишню» в единственном числе. Зачем же тут «з». И они отбросили у французской «сериз» это «з», приняв его за признак множественности. Получилось английское название вишни — «черри», оно представляет собою странный обрезок французского «сериз». Это уже не дважды множественное, а скорее — корень квадратный из единственного!

Вот какие странные лингвистические шутки разыгрывают иногда языки мира над заимствованными словами!

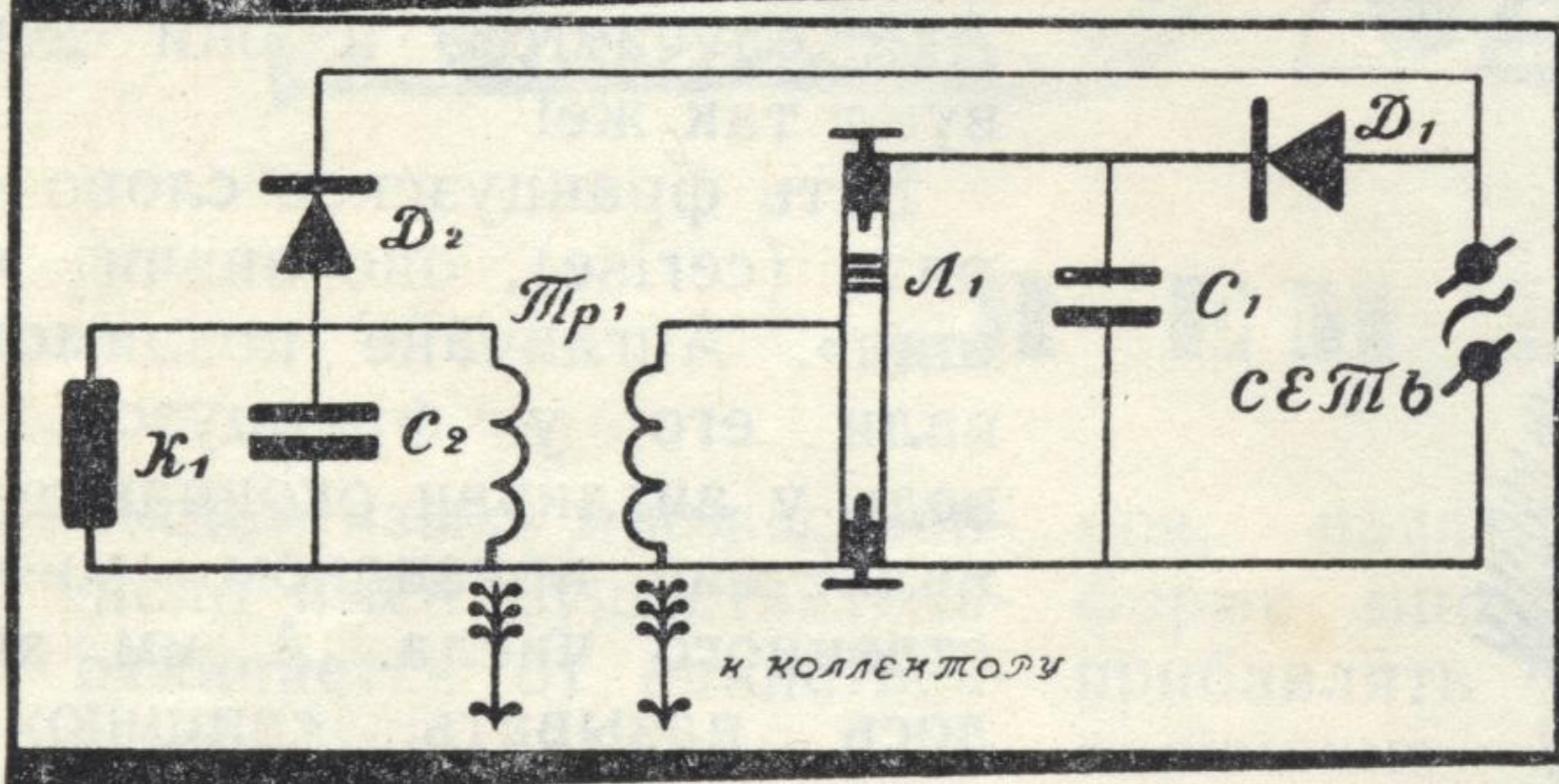
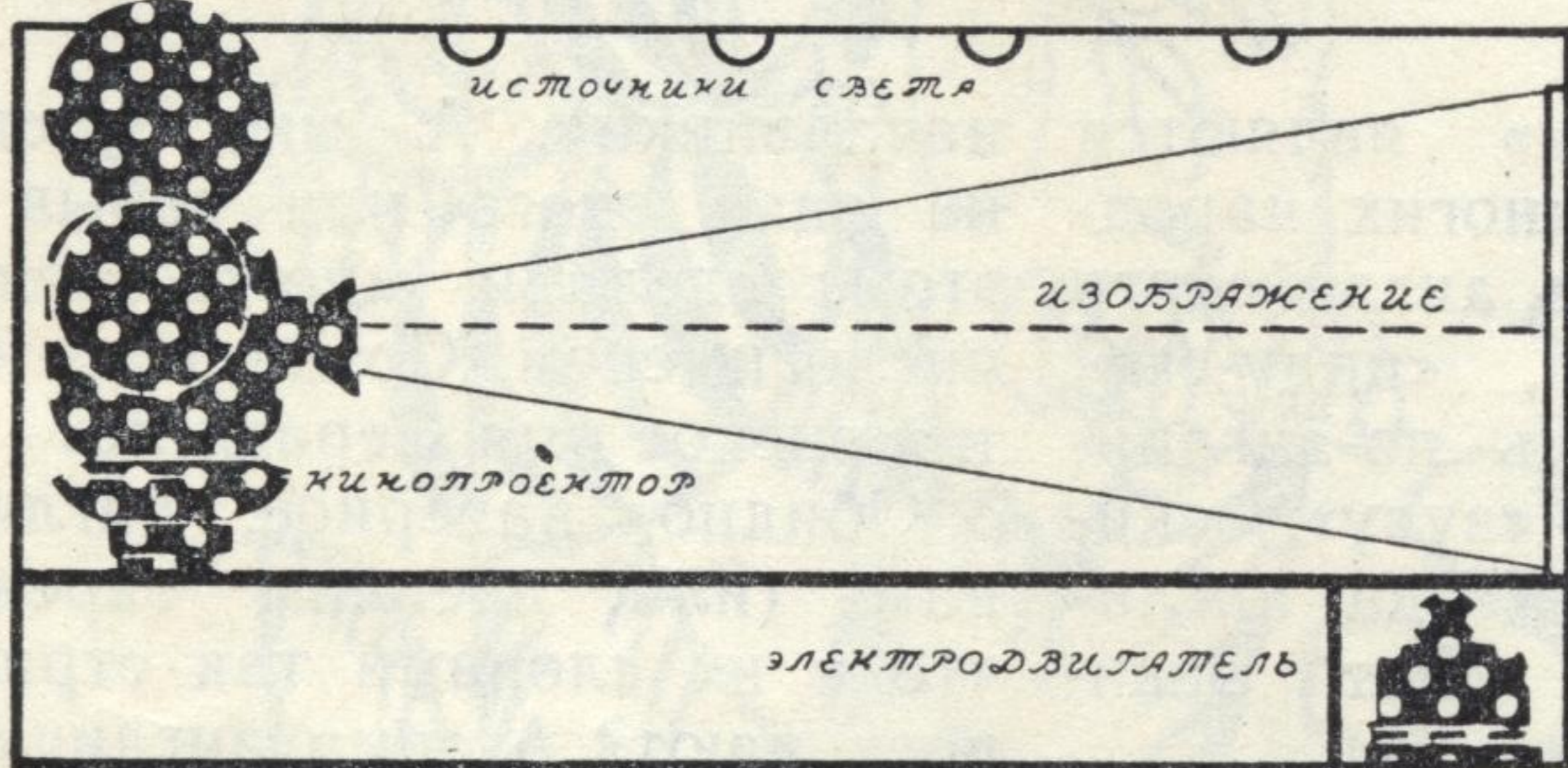
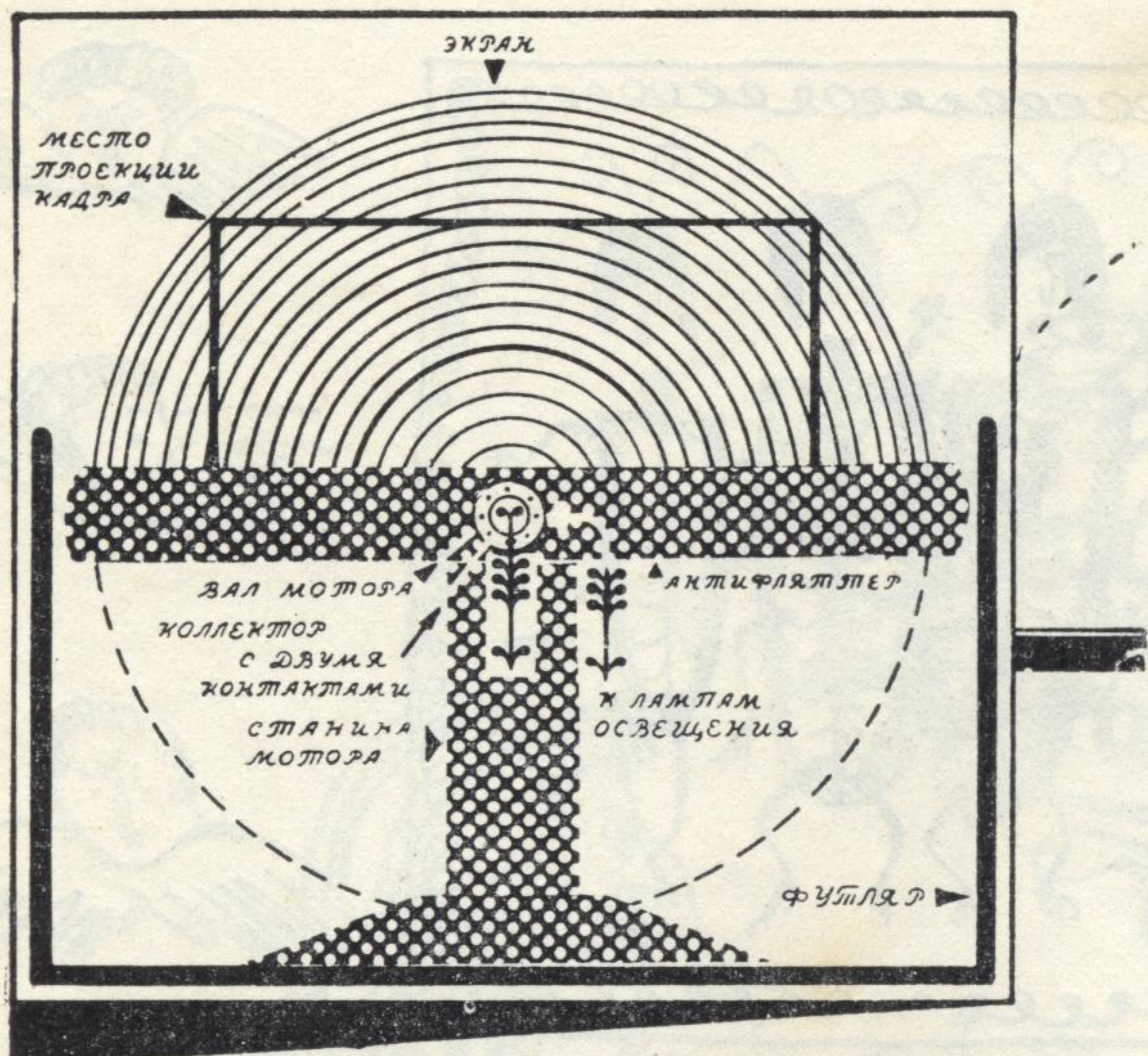

«кекс», английский знал плохо, его грамматикой не интересовался. А теперь исправить уже ничего нельзя. Да и смысла, пожалуй, нет: не все ли равно? Вот и получаются «блиныз».

Такие слова, как «рель-сы», «бим-сы» устроены точно так же: это все дважды множественные числа. Точно такими

мос», это значит «вот эскимосы».

Так дело обстоит не только с английскими словами. Вам, может быть, встречалось старинное мужское имя Серафим. Оно представляет собою древнееврейское множественное число, обозначающее «ангелы» (точнее — особые, высокопоставленные ангелы, ангельские

БЕЗ ЭКРАНА И ТЕМНОТЫ

Я нажимаю кнопку, включаю аппаратуру. Из ничего, из воздуха, кажется, при ярком свете возникают на маленькой эстраде кошки и собаки, куклы, балерины, жонглеры. А вот появился человечек, он танцует, поет веселую песенку, улыбается... Так и хочется его потрогать. Но этого-то я вам как раз и не советую делать. Невидимые дубинки могут отбить вам пальцы.

Это чудо без чудес. Наш глаз, как известно, способен сохранять какую-то долю секунды изображение предмета, уже исчезнувшего. При быстром вращении серебристых лопастей пропеллера виден сплошной серый круг. Глаз словно «смотрит в прошлое», он видит и те положения лопастей, которые они занимали короткое время назад.

Если на ось электромотора насадить длинную стальную белую пластину, то при вращении пластина создаст прозрачный невидимый круг, а на него с помощью кинопроектора можно спроецировать любое изображение. Видимое, оно словно повиснет в воздухе.

Кино показывают в темноте. Здесь же сияют яркие огни. Секрет прежний. Человеческий глаз не отличает

ровный свет от ярких вспышек с частотой мигания, скажем, пятьдесят раз в секунду.

В то время как свет в зале выключен, проектор подает изображение на экран. Лампы вспыхнут, когда объектив проектора затемнится. С помощью нехитрого устройства можно добиться синхронности работы электродвигателя, источников света — импульсной лампы и кинопроектора. Темнота и яркие вспышки будут чередоваться мгновенно, и зритель увидит, как, являясь из ничего, акробаты строят сложные пирамиды, а балерины показывают удивительные па.

Правда, съемку нужно вести на черном фоне — иначе возникнет и черный прямоугольник-кадр.

А придумал все это радиотехник Вячеслав Владиславович Сергель. «Автоматическая эстрада» — так назвал автор свое изобретение — поедет в Японию на «ЭКСПО-70».

Если ты немного кинолюбитель и немного электромонтер, то вполне можешь сделать это устройство в домашней или школьной мастерской. Рассмотрни схемы. О том, что получится, напиши нам.

Г. Грицаенко

схватил меня за руку, я оглянулся — старушка.

— Быстрее! — крикнула она. — Куда ты запропастился?! — И потащила меня через дорогу. Она быстро мчалась.

— Кто вы такая?! — крикнул я сам.

Она наклонилась ко мне, сняла очки, потом снова их надела...

— Не тот, — сказала она. — Не тот мальчик. А где мой?

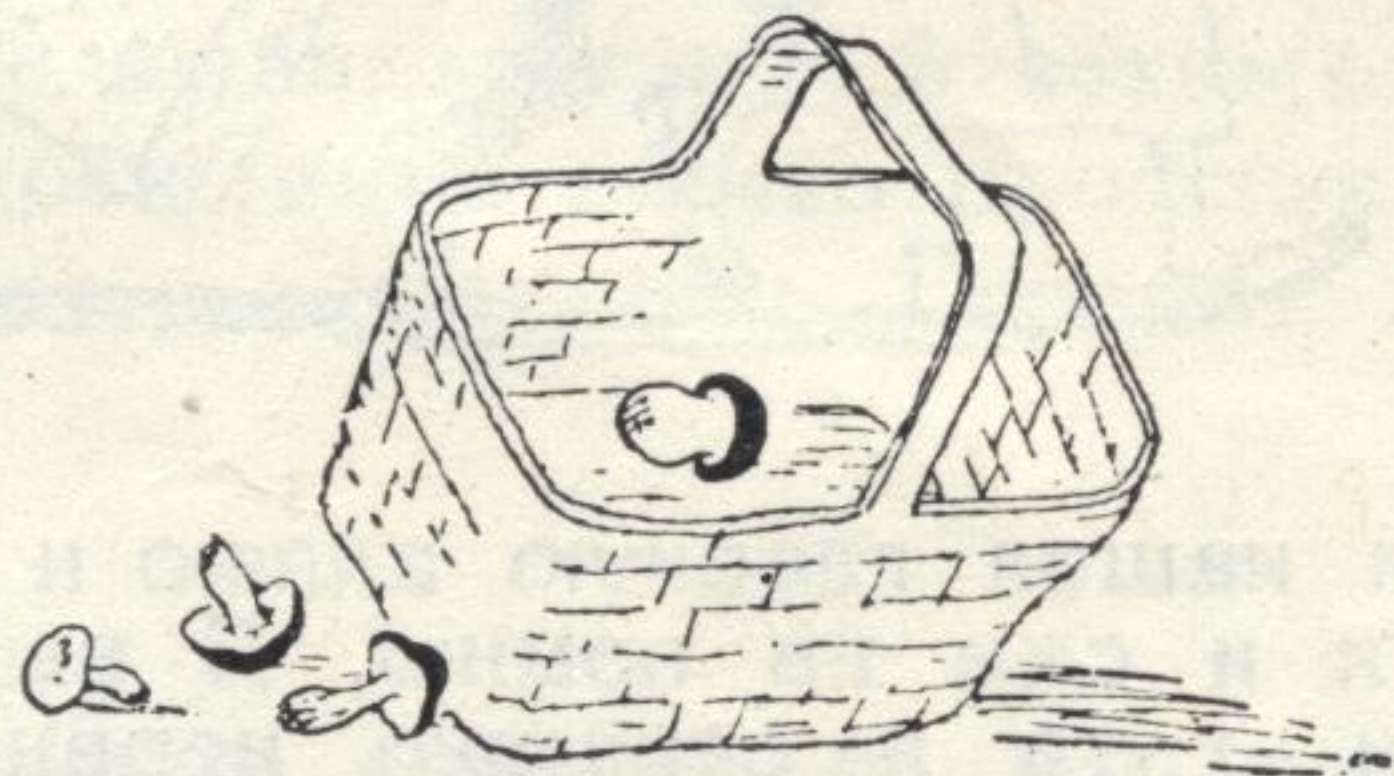
Но я уже мчался к нашему дому. Мама стояла бледная у парадной.

— Пошли, мама, — сказал я и всхлипнул.

Целый день мама не разговаривала со мной. Вечером приехал папа. На дне его огромной корзины перекатывалось несколько грибов.

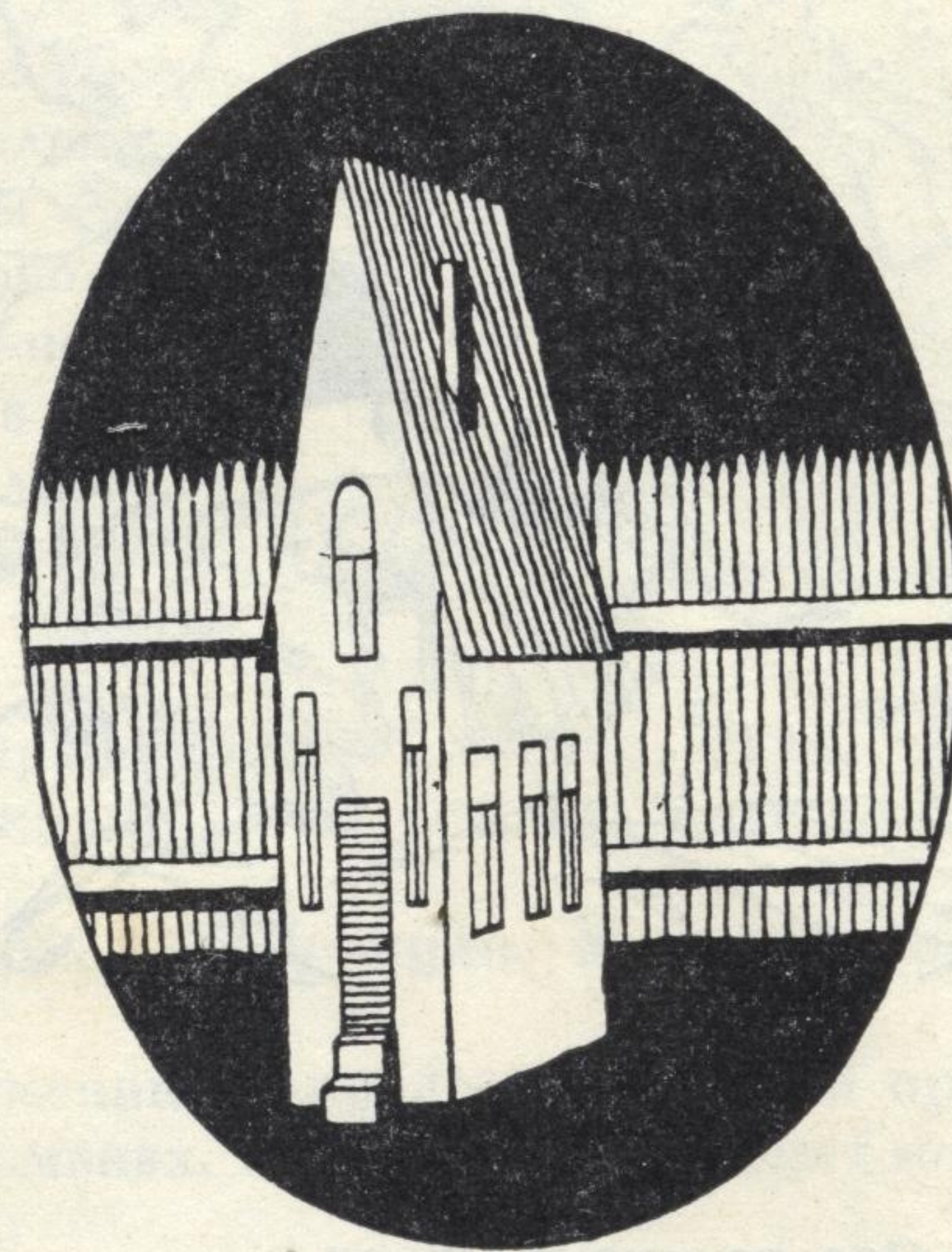
— Тепа-растрепа. Твой сын набрал чемодан подберезовиков в нашем парке, — сказала ему мама, а меня щелкнула по носу. И только тогда мне стало легче.

Рисунки Б. Семенова

8

Уголёк № 8

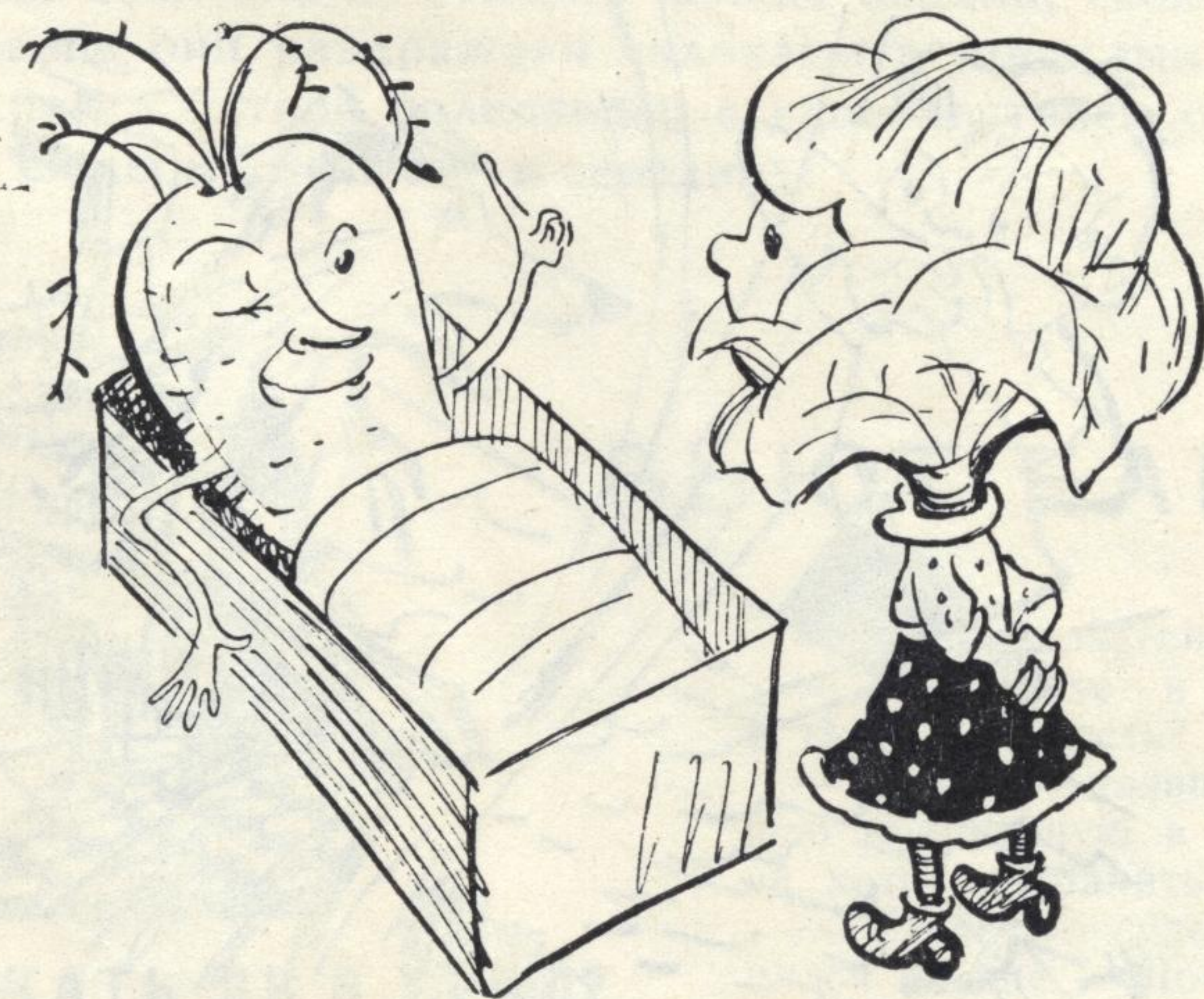

РАСТЯЖИМЫЙ ДОМИК

Да-да, растяжимый! Поднимите картинку с домиком на уровень глаз и наклоните. Зажмурив один глаз, вы увидите, как домик сжимается и растягивается.

Выстроил чудо-дом Владимир Васильевич Акентьев

1

ССОРА

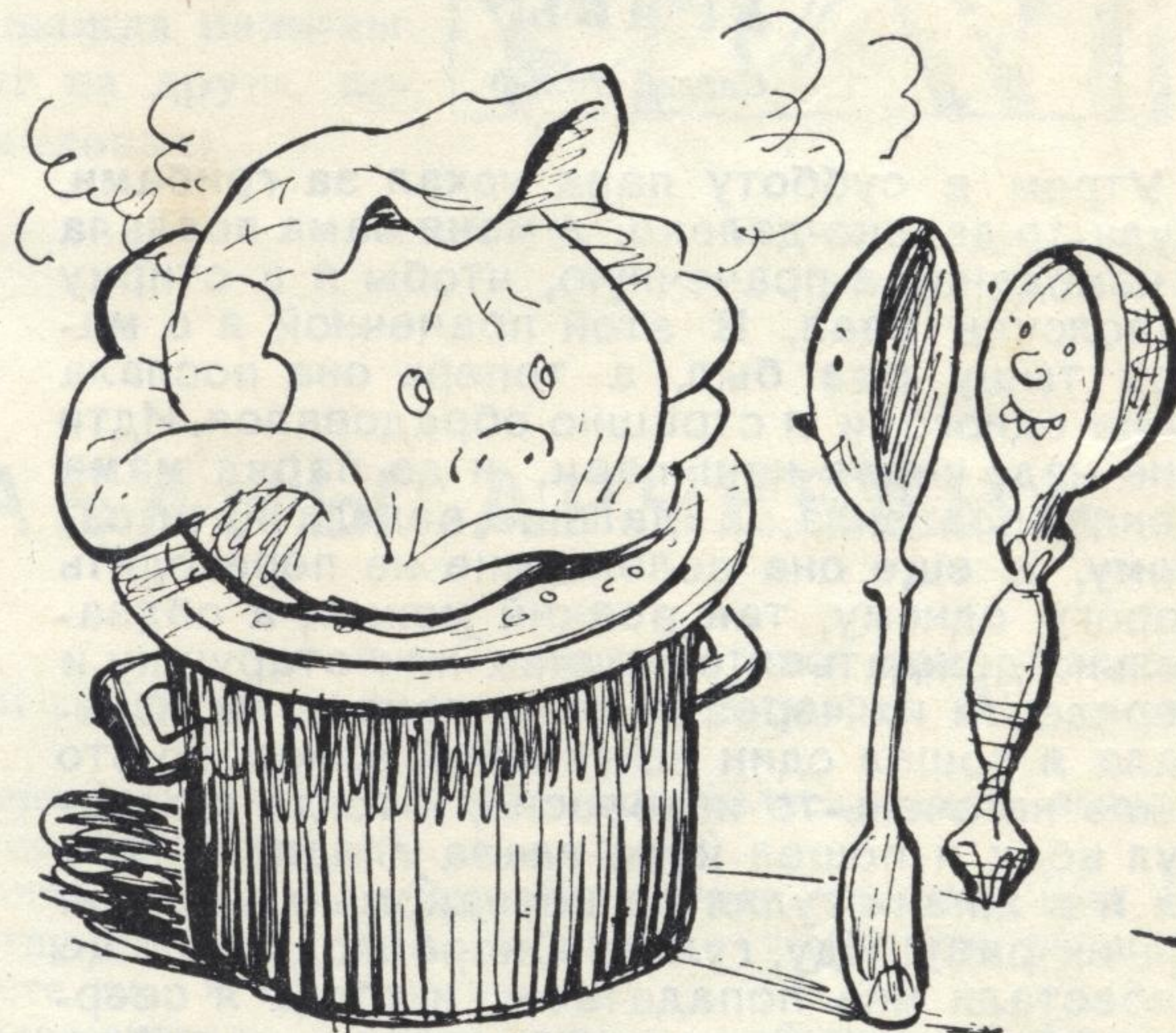
Однажды Капуста приходит к Морковке и видит: Морковка лежит в упаковке.

— Морковка, Морковка, скажи мне на милость:

Куда это нынче ты так нарядилась?

— Ах, знаешь, Капуста, уже уйду: сегодня меня пригласили к Ножу.

4

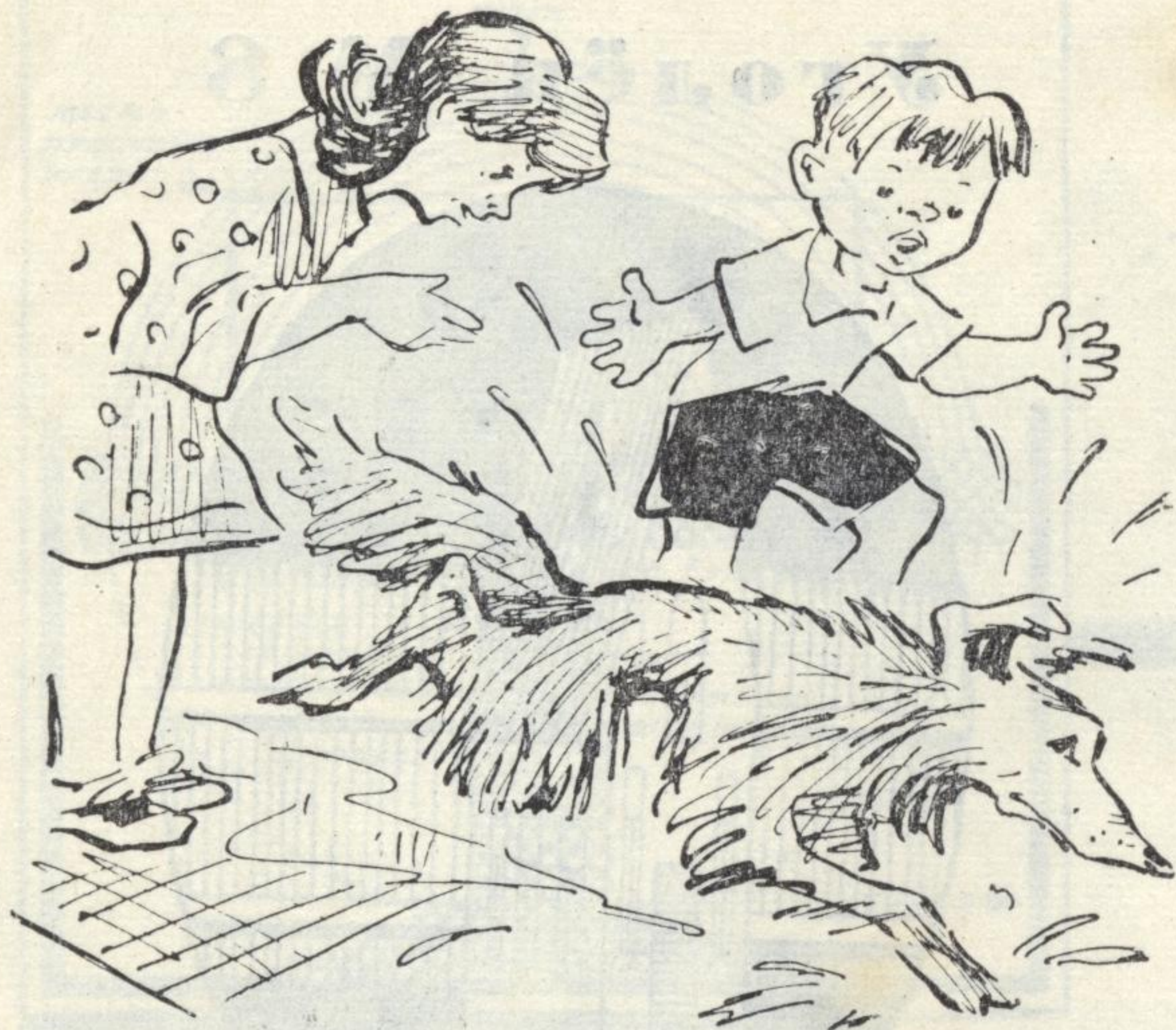
Меня без тебя пригласили к нему, Тебя я, Капуста, с собой не возьму.

Капуста сказала: „Подумаешь, Нож! Чихать мне на то, что меня не возьмешь!“

Две Ложки меня приглашали на Щи. Пойду без тебя я. Уж ты не взыщи“.

Иосиф Бродский
Рисунки Н. Зверева

5

ПИРАТ

Пес по имени Пират
 умыванию не рад.
 Так орет, так визжит,
 что посуда дребезжит.

Мама смотрит, брови хмуря:
 ванна — море, в море — буря!
 Лай стоит на весь этаж:
 взят Пират на abordаж.

2

наволочки, грибы — обратно — и пошел собирать новые. Я быстро набил грибами чемодан до отказа. Как же дальше быть? А вот как! Буду-ка я собирать их в наволочку. А где они? Где все наволочки? Искал-искал — нет!

И тут я все понял: наволочки я потерял, в прачечную я их не отнес, времени прошло много, мама волнуется, а я даже не знаю, как мне отсюда выбраться. Я вдруг заревел и помчался со своим чемоданом неизвестно куда.

Как я нашел главную аллею и выход из парка, я и сам не помню. Я вылетел из парка и, хотя я страшно нервничал, все равно остановился перед переходом, чтобы помочь какой-нибудь старушке. Вдруг кто-то

7

ГРИБЫ

Сергей Вольф

Утром в субботу папа уехал за грибами. Куда-то далеко-далеко. А меня мама послала с чемоданом в прачечную, чтобы я в стирку наволочки сдал. В этой прачечной я с мамой тыщу раз был, а теперь она послала меня одного, и я страшно обрадовался. Идти мне надо через наш парк, и до парка мама меня проводила, а дальше велела идти самому, и еще она велела мне не переходить дорогу одному, так всякий может, а обязательно дождаться старичка или старушку и перевести их через дорогу, помочь им. Сначала я пошел один по главной аллее, но это было не очень-то интересно, и тогда я свернул вбок и пошел куда глаза глядят. Много ли я в жизни гулял по незнакомым местам? Да ни разу! Иду, гуляю. Скоро люди вообще перестали мне попадаться, и тогда я свернул вбок и пошел дальше просто по траве, среди деревьев. Шел, шел и вдруг увидел... гриб. Настоящий! На длинной ножке! Я сорвал его и начал гладить, разглядывать и нюхать. Куда же я положу его! О! В чемодан! А это еще что такое? Грибы? Еще грибы?! Я стал носиться между деревьями и срывать грибы и засовывать их в чемодан. После с чемоданом в руке пошел искать еще. Скоро я набил грибами целый чемодан, а они все попадались и попадались. Тогда я высыпал из чемодана все грибы, вынул

6

Зазевался я на миг,
 и Пират из ванны — прыг!
 Прямо в кухню, дальше — в дверь.
 Излови его теперь...

И от лап его лохматых
 всюду мокрые следы...
 Настоящие пираты
 не пугаются воды.

3

Уголок
всего архиваруса

В первые годы XIX столетия на подмостках парижских театров блистала актриса Жорж. Она была красива и талантлива. Она любила сцену, но еще больше — деньги. И чуть только в 1807 году в городе Тильзите императоры Александр I и Наполеон I завязали переговоры о мире, мадемуазель Жорж, со стремительностью прямо наполеоновской, решила: вот самое время выступить в поход на сердца и кошельки российской публики. Ибо Европа полнилась слухами о баснословной щедрости театралов Москвы и Петербурга. Там-де заезжих артистов потчуют кренделями из чистого золота и коробками бриллиантов в конфетных бумажках.

Перед отъездом Жорж получила аудиенцию у своего императора. Она ломала руки, закатывала глаза и печалилась так, словно отправлялась не за червонцами, но в ссылку, подгоняемая не алчностью, но штыками.

— О государь! В снегах Московии я буду тосковать по милой Франции. Умоляю, подарите мне ваш портрет на память!

Наполеон знал толк в актерском мастерстве. Он сам был отменным лицедеем. Рыдания прекрасной актрисы не вызвали у него ответных слез. Он порылся в карманах, вынул наполеондор (золотую монету с изображением своего профиля) и холодно произнес:

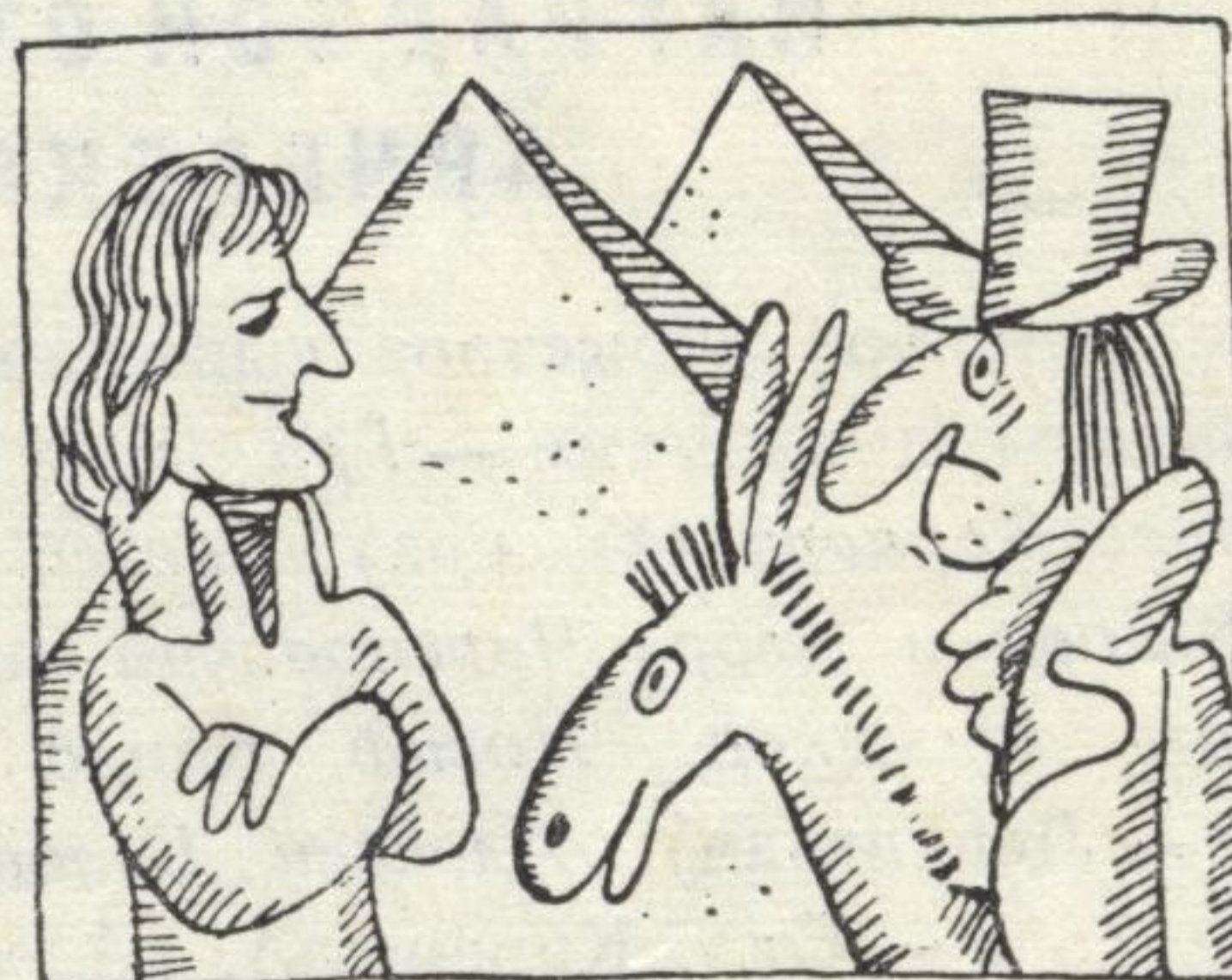
— Возьмите, мадемуазель. Говорят, я здесь похож...

ПЕРЕД БОЕМ

— Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид! — так красиво начал свою речь к солдатам двадцатидевятилетний генерал Бонапарт, возглавивший поход республиканских войск в Египет.

Помимо тысяч солдат, армию Наполеона составляли сотни погонщиков со своими ослими, перевозившими кладь, и небольшая группа ученых. Среди последних отличился Шампольон, которому эта экспедиция позволила сделать великое открытие: расшифровать египетские иероглифы. Однако были там и ученые мужи, которых в пески пустыни повлекла не столько жажда знаний, сколько жажда наживы. Наполеона они раздражали склоками и доносами друг на друга, поэтому перед битвой полководец с удовольствием скомандовал:

— Ослы и ученые — в середину!

БЕЖАТЬ ЛИ В УГОЛ?

Банда Шефа словно сквозь землю провалилась! Шахмат-адмирал возвращался с очередной операции на океанском лайнере.

— Не желаете ли сыграть в шахматы, сэр? — спросил его высокий седой старик.

— С удовольствием!
— Пройдете в кают-компанию...
С кем имею честь?

— Стайр, — назвал Ферзьбери первую пришедшую в голову фамилию: он хотел сохранить инкогнито.

— Стайр?! — седой старик изменился в лице. — Понимаете ли... Я не уверен, смогу ли сейчас играть... У меня, кажется, назначено деловое свидание... А вы, простите, сэр, родственник известного в прошлом шахматиста графа де Стайра?

— Нет, нет. Я просто однофамилец.

— О, сэр! Это меняет дело! Ведь

я — Стюарт. Потомок тоже известного шахматиста Стюарта. Я к вашим услугам, сэр!

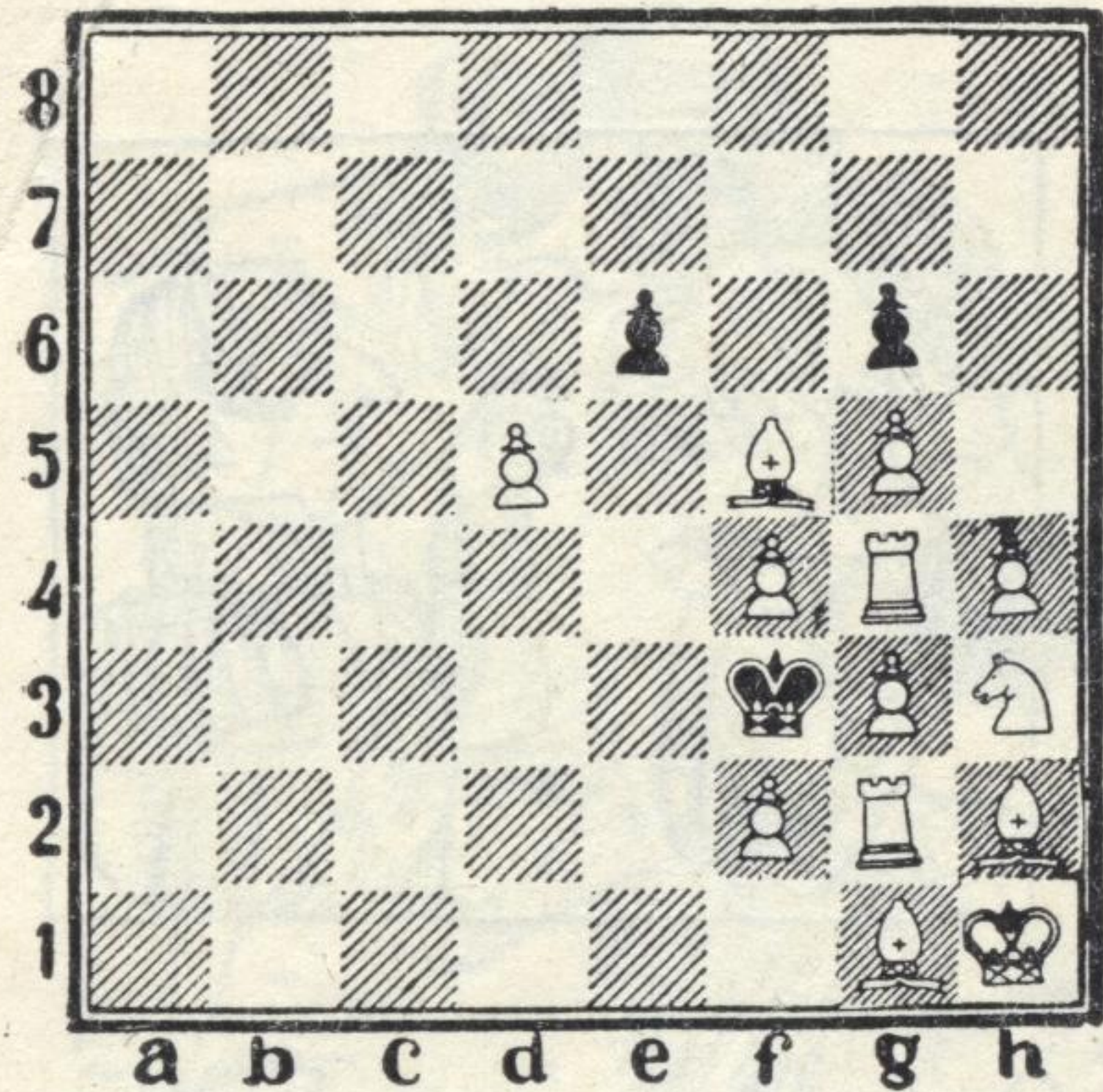
В игре получилась такая позиция (см. диаграмму).

Ферзьбери играл черными. Был его ход. Но прежде чем пойти, он заинтересовался:

— Скажите, любезнейший Стюарт, а чем заслужили известность мой однофамилец и ваш предок?

— Видите ли, сэр, эти неразлучные партнеры заканчивали партии весьма своеобразно. Дело в том, что граф де Стайр, когда проигрывал, хватал все, что попадалось под

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

руку, и запускать в противника. Но мой предок — полковник Стюарт — хорошо изучил его и поэтому убежал в дальний угол зала и лишь оттуда кричал: «Я иду конем. Вам шах и мат, граф!». Но вы же не родственник графа, сэр. И когда я вам через несколько ходов стану объявлять тут мат, мне не нужно будет убежать в угол.

— Нет, нет, не беспокойтесь! — улыбнулся Ферзьбери. — Вам не нужно убежать в угол! Вам не пришлось бы делать это, будь я даже сам граф де Стайр!

Чем вы объясните эти слова адмирала?

* * *

В 12⁴⁰ шахмат-адмиралу подали радиограмму.

«Докладывает рыцаренок Щ-47. В конуре Бобика обнаружил странный листок с надписью — «Тот, кто это не решит, пусть на Пульгу не спешит!» Под надписью задачи —

А. Александр Дягилев (Воронеж). Белые: Kpf7, Лb8, Сс8; черные: Kph6, пп. g5, g6, h5, h7. Мат в три хода.

Б. Белые: Kpd2, Лb2, Сf6, п. e4; черные: Kрс4, пп. с5, d4, e6. Мат в четыре хода.

В. Андрей Яковлев (Пермь). Белые: Кре7, Са1, Кd1, пп. b6, d6, h6; черные: Kрг8, Сс8, пп. a2, b7, d7, h7. Мат в пять ходов.

Г. Сергей Ковалев (Южно-Сахалинск). Белые: b4, с3, d2, e1, e3, f2, f4, h2; черные: a5, a7, b6, с7, e7, f6,

g5, h6. Комбинация.

Д. Борис Литвак (Тбилиси). Белые: b4, с1, с3, с5, d4, e3, f2, g1; черные: a5, a7, с7, e7, f8, g5, g7, h4. Комбинация.

Е. Белые: простые с7, f2, g1, h2; черные: дамка a7, простая d2. Белые выигрывают.

Сам решить не могу. Что делать? Щ-47».

Главнокомандующий тут же радиовал —

ПРИКАЗ № 8

Чтобы обезвредить происки бандитов, связанные с найденным в конуре Бобика подозрительным листком, приказываю:

§ 1. Шахматистам: решить задачи А, Б, В; шашистам — Г, Д, Е.

§ 2. Рыцарят: почему Стюарту не надо убежать в угол?

§ 3. Срок присылки рапортов — до 1 ноября.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 4 награждены дипломами — Григорий Видрученко (Пласт), Андрей Тарасов (Москва), Сергей Киктев (Сочи), Леонид Вовк и Игорь Череповский (оба — Горловка), Николай Рыжаков, Иосиф Каплан, Марик Хуторецкий (все — Ленинград), Алексей Белов и Горяф Гамируллин (оба — Ст. Киреметь), Александр Дмитриев и Юрий Страгис (оба — Омск), Сергей Миняйло (Кривой Рог), Борис Шавердян (Тбилиси), Сергей Петухов (Канаш), Павел Траксель (Караганда), Михаил Тимошков (Рудня).

15 СТРОК О ЧЕМПИОНАХ

Голландский доктор математики Макс Эйве — вот кто стал в 1935 году пятым чемпионом мира. «В шахматах Эйве знает, вероятно, все, что было когда-либо сыграно или напечатано», — писал Ласкер.

И все же шахматный мир недоумевал: как это Алехин, «комбинационный гений», недавно одолевший непобедимого Капабланку, отдал корону?! И лишь после выигранного Алехиным матча-реванша все стало ясным: в первом матче он был, как говорится, «не в форме».

Отчего вдруг наступает состояние «не в форме»? Случайно? Нет! Причины есть всегда. Были они и тут: 1) Алехин недооценил противника; 2) Алехин перестал соблюдать строгий спортивный режим, например, начал курить. И безнаказанно это не прошло!

Рисунок на обложке К. Савкевич

На третьей странице обложки рисунки М. Беломлинского

Главный редактор В. В. Торпыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская
Рукописи не возвращаются

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-40260 Подписано к печати 10/VII 1969 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 4+1 вкл. 6,72 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 370 000 экз. Зак. 185. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и наклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

**5 ПУТНИКОВ
ЗАГАДОК**

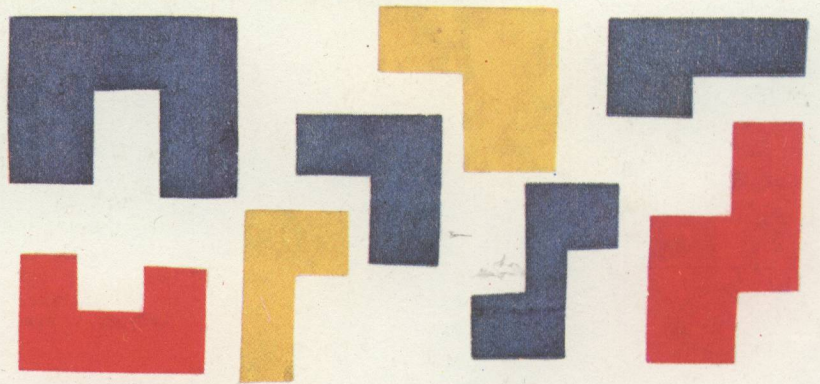
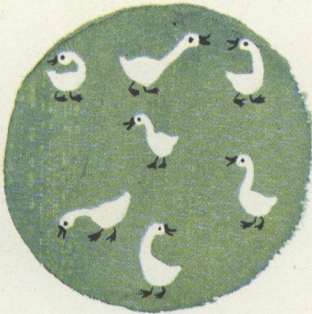
ОТГАДКИ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Лева, Юля, Боря, Ира, Майя отправились в поход. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В КАКОЙ ГОРОД?

По каждому мостику разрешалось пройти только один раз. КАК ЖЕ ПРИШЛОСЬ ИМ ИДТИ?

Вот драчуны!
Боря нашел три жерди, и каждый гусенок оказался в своем загоне. КАК?

Надо переплыть большую реку. На берегу валяются обрезки досок. КАК СКОЛОТИТЬ ИЗ НИХ КВАДРАТНЫЙ ПЛОТ?

 Дорогая овка!
 Всю ло за ателью! В пох вила рыбу.
 Мы наши , развели и наварим уши.
 так, то сте ащего Бори на огках Замотело,
 а и сразу нуш. Я привезу Вам букети .

На привале Юля села писать письмо любимой учительнице. Учительница смогла его прочесть. А ВЫ?

БУДУЩИЙ КОНСТРУКТОР

Фото А. Ритова